

A woman in a red dress is shown from the chest up, wearing a large, ornate earring. The dress is a vibrant red with a lace-like pattern on the shoulder. A large, dynamic splash of red liquid, resembling blood, is splashing upwards from the bottom right corner, partially obscuring the lower part of the dress. The background is a plain, light grey.

Валентина
Герман

КРОВЬ
ДЕМОНОВ

Перед вами Эджертон Сандерс: самовлюблен, циничен и убежден в собственном превосходстве над другими. Он научит вас, как жить, создавая себе минимум проблем... Впрочем, так ли это? Кажется, в его жизни настоящие проблемы только начинаются.

Роман закончен, выложен полностью

Буду очень благодарна за впечатления, тапки, оценки и простое "спасибо". Ваши отзывы для автора — лучший стимул развиваться:)

Герман Валентина В

Кровь демонов

Что может быть полезнее, чем научиться жить наилучшим для себя образом?
Уильям Сомерсет Моэм

ПРОЛОГ

Репутация и выгода — вот две главные добродетели в моей жизни. Причём первая на порядок важнее последней. Что может быть значимее репутации? Да ничего. Нет её — и для любого клиента ты никто. Пустышка.

Зато если она есть — то и выгода следует с ней рука об руку. "Он лучший. Обратитесь к нему, не пожалеете". Простые слова, но во сколько раз больше можно стрясти с заказчика, когда он свято верует в такую рекомендацию и сам готов отдать сколько угодно, лишь бы я согласился решить его проблему?..

В своём деле я — лучший. Я не допускаю промахов, и репутация моя безупречна. На моих визитках из простой сероватой бумаги скромно значится: *Эджертон Сандерс, частный сыщик*, однако сам я люблю называть себя частным ангелом. Ведь только ангел способен избавлять людей от такого количества проблем и грехов, как это делаю я.

И крылья у меня почти что имеются.

Вы скажете, я циничен? Что ж, не спорю. Но, поверьте, в сравнении с другими я и впрямь просто ангел. Я не задаю вопросов, наблюдая, как погрязают в низменных слабостях мои клиенты. Я не сужу их с горделивой надменностью, так, как они сами любят судить всех вокруг.

Я чётко делаю своё дело. Я следую своим принципам и своей морали. Я просто живу наилучшим возможным образом — наилучшим для себя.

Это просто бизнес, ничего личного.

приписывается

Аль Капоне

Мир вокруг меня был сплошь мраком, и ледяным ветром, и сухим хлопаньем кожистых крыльев кшахара.

— Давай, Акко, не упусти его, — подбодрил я несущегося сквозь мглу крылатого ящера, плотнее вжимаясь в седло.

Акко пробурчал что-то на своём животном языке и сложил крылья, устремляясь опасно близко к откосам черепичных крыш. Я не видел вокруг почти ничего: смутные силуэты домов, мелькавшие в нескольких метрах от меня, извилистая узкая улочка, чёрное небо над головой. Но зрение кшахаров иное, и сейчас мой верный друг нёс меня, лавируя между толпившимися домами и преследуя заветную цель, отчаянно удиравшую от нас на своих двоих.

Надежда — великая вещь. Казалось бы, грузный, одышливый мужик, куда ему против кшахара — ан, нет — бежит. Если бы не фора в три сотни метров, которую он выиграл, улизнув от меня через заднюю дверь увеселительного дома, давно бы уже дрожал от ужаса под натиском двух тяжёлых когтистых лап.

Акко резко поднялся вверх, срезая угол над крышами. Длинная шея его изогнулась, плоская голова опустилась вниз, пока он высматривал на земле свою жертву. Резкий взмах крыльями, и мы зависли в воздухе, оба озираясь — Акко по делу, я, скорее, по инерции, ибо всё равно не мог разглядеть ничего, кроме покатых крыш и острых шпилей.

— Потерял?

Акко рыкнул и круто развернулся в воздухе, снова устремляясь вниз. Где-то впереди, метрах в ста, я с удивлением заметил тусклый свет одинокого фонаря, а на самом краю освещённого островка на миг мелькнула чья-то тень.

— Ну всё, попался, — довольно выдохнул я и легко хлопнул ящера по шее. — Акко, фонарь! Сможешь?

Он лишь надменно фыркнул и нырнул ниже, с умопомрачительной скоростью приближаясь к мигающему огоньку. Я едва успел рассмотреть знак, висевший на балке вместе с фонарём, чтобы понять, что столь щедрое на свет заведение было аптекой. Что ж, прости, расточительный хозяин, но драгоценную вещь мы позаимствуем, по крайней мере, на время.

Акко даже не замедлил полёта — только слегка накренился влево, огибая балку, изогнулся дугой, вытягивая до невозможности шею, и ловко сорвал фонарь с цепи. Уже позади нас звякнули о булыжник разорванные звенья.

Темнота. Скорость. Ветер хлещет в лицо так, что норовит выбить из седла. Снова вверх, ещё быстрее, и резко, камнем вниз... Под чей-то пронзительный визг когтистые лапы ударились о мостовую, и меня ощутимо трянуло, но с привычкой, выработанной годами, я удержался в седле. Не медля ни секунды, я откинул крышку болтавшегося через плечо громоздкого чехла и наставил чёрное дуло прямо на перекошенное лицо, заметно

побледневшее даже в тускло-рыжем свете фонаря.

Щёлк!..

Удовлетворённо улыбнувшись, я покрутил ручку фотоаппарата, распространяя проявитель, потом легко спрыгнул из седла и подошёл к застывшему мужчине. Впрочем, сейчас и мужчиной-то я бы его назвал с трудом: встопорщенные короткие седые волосы, наспех нахлобученный поверх брюк шёлковый халат и — размалёванное яркой помадой и тушью лицо. Нет, это, конечно, не моё дело. В наш век свободы нравов любой человек имеет право издеваться над собой как пожелает.

Я взглянул на аппарат в своей сумке, демонстративно подсчитал в уме секунды и, кивнув сам себе, откупорил тонкое отверстие, осторожно изымая на свет хрупкую фотопластину.

— Превосходно получилось, — оценил я и коротко продемонстрировал всё ещё столбневшему передо мной извращенцу его слегка размытое, но узнаваемое изображение. Потом с сомнением нахмурился: — Нет, конечно, экспозиция не идеальна, но что поделаешь, при таком освещении... — я оглянулся на Акко, ища поддержки, и тот согласно качнул плоской головой, тихо урча. Я важно кивнул в ответ и удовлетворённо вернулся к изучению фотопластины. — Да и поза у вас не лучшая, мистер Кейтон. Как-то неестественно, напряжённо... нет, всё-таки неудачный кадр. Как думаете, может, стоит переснять несколько дублей?..

Лицо собеседника за время моего монолога успело поалеть, побледнеть и наконец приняло какой-то тревожный зеленоватый оттенок.

— Чего вы от меня хотите? — сквозь зубы процедил он.

Я улыбнулся и достал из внутреннего кармана пальто свёрнутую стопку бумаги.

— Соглашение на развод и раздел имущества с вашей женой, — сказал я, протягивая ему свёрток. — Будьте так любезны проставить свою подпись.

Зубы его скрипнули.

— Глэдис, — выплюнул он с такой ненавистью, что даже я поёжился. Надеюсь, он не задушит молодую жену, прежде чем я успею получить от неё вторую часть своего гонорара. Было бы обидно потратить столько времени зря.

Он дрожащими руками развернул бумаги и пробежался глазами по строчкам.

— Я, Питер Кейтон... согласен... обязуюсь... Что??.. — он возмущённо поднял на меня глаза. — Четверть моего состояния?! Да это чистый грабёж!!.. Я отказал ей даже в восьмой части...

Я пожал плечами.

— Выбор ваш, мистер Кейтон.

Он взглянул на меня с ненавистью, но, встретив позади меня хищный оскал кшахара, тут же опустил глаза. Я даже не усмехнулся: слишком привычной была его реакция.

Небольшие, всего чуть больше двух метров в длину от зубов до кончика хвоста, с плоской головой и тупым носом, эти ящеры тем не менее редко вызывают у непосвящённых иные чувства, кроме страха и отвращения. Их совершенно гладкое гибкое чёрное тело на вид кажется липким и осклизлым, хотя на ощупь оказывается совершенно сухим. Их пасть утыкана двумя рядами острейших зубов. Они невероятно пластичны, мощны и стремительны, но страшнее всего в кшахарах даже не тяжёлые когтистые лапы или острые зубы — глаза. Они выглядят слепыми: водянистые, грязновато-жёлтые, без зрачков, словно два несвежих яичных желтка вдавлены вместо глаз в их глазницы. Я не знаю, как они видят

— явно совсем иначе, чем люди. Куда лучше, чем люди. Кто-то из учёных утверждает, будто они воспринимают мир через иные волны: не только световые, как мы, но ещё и тепловые или... экстразвуковые, что-то в этом духе. Но помимо того, при желании этим своим взглядом кшахары могут привести любое живое существо в состояние совершенно неконтролируемого ужаса.

Кейтон пролистал бумаги до конца и вперил в меня полный ненависти взгляд.

— Я не буду это подписывать.

— Тогда я буду вынужден отдать изображение миссис Кейтон, и, поверьте моему опыту, она сумеет отсудить у вас даже больше. В суде присяжных только мужчины, поэтому на слезливые женские истории, очевидно, никто не купится, но вот на это... — я поболтал в воздухе фотопластиной. — В их преклонном возрасте предрассудки куда сильнее духа свободы.

— Что если я заплачу вам? Сколько она обещала? Пятьдесят норинов? Чуть больше? Я дам сотню.

— Я не разглашаю сведения о клиентах и их сделках, мистер Кейтон. И уж тем более, я не заключаю контрделок. У меня достаточно большой гонорар, чтобы не марать подобными вещами свою безупречную репутацию.

— Да ты... ты вообще понимаешь, что делаешь?! Если это всплывёт в газетах, мой брат собственноручно пристрелит меня... да ты хоть знаешь, кто я?!

Разумеется, я знаю. Питер Кейтон, младший сын недавно почившего Джонатана Кейтона и, соответственно, младший брат лорда Самюэля Кейтона, ныне полноправного графа Рейнервилль. Да уж, будь я графом, я бы такого брата тоже пристрелил. Без разговоров.

— У меня есть задание, сэр. Я выполняю его. Вы можете подписать бумаги, и тогда я при вас уничтожу снимок, либо вы можете не подписывать, и тогда я передам фотографию вашей жене. Что будет после этого, меня мало интересует.

— Мерзавец. Я тебя прикончу, слышишь?!..

Я вздохнул. Наверное, думает, он первый, кто угрожает мне чем-то подобным.

— Не прикончите. По крайней мере, не сейчас, поскольку вы явно в проигрышном положении, а после у вас, вероятно, уже не будет ни времени, ни свободных денег. Все они уйдут на адвокатов, и подкуп судей, и прочие важные мелочи...

Кейтон резко выдохнул сквозь зубы.

— Дьявол тебя раздери, — процедил он, но уже не столь яростно, скорее, с обречённостью.

Потом резким движением снял с бумаг дешёвую ручку, встряхнул её и опустил перо на страницу, выводя скупой росчерк.

— Старательнее, пожалуйста, — елеинно попросил я. — Дабы у экспертов впоследствии не возникло сомнений в подлинности.

Он не ответил, лишь скрипнул зубами и перевернул страницу. Спустя минуту он закончил и резким движением сунул кипу мне в руки.

— Ручку тоже позвольте, мистер Кейтон.

Судя по выражению его лица, он явно хотел бросить перо мне под ноги, но в последний момент отчего-то передумал. Спустя миг это "отчего-то" удовлетворённо уркнуло позади меня. Я с дотошностью перелистал страницы, сравнивая подписи с образцом, который предоставила мне Глэдис Кейтон.

— Что ж, — закончив, я улыбнулся и протянул ему фотопластину. — Благодарю вас, мистер Кейтон. А это вам, на память. Всё-таки хороший кадр вышел, а?

Кейтон с размаху швырнул стеклянную фотопластину на булыжник и несколько раз ожесточённо ударил по ней каблуком, несмотря на то что осколки уже превратились в мелкое крошево.

— Жаль, — прокомментировал я. — Я бы на вашем месте оставил, для истории.

— Катись к дьяволу.

Вот так. Грубо и совсем неподобающе для представителя знатного рода. Впрочем, что из всего этого было подобающим с самого начала?

— Хорошей ночи, мистер Кейтон.

Я обернулся и, спрятав бумаги во внутренний карман, вскочил в седло. Акко лениво развернул своё блестящее гибкое тело и взмахнул длинным хвостом, заставляя Кейтона отшатнуться с паническим вскриком. Я улыбнулся.

Все знают, что стрелчатый наконечник на хвосте кшахаров крайне ядовит. Но немногим известно, что выпустить яд этих ящеров может заставить только самая крайняя необходимость: для кшахара это не только болезненно, но и весьма опасно для жизни.

Так или иначе, Акко обожает вот так пугать наших жертв напоследок.

Ещё миг, и он расправляет крылья, толчок, взмах — и вот уже под нами стелются волны и гребни уродливо разномастных крыш. Тёмные, недвижимые, дисгармоничные. Мысли мои, не в пример им, легки и беззаботны. Ещё одно дело успешно завершено: без особых усилий, без лишних затрат — лишь немного привычного марания в чужой грязи.

Лёгкие деньги.

Что-то коробит меня, что-то неправильное назойливо мелькает на грани моего сознания.

Спустя минуту я понимаю и улыбаюсь.

— Эй, Акко. Нужно вернуть фонарь.

Самая удачная беседа — это та, подробности которой на следующий день забываются.

Сэмюэл Джонсон

Было раннее серое утро, когда я, пряча под пальто вторую часть гонорара от Глэдис Кейтон, подошёл к двери своих апартаментов на Шэрринг-стрит. Узкий, всего в одно окно, домишко уютился в бесконечной череде своих неразличимых близнецов, устало и равнодушно глядя на каменистую улочку мутными стёклами. В крохотной двухэтажной квартирке размещались и моё скромное жилище, и некое подобие офиса: комната внизу была сплошь заставлена стеллажами и завалена бумагами, папками, пакетами, коробками фотопластин и прочими важными и очень секретными документами.

Или не очень секретными и не слишком важными — это с чьей стороны посмотреть. Лично я храню весь этот хлам только потому, что из опыта знаю: иные пустяковые и давно забытые дела могут когда-нибудь всплыть в новом, совершенно непредсказуемом свете. Мир слишком тесен, как бы огромен ни был этот треклятый холодный каменный город.

— Мистер Сандерс?

Я вздрогнул от неожиданности: мало кто из соседей мог оказаться на улице в такое время, да и мало кто из них знал меня по фамилии, если уж начинать с главного.

Женский голос, кажется, молодой. Я медленно обернулся.

Так и есть. В неприметном тёмном плаще, лицо затенено капюшоном, но даже так юная блондинка выглядит слишком эффектно, чтобы не быть замеченной в этом скучном сером районе.

— Простите?

— Эджертон Сандерс? — повторила она.

А вот это уже интересно. Полное имя знают только клиенты — или люди, получившие от них рекомендации.

— Желаете пройти? — спросил я вместо ответа, и она кивнула.

Я отпер дверь, пропустил девушку внутрь и жестом пригласил её в единственную на этаже комнату. Там, в отличие от сумрачного холла, было уже достаточно светло.

— Что привело вас ко мне? — спросил я, когда мы расселись по тёртым креслам.

— Меня зовут... скажем, Энн, — начала девушка, и я согласно кивнул. Инкогнито в моей работе было делом нередким. — Сегодня ночью из дома сбежала моя сестра. У меня есть подозрения относительно того, куда она направилась, и я хочу, чтобы вы нашли её и как можно скорее вернули обратно. Я заплачу столько, сколько нужно: в моём случае время куда дороже денег.

Я снова кивнул и машинально переложил листы на столе, выравнивая их аккуратной стопкой.

— Несколько вопросов, мисс Энн. Каков крайний срок в вашем задании?

— Сегодня, не позже чем за час до полуночи.

— Хорошо. Вы сказали, что подозреваете, куда направилась ваша сестра?

— В столицу.

Я поднял брови.

— В столицу. Поездом, я полагаю?

— Совершенно верно. И следующий поезд отходит в полдень, поэтому я и пришла к вам столь рано. Но, как вижу, не разбудила, — она улыбнулась, чуть приоткрывая жемчужные зубки. Улыбка была кокетливой, в меру невинной, не слишком открытой. Отточенная, вымеренная — в общем, явно применяемая достаточно часто.

Я улыбнулся в ответ.

— Дела, — притворный вздох и дальше задумчивое: — До столицы четыре часа езды. Туда и обратно — восемь. Это значит, что на поиски, уговоры и, в крайнем случае, похищение у меня останется... гм... только три часа?

— Два с половиной, — невозмутимо поправила она. — Обратный поезд уходит ровно через это время.

— Любезная мисс Энн, — улыбнулся я. — При всём моем желании вам помочь, боюсь, подобное невозможно. Столица — огромный город. Найти в нём человека, даже с нюхом кшахара...

— Я дам вам адрес.

— А он у вас есть?.. — я оживился. Выходит, суть дела даже не в поиске, а в... хм, сопровождении? — Так с этого и нужно было начинать, прекрасная мисс Энн!

Она кивнула, принимая мои слова как они были: не слишком старательной лестью. Что ж, хоть я обычно не в восторге от блондинок, но эта девушка явно вызывает у меня интерес. Сколько ей, любопытно? Семнадцать? Чуть больше? И где же успела так набить руку в подобных играх... в её возрасте девицы обычно краснеют от самого простого, самого неизысканного комплимента.

— Так вы согласны?

— Зависит оттого, будете ли согласны вы. Моя цена — сто двадцать норинов плюс оплата купе туда и обратно.

Девушка чуть насмешливо изогнула брови.

— Сто двадцать норинов? За то, что вы с комфортом прокатитесь до столицы?

— Я не торгуюсь, мисс Энн. Так — или ищите другого исполнителя. Но учтите, что у меня лучшая репутация в городе. Я гарантирую доставить вашу сестру в указанное вами место, в срок, целой и невредимой, в противном случае я возвращаю свой гонорар в полуторном объёме.

— Противный случай меня не интересует, — холодно отрезала она. — Что ж, сто двадцать, будь по-вашему. Билеты вам доставят через час вместе с адресом в столице и указанием места, куда необходимо будет привезти мою сестру.

— Добавьте туда же ещё фотографию, мисс Энн, — ответил я и обезоруживающе улыбнулся: — Мне неважны имена, но как выглядит ваша сестра, знать необходимо. Вы понимаете, дабы избежать недоразумений.

— Недоразумений не случится, — улыбнулась девушка и скинула капюшон, рассыпая по плечам волнистую гриву превосходных золотистых волос.

Я даже на миг затаил дыхание от неожиданности: она в самом деле была очень красива.

— Запоминайте хорошенько, мистер Сандерс. Девушка, которую вы должны найти, выглядит в точности, как я.

К моему удивлению, мисс Энн удостоила меня вполне приличного двухместного купе и даже, видимо, выкупила его полностью: ко времени отбытия место напротив по-прежнему уверенно пустовало.

Я устроился на уютном обитом кожей диване и отхлебнул чай из фарфоровой чашки, которую вместе с дымившимся чайником и корзинкой печенья уже успел поставить передо мной проводник. Поезд дал гудок и медленно тронулся, скрипя колёсами. Остался позади вокзал, и каменный пейзаж города вскоре сменился таким же каменным видом обрывистых неприступных скал.

Вечно серый и продуваемый всеми ветрами, город с чересчур мягким для него названием Виндсхилл распластался на недружелюбном скалистом берегу Ледяного моря, карабкаясь по неровным склонам ущелья и сжимая объятиями каменных мостов глубокую, метров в сто, расщелину, на дне которой с шумом и пеной неистово несла свои воды стремительная река.

Иногда мы с Акко снимались с одной из многочисленных скал, стенами уходивших вниз к бившимся о камни морским волнам, и устремлялись вдаль, к бесконечному морскому горизонту. Оттуда, с моря, на закате солнца открывался единственный вид на город, который я любил. Гордый, неприступный, чьи вздымавшиеся слоями серые крыши, казалось, были высечены прямо из скал, простиравшийся вглубь насколько хватало глаз и бесстрашно подступавший к самому обрыву, Виндсхилл казался одним из тех чудес, глядя на которые трудно себе представить, что их создала рука человека.

И впрямь, я никогда не понимал, что заставило наших предков построить целый необъятный город в таком месте, как это. Говорят, что Виндсхилл начался с одного маленького форта, ещё веков десять назад прилепившегося к скалам у самого устья реки, там, где узкая расщелина раскрывалась под неудержимым натиском вечного моря. Сам форт не сохранился, как, впрочем, и память о том, от кого же стремились защититься его обитатели: ведь дальше в море не было уже никого и ничего, кроме воды, и льдов, и бескрайнего неба. Тем не менее Северный Шпиль, как ещё называли романтики наш серый и неприветливый город, стоял, и жил, и с непонятным упорством карабкался всё выше по склонам, словно стремился дотянуться до неба, взобравшись по пикам окружавших его безжизненных скал.

Глубже в горах, вдали от моря, ущелье постепенно сходило на нет, уступая место пологим склонам горной долины. Дорога вилась теперь вдоль чуть менее порожистой и шумной реки, и, несмотря на близость русла, стук колёс почти заглушал её размеренный бурлящий голос.

В стекло что-то отчётливо ударило, и я вздрогнул, лишь мгновением позже узнавая за окном знакомую когтистую лапу. Улыбнувшись, я переставил поднос с чаем на диван и раскрыл окно. В проёме показалась плоская чёрная голова с довольным оскалом, а затем, немислимым образом извернувшись, Акко нырнул в купе и уже в следующую секунду лежал, уютно свернувшись в кольцо на соседнем диване.

Я рассмеялся.

— Сколько раз наблюдал, но никогда не пойму: как ты это делаешь?..

Акко пробурчал что-то, поднимая голову, и повёл носом в сторону корзины с печеньем. Я хмыкнул и поставил её на стол перед ним.

— Держи, хищник.

Акко уркнул и счастливо уткнулся носом в самый центр, вороша хрустящую выпечку.

Вообще говоря, кшхары всеядны, как и люди, но большинство из них предпочитают хорошее мясо всякой там зелени. А мой Акко, помимо страсти к тяжёлым закускам, ещё и неустойчивый сладкоежка. Вообще, мне кажется, кшхары хоть и совершенно не схожи с нами физически, по духу и повадкам очень сильно напоминают людей. И пусть они не умеют говорить, но речь понимают превосходно, а по разумности порой дадут фору отдельным представителям рода человеческого.

Я никогда не считал Акко животным. Думаю, немного найдётся хозяев кшхаров, которые относятся к ним иначе.

— Проверка документов! — вместе с коротким стуком послышалось из коридора, и в тот же миг дверь купе шумно сложилась в сторону. — Сэр, будьте так любезны... о, милостивые боги!..

Акко взглянул на проводника своими слепыми жёлтыми глазами и постарался искренне улыбнуться, одновременно слизывая с носа остатки печенья. Вышло у него сами понимаете что.

Контролёр побледнел.

— Сэр... да это... да как же... будьте добры немедленно убрать животное из купе!

Акко недовольно рыкнул и сузил глаза. Контролёр сделал шаг назад.

— И прикажите ему пр-рекрать это!..

— Прекратить что?

— Д-д-действовать мне на м-м-мозги... вот дьявол!.. — он панически быстро вернул на место дверь и прокричал уже из коридора: — Если испортите обивку, сэр, придётся платить штраф и возмещение ущерба!..

— О, обещаю, что этого не случится! — беспечно заверил его я. — Хотите я просуну билет под дверь?

— Будьте так любезны!

Забрав документы, кондуктор что-то промычал, видимо, сверяясь со списками, и задумчиво уточнил:

— А животное ваше, выходит, заяц?

— Нет, — невинно возразил я. — Это кшхар.

Кондуктор фыркнул за дверью: видимо, немного отошёл от потрясения. Я улыбнулся и продолжил:

— Билета на него у меня нет, но я уверен, что мой агент выкупил всё купе целиком.

— Вы ошибаетесь, — заметил проводник, и дверь снова сложилась гармошкой. Не переступая порога, он подал мне документы. — Однако я, вероятно, забуду про вашего спутника, если вы будете не против небольшого расширения вашей компании. У меня в вагоне оказался один... гм... дополнительный пассажир...

Я усмехнулся: дополнительный пассажир, скорее всего, сунул пару-тройку норинов проводнику в зубы, потому что ему позарез надо, а он не успел купить билет. Я и сам выкручивался так пару раз, поэтому теперь бросить бедолагу коротать несколько часов в тамбуре мне не позволило братское чувство.

— Тащите сюда вашего пассажира. Если, конечно, он не против экстравагантного

общества.

— Выбор у него небольшой, — расцвёл проводник. — Благодарю вас, сэр. Хорошей поездки.

Попутчик предстал перед нами всего спустя минуту. Это был среднего роста молодой мужчина с гладко зализанными назад волосами и коротенькой светлой бородкой. Одет он был прилично, хоть и не слишком богато, да и в целом вид у него был располагающий. Закрыв за собой дверь купе, он вежливо улыбнулся мне. На Акко, казалось, он не обращал внимания, но держался всё-таки немного напряжённо.

— Благодарю, что поделились со мной местом, сэр. Меня зовут Чарльз Нортон.

— Майкл Саунд, — без запинки соврал я. — Рад знакомству, мистер Нортон.

Жестом я предложил ему свой диван, поскольку Акко занимал всё место напротив и явно не был намерен тесниться. Да и Нортону такой выбор, думаю, пришёлся куда больше по душе.

— Могу предложить вам чай, но, к сожалению, без печенья, — я послал Акко выразительный взгляд, но тот даже бровью не повёл. Ну, или что там есть у кшахаров.

— О, нет, благодарю. Вы и так слишком щедры, мистер Саунд.

— Ох, бросьте, — отмахнулся я. — Поверьте, я знаю, что такое трястись в тамбуре несколько часов. Сам бывал на вашем месте.

— В самом деле? — Нортон, казалось, искренне удивился. — Что ж, тогда мне уже не так совестно. Ну, вы понимаете, это ведь вроде бы не совсем порядочно, подкуп и всё такое...

Я неопределённо повёл головой, стараясь скрыть улыбку. Честный, значит.

— У вас наверняка есть достойное оправдание. Неотложное дело или что-нибудь в этом роде.

— Да, так и есть! — оживился он, но тут же оборвал сам себя. — Очень срочное и важное поручение. А вы? Часто путешествуете с кшахаром?

— Он тоскует без меня, поэтому — да, чаще всего. Вам приходилось раньше встречать их, не так ли?

— Верно, — ответил он. — Как вы догадались?

— По вашей реакции. Настороженность, но без панического ужаса.

— Мой друг служит в городском патруле. Быть может, вы даже знакомы? Он в седьмом дневном отряде.

Я улыбнулся.

— Я не служу в патруле.

Лицо Нортон удивлённо вытянулось.

— О. А откуда тогда у вас кшахар?

— Давняя история. Хотите послушать?

— Да, разумеется.

— Что ж, расскажу с удовольствием. В юности один мой приятель очень хотел служить в упомянутом вами патруле. Вы, должно быть, знаете, как проходит отбор? Претендент должен пройти несколько собеседований, сдать экзамен по физическим навыкам и, в качестве финальной ноты, приручить себе кшахара. Это испытание и на физическую подготовку, и на смекалку, и на смелость. Кшахар никогда не подчинится тому, кого он считает слабее себя. Но зато, однажды склонив голову перед человеком, он будет ему самым верным другом навеки. Впрочем, всё это вы, наверное, знаете. Так вот, в день испытания я

пришёл на арену поболеть за своего приятеля. Я был уверен, что у него всё получится: он был силен и храбр, как лев. Но что-то пошло не так. То ли кшакхар притупил его разум своим знаменитым взглядом, то ли это сделал рваный след от его укуса на плече. В любом случае, в какой-то момент мой друг оказался в песке, на лопатках, придавленный к земле лапами кшакхара, скалившегося прямо ему в лицо. И он сделал ошибку: он закричал. В понимании кшакхара это значило превращение из соперника в жертву. Я представил себе, как этот монстр разрывает горло моему другу, и не выдержал. Я знал, что нарушаю все мыслимые правила, но надеялся только на одно: что меня не успеют поймать. Я перемахнул через ограду и бросился к кшакхару, вопя что есть мочи. Он взглянул на меня — это был первый раз, когда я испытывал на себе их жуткий взгляд, но я просто не успел испугаться. В моих мыслях было только одно: я должен был спасти друга. Я не думал о том, что опозорю его или что он никогда не сможет более исполнить свою заветную мечту служить в патруле. Я думал только о том, что этот ящер вот-вот разорвёт его на куски. Я даже не слишком представлял себе, что делал: я просто орал на него, и махал руками, и грозился сотворить с ним невесть что, если только он тронет моего приятеля хоть одним когтем. Кшакхар внимательно слушал меня почти полминуты, а потом — потом он отпустил моего друга, шагнул ко мне и склонил голову, обозначая тем самым свой выбор.

Я взглянул на Акко и улыбнулся ему.

— Вот так мы и оказались вместе. Надо ли говорить, что мой приятель после этого не заговаривал со мной более ни разу. Я потерял одного друга, но приобрёл другого... и признаюсь честно, я ни капли не сожалею, что всё произошло именно так.

— Весьма интересная история, — вполне искренне отозвался Нортон. — Так значит, вы никогда не служили в патруле?

— Разумеется, они пытались вынудить меня, заявляя, что кшакхары-то на дороге не валяются, и если уж я стал обладателем одного, то просто обязан использовать его по назначению. Но кто, скажите, придумал эту единственную должность для кшакхара? В общем, я отказал им и забрал Акко с собой. Мы с ним вообще оказались сходны по духу: свободолюбивые и шальные.

— И чем же вы занимаетесь теперь?

— Торгую, — туманно улыбнулся я. — Но сейчас я на отдыхе, поэтому не хотелось бы говорить о делах.

— Да, разумеется. Значит, в столицу вы едете отдыхать?

— Да. В гости к знакомой. А вы?

— Я по делам, — вздохнул Нортон. — Срочное поручение. Ох, вы даже не представляете себе, сколько хлопот приносят эти сумасбродные богатеи. Порой я просто отказываюсь понимать их причуды... — он вдруг осёкся и как-то испуганно взглянул на меня: — Простите, я, кажется, говорю не то, что следует.

Я рассмеялся.

— Помилуйте, мистер Нортон, вы просто чересчур хорошо воспитаны. Или вы полагаете, будто я могу относиться к числу этих сумасбродных богатеев?

Он оглядел меня: неприметный средней руки костюм, поношенные ботинки, тёмные волосы, отпущенные до плеч и лежавшие свободно. Последнее кардинально вычёркивало меня из списка возможных "богатеев" или даже их приближённого круга: по нынешней моде никто из светских мужчин не носил волосы натуральными. Писком сезона были крашенные пряди у висков, превращавшие современное молодое дворянское общество в сборище

кичливых петухов, сверкавших всеми цветами радуги. У самого Нортон, как я теперь заметил, яркая жёлтая прядь огибала полумесяцем правое ухо. Что до причёсок, то и здесь естественность была не в моде, уступая место куцым косичкам или чему-то избыточно гладкому, как у самого Нортон, залитому до состояния воска смесями, состав которых я боялся себе даже представить.

Нортон улыбнулся, подводя итог оценке моей внешности.

— Нет, мистер Саунд, я так не думаю. К тому же, если бы вы к нему относились, то я бы, вероятно, знал вас в лицо.

— А вы, выходит, служите у кого-то из знатных особ, — наконец улучил я возможность задать важный вопрос.

И это вовсе не праздное любопытство — исключительно поиск выгоды. Ведь хорошее знакомство всегда принесёт пользу, стоит только выждать подходящий момент.

— Да. Я личный секретарь мистера Питера Кейтона. Возможно, вы слышали о нём? Он имеет высокий чин в...

Дальше я уже не слушал. Про Питера Кейтона с недавних пор я знал, наверное, больше его секретаря. Срочное поручение... Интересно, что задумал этот старый извращенец? Хочет как-то обойти подписанное ночью соглашение? Или припрятать имущество, дабы поменьше отпилить своей благоверной? Конечно, в обычном случае меня не должно это интересовать, но если повезёт, быть может, мне перепадёт ещё одно дельце от миссис Кейтон.

— Да, я слышал о нём, — подтвердил я, не слишком энергично, с подчёркнутой вежливостью.

Нортон улыбнулся.

— Надеюсь, только хорошее. О мистере Кейтоне говорят разное, но в самом деле он очень хороший человек.

Замечательный, подумалось мне. Честный, праведный и любит жену. И детей. Сколько там их у него — кажется, двое?..

Разговор с Нортоном клеился как по маслу, хотя и не касался более никаких относительно значимых тем. Пустая болтовня двух случайных попутчиков — непринуждённая, незапоминающаяся, но дающая повод сказать потом: а мы ведь знакомы!..

Большого пока мне и не было нужно.

Человек без адреса подозрителен, человек с двумя адресами — тем более.
Джордж Бернард Шоу

Когда поезд прибыл, Акко, свернувшись плотным кольцом, мирно посапывал на соседнем диване. Нортон клевал носом, уткнувшись в книгу, я же смотрел в окно, за которым уже начинали опускаться серые сумерки. Даже здесь, на две сотни миль южнее, поздняя осень не баловала светом любителей солнца — что говорить о Виндсхилле, который в это время года погрязал во мраке большую часть своего существования.

Поезд дал гудок, подтягиваясь к платформе, и мы все вздрогнули, приходя в себя от туманной полудрёмы.

— Пора бы тебе выбираться, Акко, — заметил я.

Он с шумом выдохнул воздух: у человека это вышло бы вздохом, у кшахара получилось, скорее, фырчанием. Я открыл окно, и Акко, уцепившись когтями за раму, выпорхнул наружу, словно огромная бабочка. Нортон раскрыл рот.

— Вот это да!.. Но как он... как он с такими крыльями не застрял-то!..

Я хмыкнул.

— Сам каждый раз удивляюсь.

— Невероятно, — ещё раз повторил Нортон и встрепенулся, когда поезд со скрипом замер. — Ну вот и приехали. Мистер Саунд, вам помочь с багажом?

— У меня нет багажа, — ответил я, прежде чем вспомнил, что наврал ему, будто собираюсь в гости. — Вернее, есть, но я отправил его ещё вчера, со своим помощником. Люблю путешествовать налегке.

— Хорошая привычка, — улыбнулся Нортон. — Вам далеко ехать, мистер Саунд? Если нам по пути, мы могли бы вместе нанять кэб.

— Да, разумеется, — я пожал плечами. — Мне на Гранд-бульвар.

— В самом деле? И мне тоже. А какой дом, если не секрет?

Что-то заставило меня соврать:

— Восьмой.

Нортон как-то странно улыбнулся.

— Вы серьёзно? Ваша знакомая — герцогиня Шеффорд?..

Вот ляпнул так ляпнул. Я как можно старательнее изобразил беспечность на лице.

— Нет, разумеется. Одна из её приближённых.

— Ясно, — с такой же деланой беспечностью ответил Нортон, но в его голосе теперь сквозило недоверие.

Кэб мы-таки наняли вместе: теперь было бы странно поступить иначе. Всю дорогу я мучился странными, неясными ещё подозрениями. Секретарь Кейтона едет со срочным поручением в том же поезде, на одну со мной улицу... нет, конечно, каких только

совпадений не бывает в жизни, но вот скажите: вы сами верите в такие случайности?..

Я окончательно убедился, что дело нечисто, когда экипаж остановился напротив кованого забора с изящной вывеской с номером двенадцать.

— Ну вот я и на месте, — поднимаясь, сказал Нортон.

"Я тоже, — подумал я. — И почему-то мне это совсем не нравится".

— Рад был знакомству, мистер Саунд. Надеюсь, ещё увидимся.

Он спрыгнул со ступеньки, и кэб тронулся, увозя меня к пафосному и необъятному особняку под номером восемь. Я дождался, пока извозчик скроется из виду, и, нахлобучив капюшон плаща, пешком отправился обратно. На бульваре было шумно илюдно, и это удивляло меня: в Виндсхилле после наступления темноты редко встретишь кого на улицах.

Я поймал за шиворот какого-то мальчишку-оборванца, шмыгнувшего мимо. Он не вскрикнул, лишь тихо зашипел, изворачиваясь и глядя на меня.

— Эй, мистер, отпустите. Чего я вам сделал?

— Чей это дом? — спросил я, кивая в сторону номера двенадцать.

— Графа Рейнервилль, чей же ещё, — бросил он, передёрнув плечами. — Отпустите, мистер.

Я оставил его и, обернувшись, задумчиво оглядел высокие окна.

Граф Рейнервилль. Самюэль Кейтон.

И кого же, дьявол меня раздери, я должен был украсть в этом доме??..

Пробраться на огороженную территорию особняка было делом нехитрым: достаточно было кликнуть Акко, кружившего высоко надо мной и кутавшегося в темноту, теперь уже окончательно вступившую в свои права. Но Гранд-бульвар, одна из центральных столичных улиц, не в пример проулкам Виндсхилла была неплохо освещена. Поэтому порхать на кшакхаре вокруг здания, бессовестно заглядывая в окна, было бы решением весьма опрометчивым и безрассудным.

Я обошёл забор кругом — благо богатые особняки не прижимались друг к другу подобно домишкам на моей Шэрринг-стрит. Позади всё было несколько лучше: тихий тёмный проулок, окружённый со всех сторон заборами и садами. На втором этаже особняка Рейнервилль лишь в паре окон мерцал свет. Я был не слишком частым гостем дворянских поместий, однако предполагал, что во двор должны были выходить, вероятнее всего, окна спален.

Если девушка действительно приехала сюда сегодня, то отличить гостевую комнату не составит труда: наверняка сундуки ещё не разобраны и столики неестественно чисты.

Я взмахнул руками, посылая Акко условный сигнал. Не представляю себе, как он видел меня с такой высоты, и тем не менее это было так. Как всегда, он спустился, не прошло и четверти минуты.

— Нужно подобраться к окнам, — тихо сказал я, взбираясь ему на спину. — Но осторожно: нас не должны увидеть из других домов или флигеля прислуги. Вначале заглянем в освещённые комнаты, а потом, если понадобится, я проберусь внутрь и исследую оставшиеся.

Акко уркнул и расправил крылья. Резко вверх и тут же снова вниз — скорее прыжок, чем полёт. Тенью, скользя, вдоль земли и лишь у самых стен снова вверх. Крылья сложены, мощные лапы царапают каменные стены крепкими когтями. Акко сейчас — словно

ящерица, а не кшахар. Только вот какая ящерица взберётся по отвесной стене да ещё с лишним весом в половину собственного?..

В отличие от Акко, расположившегося на стене меж двух окон так, словно он каждый день только этим и занимался, я чувствовал себя не слишком уверенно, плотнее вжимаясь в седло и обхватывая руками гибкую шею. Акко подождал с полминуты, потом фыркнул и перебрался чуть выше, изгибаясь и поднимая меня к самому подоконнику. Я осторожно высунул голову, заглядывая в комнату — и тут же пригнулся обратно.

— Акко, наверх, живо!..

С тихим шорохом исполнительный кшахар махом взобрался на крышу и затаился.

Окно распахнулось.

— Что там, Саманта? — послышался женский голос.

— Кажется, ничего, миледи, — ответила служанка, оглядевшись. — Уф, померещится же...

Окно захлопнулось, и я облегчённо вздохнул.

— Чуть не попались.

В любом случае, первая комната была не той, что нужно: очевидно, она принадлежала хозяйке дома, которую я мельком увидел внутри вместе с её служанкой. Впредь нужно быть осторожнее.

Выждав ещё минуту для верности, мы спустились с крыши, но на этот раз двигались сверху, над окнами, у самого козырька. Так мне оказалось проще заглядывать в комнаты, да и меньше была вероятность, что нас заметят со стороны.

Следующая освещённая комната оказалась почти лишённой обитателей, за исключением пушистой кошки, клубком свернувшейся посреди широкой постели. На креслах и в изголовье кровати были рассажены куклы, постель застелена розовым кружевным покрывалом, да и везде где только можно царил розовый цвет — в общем, если моя девушка не гостила здесь каждый месяц и не отставала в развитии лет на десять, то комната явно принадлежала не ей.

— Дальше, Акко.

Мы проползли по стене мимо ещё двух тёмных окон и зависли над последним, сквозь которое струился приглушённый свет. Я свесился вниз, осторожно заглядывая внутрь, и едва не воскликнул от радости, в последний момент прикусив язык.

— Бинго.

Как я и ожидал, комната была узнаваемо гостевой: нейтральные тона и меблировка, отсутствие мелочей и безделушек, которые выдают обычно обжитое пространство, неразобранный сундук в углу. Но более того: на постели полужёла расположилась светловолосая девушка. Из-за плотных тюлей я не мог разглядеть достаточно черты её лица, однако судя по позе, она задремала, вероятно, читая перед ужином какую-нибудь не слишком увлекательную книгу.

Я выждал ещё минуту, наблюдая за девушкой и убеждаясь, что она спит. Потом повернулся к Акко.

— Поможешь мне пролезть внутрь?

Окно, на моё счастье, было слегка приоткрыто. Акко быстро и ловко обогнул его, оказываясь снизу, и замер, позволяя мне подняться в седле, толкнуть створку и тихо нырнуть внутрь.

— Жди здесь, — шепнул я послушному кшахару и обернулся, чтобы осторожно

направиться к спавшей девушке.

Бесшумно приблизившись, я замер в полуметре от неё и невольно затаил дыхание от представшего передо мной зрелища. Если бы я не знал точно, что мисс Энн не могла оказаться здесь так быстро, я был бы совершенно уверен, что передо мной находилась она. Те же черты лица, те же волнистые, густые светлые волосы, те же пухлые и невинные, будто у ребёнка, губы. Голова девушки склонилась к плечу, затянутая в тёмное кружево рука покоилась на раскрытой книге — я не ошибся в своём предположении.

"Так кто же ты?.. — подумал я. — Неужели и правда..."

В этот миг ручка двери медленно повернулась.

Меня спасло только то, что, кто бы ни находился за дверью, он старался двигаться тихо. Ещё миг, и я нырнул за гардеробную ширму, радуясь, что комната была недостаточно хорошо освещена, чтобы меня было возможно разглядеть сквозь тонкие полотна натянутой ткани.

— Мисс Кейтон? — раздался тихий и очень знакомый голос, и я мысленно усмехнулся.

Вот и подтверждение моим догадкам. К графской дочери "мисс" не обратятся, а значит, эта девушка и её сестра-близняшка были не кем иным, как дочерьми небезызвестного извращенца Питера. Ну а в человеке, прокравшемся сейчас в комнату, я совершенно без удивления узнал Чарльза Нортона.

Что он задумал, любопытно? Может, по приказу Питера он сейчас делает то же, что и я — пытается вернуть беглянку домой?..

Зашуршали простыни, и послышался сонный, удивлённый голос девушки, и я вновь поразился их сходству с сестрою.

— Мистер Нортон?.. Ох, вы напугали меня.

— Извините, мэм. Прошу прощения, что вторгся к вам, это крайне неподобающе...

Судя по тени, едва видимой сквозь тонкую ширму, Нортон стоял спиной к постели, очевидно, пытаясь хоть как-то искупить своё немислимое поведение. Забавный мальчик. Такой правильный.

— Что вы здесь делаете?

— Официально я прибыл сообщить графу о том, что мистер Кейтон подписал соглашение на развод.

— Ох, — в голосе девушки послышались страх и разочарование. — Но почему?..

— Он заверил, что у него были причины.

— Она вынудила его, — с отвращением констатировала девушка.

— Возможно. Но здесь я не поэтому. Ваш отец просил передать вам это, — он вынул из внутреннего кармана какой-то свёрток и положил на туалетный столик. — Здесь достаточная сумма, чтобы вы могли прожить безбедно несколько недель. Он сказал, чтобы вы выбрали направление уже на вокзале и не говорили никому, куда едете: даже графу, даже мне. Здесь вам оставаться небезопасно: слишком предсказуемое место. Вас легко найдут.

— Мне нужно пережить лишь сегодняшнюю ночь. Если меня не будет в Виндсхилле сегодня, то в ближайший месяц я снова буду в безопасности.

— Что если вас найдут раньше, мэм?.. Я успел приехать сюда, значит, и кто-то ещё успеет. Взять хотя бы этого подозрительного типа, с которым я делил купе...

Вот так да, подумал я. Это я-то — подозрительный тип?.. Впрочем, глупо отрицать это, сидя за ширмой в чужой спальне.

— Вёз с собой кшахара и направлялся на эту же улицу... якобы в дом герцогини Шеффорд, но кто его знает. Нет, конечно, вы скажете, будто у меня паранойя...

— В последнее время я тоже склонна к ней, — мягко остановила его мисс Кейтон. — Что ж, пожалуй, вы правы, мне будет лучше прислушаться к совету отца.

Нортон вздохнул в облегчении.

— Я оставлю вам мужской костюм, плащ и котелок. Спрячьте волосы хорошенько. Я буду ждать вас внизу, у чёрного хода. Возьмите только то, что вам необходимо.

И он вышел, тихо закрыв за собой дверь.

Я улыбнулся: что ж, всё будет даже проще, чем я думал. Нортон самолично доставит девушку прямо на вокзал и оставит её одну, дабы она могла сбежать в неизвестном ему направлении. Как удачно всё складывалось... За исключением одной маленькой детали.

Девушка есть девушка. Даже оставшись в комнате одна, мисс Кейтон отчего-то решила, что переодеться она могла исключительно за гардеробной ширмой.

И здесь-то мой такой удачный и бесхлопотный план потерпел сокрушительный и бесповоротный провал.

Доказательство — свидетельство, более похожее на правдоподобное, чем на сомнительное.

Амброз Гвиннет Бирс

— Тсс!.. — я зажал ладонью её рот и пронзительно взглянул в округлившиеся от ужаса и при этом удивительно красивые серые глаза. — Пожалуйста, не кричите, мисс Кейтон. Нортон не должен слышать нас.

Она нахмурилась и вопросительно уставилась на меня.

— Не будете кричать?

Отрицательный ответ движением головы.

— Что ж, — я отпустил её и отступил на шаг, обезоруженно поднимая ладони. — Простите, что напугал вас, мисс Кейтон.

— Кто вы? Что вы делаете здесь?

— Меня прислал ваш отец. Мне жаль сообщать вам это, но Нортон — предатель. Он здесь не для того, чтобы помочь вам сбежать. Он хочет вернуть вас домой.

Врать напрадую, сходу и уверенно — залог успеха в моей работе, а бесценного опыта у меня предостаточно. Тем не менее, несмотря на вполне стройную теорию, девушка скривила губы.

— За дурочку меня держите? Мистер Нортон никогда бы не предал моего отца.

— Он в сговоре с вашей сестрой, — бросил я наугад.

Теперь девушка напряглась.

— Аннабель?.. Но откуда вы... — она осеклась и отвернулась. — Нет. Невозможно.

Потом снова повернулась ко мне.

— Чего вы хотите?

— Помочь вам. Прошу, поверьте: Нортон опасен для вас. Он приведёт вас прямоком в ловушку.

— И я должна пойти с вами, дабы избежать её, не так ли, — саркастически улыбнулась она. — Простите, мистер...

— Сандерс, — подсказал я.

— Мистер Сандерс. Но назовите хоть одну причину, почему я должна поверить вам?

Я пожал плечами.

— Вы можете не верить, мисс Кейтон. Вы можете отправиться с Нортоном на вокзал и убедиться сами.

Она замерла и внимательно взглянула на меня.

— Вот как, — задумчиво произнесла она наконец. — Что ж, пожалуй, я так и сделаю, мистер Сандерс. Теперь позвольте, я бы хотела переодеться.

Я притворно вздохнул, потом кивнул и направился в сторону двери. У выхода

обернулся. Мисс Кейтон смотрела мне вслед.

— Я буду рядом, когда вам понадобится помощь, — сказал я и выскользнул в коридор, плотно закрывая за собой дверь.

Первым желанием было прислониться к косяку и с облегчением выдохнуть, шумно и протяжно. Кажется, повезло. В очередной раз. Запаникуй она, подними шум — и пришлось бы волочь её полуодетую, бессознательную через полгорода верхом на кшахаре...

Но сейчас было не время предаваться раздумьям. Кто-нибудь мог появиться в коридоре в любую секунду.

Я бесшумно скользнул к ближайшей двери и осторожно приоткрыл её. Темно и, кажется, пусто. Да, так и есть. Постель застелена. Никого. Я нырнул внутрь и поспешил к окну.

— Акко! — тихо прошипел, выглядывая наружу — и тотчас осёкся, когда прямо передо мной сверху свесилась довольная кшахарская морда, заслоняя весь мир блеском острых зубов и жёлтых глаз.

— Дьявол, Акко! — я отшатнулся от неожиданности. — Ты нарочно?

Он довольно заурчал. Я только обречённо вздохнул.

— Спускайся сюда. Нам не стоит терять время.

Спустя полминуты мы вдвоём уже были на крыше — и очень вовремя: дверь чёрного хода приоткрылась, и наружу выскользнул Нортон. Мисс Кейтон, разумеется, заставила ждать себя куда дольше. Зато когда она появилась, я, даже зная, чего ожидать, не признал её: просторный плащ скрывал её фигуру, котелок придавал некое сходство с женщиной. Что ж, возможно, в темноте её маскарад и сойдёт за правду.

Интересно, куда она спрятала свою копну волос?..

Нортон провёл её к узкой калитке, выведившей в тёмный проулок, и отпер замок ключом. Позаботился заранее, отметил я для себя. Этот человек, хоть и невыносимо правильный, был всё же далеко не глуп.

Они направились вдоль по проулку, утыкавшемуся где-то далеко в следующий бульвар. Акко снялся с крыши и поднялся достаточно высоко, чтобы его не было видно и слышно с земли. Я уже не различал в темноте силуэты, но полагался на чутьё своего друга. Спустя пару минут Нортон и девушка вынырнули на освещённую улицу и, перейдя на другую сторону, поймали кэб. Что ж, отлично. Теперь осталось только сопроводить их до вокзала.

Экипаж волочился по полупустым улицам так медленно, что Акко приходилось наворачивать круги в воздухе, чтобы соответствовать его темпу. Освещённые бульвары сменились тёмными мостовыми, лишь изредка довольствовавшимся парой круглых отсветов от газовых фонарей. Ближе к вокзалу торжество роскоши — уличное освещение — снова вступало в свои права, но здесь между островками света по-прежнему царил непроглядный и такой привычный для жителя Виндсхилла мрак.

Я уже едва следил за медлительным экипажем, то очерчивавшимся в тусклом свете, то вновь растворявшимся в темноте, когда Акко вдруг встрепенулся и недобро заурчал, выписывая узкий круг над крышами. Экипаж принялся отдаляться от нас, но Акко почему-то продолжал упорно кружить на одном месте.

— Эй, — тихо позвал я. — Что такое?

Акко сделал ещё круг, перелетел через крышу к соседнему проулку, вернулся обратно.

— Ох! — наконец дошло до меня. — Они спрыгнули, верно?

Акко забурчал, выражая одновременно и согласие, и отношение к моей догадливости.

— Ты их не видишь?..

Акко ринулся вперёд и вновь завис над крышей уже в нескольких десятках метров впереди. Довольно фыркнул и оскалил два ряда зубов.

Нашёл.

В этот миг — уже не впервые на своей памяти — я ощутил, как хорошо всегда держаться верной стороны в этой жизни. Иметь в друзьях кшакхара, не делать глупостей, не зависеть от чужих причуд, самому выбирать свой путь. И никто не указ мне, и никто не угроза. Признаться, в такие моменты я почти искренне жалею тех, на кого мы с Акко охотимся. Им в жизни явно не так сильно повезло. А может, они и сами виноваты, однажды сделав где-то не тот шаг, обрекая себя на снежный ком последствий и новых ошибок.

Акко свернул, преследуя невидимых для меня беглецов, и я удивлённо нахмурился: мы направлялись в сторону прочь от вокзала. Похоже, мисс Кейтон сдала-таки меня своему преданному компаньону. Не поверила. Жаль. Однако нужно отдать должное, роль свою она сыграла неплохо: я был почти уверен, что она сомневается в нас обоих.

Улыбка тронула мои губы. Любопытно, сопоставили ли они мистера Сандерса и мистера Саунда, признав в них одно лицо? Знают ли, что я и в самом деле преследую их на кшакхаре? И на что тогда смеют надеяться?..

Я увидел их, когда они вновь слились с прохожими на освещённой и достаточно многолюдной улице. Они двигались неторопливо и словно бы беззаботно, и пару раз я даже терял их из виду, пока Акко не зависал прямо над ними в тёмной вышине. Наконец я понял, почему улица была такой оживлённой: в конце её, на площади, высился величественный, сверкавший позолотой театр. Время — около шести. Наверняка вскоре здесь начнётся какое-нибудь представление.

Акко, всё это время чутко следивший за нашими беглецами, внезапно замер, медленно поворачивая голову назад и словно бы приплюсываясь. Взгляд его заострился на чём-то, и он тревожно оскалился. Я попытался проследить за его взором, но в первые секунды не увидел ничего необычного. А потом, внезапно, двое мужчин в плащах с накинутыми капюшонами подняли головы и посмотрели прямо на нас.

— Акко!.. — задохнулся я.

Как, как они могли нас увидеть??.. И как я раньше не заметил этих подозрительно серых типов в разряженной толпе?..

Обмен взглядами подействовал на каждого из нас, словно выстрел. Акко дёрнулся, устремляясь вслед за Нортоном и мисс Кейтон, двое в плащах — или балахонах?.. — ринулись в ту же сторону по земле.

— Что, чёрт возьми, происходит?.. — прошипел я, хоть и знал, что не получу вразумительного ответа. — Кто эти двое?..

Акко, как и ожидалось, не ответил. В пару взмахов он нагнал беглецов, наивно полагающих, будто они были одни посреди этой толпы, и, сложив крылья, стрелой устремился вниз. У меня аж дух захватило. Что такое он делал??..

Ниже, ниже. Вот уже слышались испуганные крики — нас заметили. Нортон и мисс Кейтон обернулись. Лицо первого исказилось от гнева и решимости, он оттолкнул девушку в сторону, выступая вперёд — но слишком сложно было ему играть наравне с гибким, мощным и крылатым кшакхаром.

Всего одно движение, вверх-вниз, и когтистые лапы сжимают хрупкую талию, и Акко с осязательной тяжестью поднимает девушку в воздух. Ещё бы: к манёврам с учётом моего тела

он привычен, но вот нести в лапах груз весом, наверное, ещё в две трети моего... груз, истошно вопящий, барахтающийся и норовящий выпасть из когтей с высоты уже в добрый десяток метров.

— Мисс Кейтон! — кричу я, пригибаясь. — Прекратите дёргаться, иначе он уронит вас!..

Не уверен, что она полностью поняла меня. Но во всяком случае, визги и трепыхания прекратились, сменившись полными ужаса всхлипами и рыданием.

Ох уж эти женщины...

— Акко, давай на крышу! Там я пересажу её в седло.

Кшхар явно полностью разделял моё мнение. Взмах крыльев, ещё один, и вот уже он как можно осторожнее отпустил мисс Кейтон на покатую черепицу, сам приземляясь сразу же за ней. Я тотчас спрыгнул и бросился к девушке: ещё не хватало, чтобы она соскользнула вниз в своих неуклюжих попытках подняться.

— Не смейте! Не трогайте меня!!.. — хрупкая и маленькая, она тем не менее изо всех сил отбивалась от моих рук, царапаясь, словно котёнок.

— Мисс Кейтон... а-ах! — я отдёрнул руку, которую она попыталась укусить, и если бы не плотная ткань плаща, наверняка прокусила бы до крови. Оставив попытки вежливости, я схватил её за запястья и заломил руки назад, так, что она вскрикнула. Быстро развернул её спиной к себе и обхватил одной рукой, другой продолжая удерживать запястья и лишая её любой возможности для манёвров. — Теперь послушайте меня, — голос вырвался странным, гневным и взволнованным шипением. — Вы наверняка не заметили, но за вами следили. Двое в тёмных балахонах — случаем, не знаете, кто это?..

— Орден, — прошептала она, тут же замерев в моих руках, хоть я и не ожидал ответа. Какой ещё Орден?..

— Вот именно, — тем не менее уверенно ответил я. — Вы убедились или вам нужны ещё доказательства?

— Нет. Нужно уходить. Быстрее.

Я ухмыльнулся. Испугалась наконец-то.

— О, не волнуйтесь. Уверяю вас, последовать за нами на крышу могут только...

В этот миг Акко ощерился и зарычал — встревоженно и угрожающе. Я инстинктивно обернулся к нему, но он смотрел не на меня или девушку, а на козырёк у нас под ногами.

Девушка завизжала.

Кшхар расправил крылья.

Я снова обернулся — и встретил прямо перед собой две пары чёрных глаз на бледных, затенённых капюшонами овалах одинаковых лиц. Они замерли на миг, выглядывая снизу и цепляясь бледными тонкими пальцами за край крыши.

Как??..

Не раздумывая, я ударил ногой прямо в лицо одному, в тот миг, когда девушка изо всех сил вдавила каблук в пальцы второго. К моему тревожному изумлению, ни один не сорвался. Не сговариваясь, мы обернулись и бросились к Акко. Я вскочил в седло, утягивая за собой девушку — кое-как, удерживая её одной рукой, не усаживая, но лишь перебросив её через седло. Двое в балахонах уже были на крыше — я пропустил тот момент, когда они взобрались.

Акко взмахнул крыльями, не дожидаясь, пока мы устроимся поудобнее. Но преследователи уже были рядом, цепляясь за кшхару и утягивая его вниз. Акко зарычал,

извиваясь и хлопая крыльями. Одного он умудрился достать хвостом, взрезая наконечником глубокую алую полосу на его лице. Тот взвыл и отпустил руки. Второго спустя миг заставила скатиться девушка, беспорядочно бившая ногами в воздухе. Ну хоть какая-то польза от её истерики.

Акко, не дожидаясь, пока преследователи придут в себя, издал разъярённый клич и взмыл в воздух, оставляя позади потрясённую площадь, и покатую крышу, и два странных, бледных лица с непроглядно чёрными провалами глаз.

У женщины поразительная интуиция: она может догадаться обо всём, кроме самого очевидного.

Оскар Уайльд

Мы опустились на безлюдную улочку спустя минут пять, когда Акко почувствовал, что опасность миновала. Девушка успокоилась, насколько это вообще было возможно, и теперь лишь тихо всхлипывала время от времени.

— Вот демоны, а?.. — проговорил я, спрыгивая на землю из седла и помогая спуститься своей спутнице.

Это что же за Орден такой, где людей тренируют по стенам лазать?.. Впрочем, спросить об этом я не мог: всего несколько минут назад я убедил её, будто знаю, из какой дыры вылезли её странные преследователи. Не мог также и по другой причине: личное правило номер один — не суй нос туда, куда клиент не просит.

— Да, — тихо ответила девушка, дрожа, и повторила с ужасом: — Демоны.

Акко уркнул что-то ей в ответ. Девушка дёрнулась. Кшхар фыркнул.

— Ну-ну, — остановил я эту кукольную игру. — Акко, довольно.

Он фыркнул ещё раз, но всё же покорился, отворачивая от нас свою плоскую голову и делая вид, что интересуется каменной кладкой в ближайшей стене.

— Не бойтесь его, — обернулся я к девушке. — Он не причинит вам вреда.

— Откуда у вас кшхар? — спросила девушка. — Вы из патруля?

— Нет. Я частный детектив. Ваш отец нанял меня, чтобы я помог вам.

— Почему тогда он передал деньги с Нортонем, если знал, что...

Она осеклась, качая головой, и я пожал плечами.

— Мистер Кейтон не хотел, чтобы Нортон что-то заподозрил раньше времени. В любом случае, деньги у вас, и вы можете ехать, не откладывая.

"Тем более, что до нашего обратного поезда осталось меньше часа, и пора бы нам уже направляться к вокзалу".

Девушка сощурилась.

— Так Нортон правду сказал? Отец хотел, чтобы я уехала?

— Ну, конечно. Нам стоит поторопиться: нужно купить билет на какой-нибудь поезд, который отходит через пару часов, и исчезнуть на время.

— Зачем? — непонимающе нахмурилась она. — Разве не лучше уехать побыстрее?

Я снисходительно улыбнулся.

— Что бы вы сделали сейчас на месте Нортоня и этих упырей из Ордена? Правильно ринулись бы на вокзал со всех ног и принялись прочёсывать поезда, уходящие в пределах получаса. Вам нельзя садиться на ближайший рейс, мисс Кейтон. Разумнее всего будет выждать несколько часов. А пока у нас есть преимущество в скорости благодаря кшхару, мы

успеем купить вам билет и исчезнуть без риска быть пойманными.

Девушка оценивающе оглядела меня.

— Спасибо, мистер Сандерс, — сказала она только.

— Не за что, — улыбнулся я.

Честно говоря, если бы моей целью было избавить её от преследования, то я дал бы ей совершенно иную рекомендацию: не приближаться к вокзалу, нанять кэб и убраться из города — чем быстрее, тем лучше. И лишь где-нибудь там, на неприметной захолустной станции, купить билет и уже спокойно скрыться, позволив случайному поезду увезти себя прочь.

Однако мне было плевать на её преследователей. У меня была своя цель, и чтобы достичь её, я должен был любым способом заманить девушку на вокзал.

Посему я не сказал ей более ни слова и обернулся к Акко:

— Ну что, полетели, дружок?

Акко медленно повернул ко мне плоскую морду, словно уточняя: это ты мне? Неужто я снова тебе понадобился, или мне стоит ещё посидеть истуканом, пялясь в стену?

Я ухмыльнулся и хлопнул его по шее.

— Ладно, дружище, не сердись на меня. Ты же знаешь, какое неизгладимое впечатление ты производишь на женщин.

Акко беззлобно фыркнул и позволил мне усадить мисс Кейтон в седло и взобраться следом. Сидеть вдвоём в одноместном седле было не слишком удобно, но всё лучше, чем тащить девушку перевешенной через кшахарову шею. К тому же, её хрупкое тело под мужским плащом было тёплым и весьма располагающим к тесным объятиям. Нет, вы не подумайте, всё исключительно в деловых рамках: я ведь должен был обеспечить ей надёжный и безопасный перелёт.

Мы добрались до вокзала минут за десять — очевидно, быстрее, чем Нортон, но вот насчёт братьев бледнолицых я не был так уверен. Спешившись и стащив на землю девушку, я твёрдым шагом направился было к широкой лестнице, однако недоверчивый голос спутницы остановил меня:

— Куда вы, мистер Сандерс?

Я обернулся.

— За вашим билетом, мисс Кейтон, — доходчиво объяснил я. — Куда же ещё?

— Я сама. Подождите меня здесь, будьте так добры.

— Ах, да. Я забыл. Конспирация и всё такое...

Она бросила на меня странный взор, не то осуждающий, не то удивлённый, но тут же совладала с собой и уверенно зашагала мимо меня к зданию вокзала. Теперь, вблизи, на освещённой площади я смог хорошо рассмотреть её и не сдержал ухмылки. Слишком широкий плащ мешковато висел на её узких плечах, из-под котелка выбилась длинная прядь волос, и даже каблуки мужских туфель звучали у неё неестественно мягко.

— Как думаешь, Акко, — промурлыкал я, глядя ей вслед, — далеко бы она уехала, будь у неё действительно такая возможность? Ведь вся эта горе-маскировка просто вопит: "Запомните меня, свидетели!"

Акко согласно фыркнул.

Как только мисс Кейтон скрылась внутри, я поднялся по выщербленным ступеням и взглянул внутрь сквозь мутноватые стеклянные панели, которыми почти целиком была отделана огромная арка вокруг широких дверей вокзала. Внутри было светло и

немноголюдно, и потому я мог хорошо видеть свою подопечную, оставаясь незамеченным для неё. Неуверенно оглядываясь, она прошла к кассе и склонилась к стеклу. Полминуты беззвучной для меня беседы, и вот она уже просовывает несколько купюр в узкую прорезь над деревянной стойкой.

Ну вот и отлично, мисс Кейтон. Мне неважно, куда вы собрались: сегодня ночью вы непременно окажетесь у дома номер восемь по улице Гармонт в родном Виндсхилле.

Внезапный злобный рык Акко заставил меня натянуться струной. Во мгновение ока я обернулся и заметил на дальнем конце площади два силуэта в балахонах. Ну, вот и хвост подоспел. Быстрые, как дьяволы...

— Акко!

Я схватился за револьвер, висевший у меня на поясе, но к моему удивлению, кшхар вовсе не был настроен на драку. Он расправил крылья и поднялся в воздух, издавая странный, невероятно высокий звук, заставивший меня вздрогнуть и подорваться с места, даже не соображая ещё, куда.

— Акко, наверх! Лови нас на обратном выходе!..

И не медля более ни секунды, я бросился внутрь, срезая углы и с трудом увиливая от нерасторопных и очень возмущённых пассажиров. Мисс Кейтон, как и многие, обернулась на шум, и глаза её расширились, когда она увидела меня, локомотивом несущегося ей навстречу.

— Бежим!!..

Я схватил её за руку и, почти не замедляя темпа, дёрнул за собой. Она вскричала, упираясь, но силы в этом поединке явно были неравными.

— Подождите! Да подождите вы!!.. Сдача...

Вот ведь мозги у женщин устроены. Какая сдача к чертям?!

Мы выскочили наружу сквозь узкую деревянную дверь, оказываясь на неожиданно многолюдной площади. Тремя длинными языками платформ она облизывала несколько закопчённых составов: не то едва прибывших, не то готовившихся к отбытию.

— Тише, — осадил я девушку, всё ещё по инерции стремившуюся вперёд. — За мной. Не торопитесь. Расправьте плечи.

Быстрым движением я заправил обратно под котелок длинную светлую прядь, и мисс Кейтон вздрогнула.

— Что вы...

— Прошу прощения, мисс. Но ваши локоны, даже при сегодняшней моде, на мужские, увы, не тянут.

— Ох. Простите... м-м... спасибо.

Она так трогательно покраснела при этом, что мне едва удалось сдержать смех.

— Пойдёмте, вот сюда, — мы протолкнулись сквозь толпу и оказались на одной из платформ, почти не загруженной по сравнению с остальными.

— Слишком мало людей, — встревоженно прошептала мисс Кейтон. — Нас заметят.

— Нет, если мы войдём в поезд.

— Но у нас ведь нет билетов?..

— Есть, — ответил я и улыбнулся. — Согласитесь, ведь никто не станет искать вас в поезде на Виндсхилл.

— Ох, — она резко дёрнулась и застыла, и я снова нахмурился.

— Не делайте глупостей, мисс Кейтон. До отправления ещё полчаса. Мы успеем сойти.

Она напряжённо оглядывала меня несколько мгновений.

— Что ж, хорошо.

Мы подошли к кондуктору, поправлявшему вывеску с надписью "Виндсхилл" на козырьке.

— Посадка через пятнадцать минут, господа, — нудно промычал он, и я улыбнулся, узнавая знакомое лицо.

— О, думаю, мы не доставим вам неудобств, если немного нарушим правила.

Он обернулся, теперь, очевидно, тоже узнавая меня.

— Ах, это вы, сэр. Уже в обратный путь?

— Не вижу смысла задерживаться, если все дела сделаны. Так вы позволите нам войти?

Кондуктор попустительно махнул рукой.

— Конечно, проходите. Билеты-то у вас есть?

— Пока один, — невинно улыбнулся я и многозначительно добавил: — Но будет два, обещаю. Зайдите к нам попозже.

Кондуктор просветлел, предвкушая выгоду, и живо закивал:

— Зайду, зайду обязательно...

С этим мы поднялись по металлическим ступеням и скрылись в спасительном полумраке узкого коридора. Купе нашлось быстро, и спустя полминуты мы уже сидели на кожаных диванах напротив друг друга: я расслабленно, с чувством выполненного долга, а мисс Кейтон — напряжённо, неестественно выпрямив спину.

— Не волнуйтесь так, мисс, — с тщательно вымеренной заботой проговорил я. — Они не найдут нас здесь. Всё будет хорошо. Всего чуть-чуть, и мы выскользнем обратно и... в котором часу ваш поезд?

— Без четверти девять. Через два часа, как вы и рекомендовали.

— Очень хорошо. Значит, пока вам некуда торопиться.

Следующие минут двадцать мы просидели в молчании, я — не желая болтать попусту с уже загнанной в сети жертвой, а она, вероятно, слишком дрожа от напряжения, чтобы позволить себе нарушить тишину хоть одним звуком.

И вот, всего десять минут до отправления. За складной дверью купе слышатся приглушённый шорох и бормотание усаживающихся пассажиров, грохот багажа и дребезжание сваркаемых туда-сюда дверей.

— Нам ещё не пора? — спросила девушка, и голос её звучал немного хрипло от напряжения.

— Пора, пожалуй, — ответил я, неторопливо поднимаясь. — Подождите здесь ещё полминуты, я посмотрю, всё ли в порядке и вернусь.

Она неуверенно кивнула и осталась стоять на месте, пока я выглянул в коридор и шагнул наружу, даже не утруждаясь прикрыть за собой дверь. В конце концов, мне было нужно всего несколько секунд, чтобы вскрыть спрятанный во внешнем кармане пузырёк и смочить платок его содержимым.

А потом я обернулся — и теперь уже у мисс Кейтон не осталось никаких, даже самых призрачных шансов.

Осторожно уложив девушку на мягкий диван, я удовлетворённо хмыкнул и захлопнул за собой дверь.

Вот и всё.

Через десять минут поезд тронется, и тогда можно будет считать дело сделанным. Не так уж сложно. Как и всё в моей жизни, пожалуй.

Не успел я подумать об этом, как дверца купе грохотнула, открываясь. Я обернулся, ожидая увидеть кондуктора или заблудшего пассажира, но передо мной предстали два бледных лица. Я замер вполоборота, стараясь незаметно нащупать кобуру под плащом.

— Постойте, — произнёс один из странных типов, поднимая ладонь, и я вздрогнул.

Понятия не имею, почему, но мне казалось, что разговаривать эти отмороженные монахи не умеют. Однако голос мужчины был вполне обыкновенным, не слишком низким и довольно плоским, да и глаза, бегло осматривавшие купе, уже не казались такими тёмными. Обычные, карие, обрамлённые редкими белёсыми ресницами. Лицо — ещё не морщинистое, но явно увядшее; на вид ему лет пятьдесят, не меньше. Второй — намного моложе, почти мальчишка. Но и он выглядит совершенно обычно, невзрачно даже, я бы сказал, если бы не глубокий порез через пол-лица — подарок Акко.

Почему я вообще бежал от них, словно проклятый?.. Теперь это никак не укладывалось у меня в голове.

— Вы что-то хотели, господа? — спросил я совершенно спокойно и с подчёркнутой вежливостью.

Кареглазый поднял на меня взор.

— Вы везёте её обратно. Почему?

Я изогнул брови.

— Простите?..

— Мы полагали, что вы собираетесь помочь ей бежать. Но вы, очевидно, намерены вернуть её в Виндсхилл. Почему? Кто нанял вас?

— Прошу извинить, господа, но я не разглашаю имён своих клиентов.

Мой собеседник недовольно сжал губы, но ожидаемых угроз я от него не услышал.

— Выходит, леди Аннабель, — сказал он, не мне и не своему компаньону, а так, в пространство. — Своевольная тварь.

— Х-с-с!.. — молодой собеседник резко обернулся к нему и совершенно неожиданно, оскалив зубы, зашипел — самым настоящим, змеиным образом. Я вздрогнул, но старший незнакомец только хмыкнул и положил сухую ладонь младшему на плечо.

— Да брось. Ты знаешь, я не посмею оспаривать её статус. Но неужели она сдохнет, если хоть раз сообщит о своих планах? Мы бы сэкономили пару недель... если не больше.

Я поднял бровь, но благоразумно не стал комментировать странную во всех смыслах реплику. Что за статус мог быть у юной девушки среди чудаков в балахонах? На чём они собирались экономить пару недель?

Всё это было, разумеется, не моего ума дело. Единственное, что мне было интересно, — исполнить поручение клиента и молча убраться восвояси.

— Не хочу показаться невежливым, господа, но вы стоите в проходе и блокируете дверь. Из коридора сквозит. Если у нас с вами нет принципиальных разногласий, быть может, вы позволите мне спокойно и уединённо доделать мою работу?

Старший взглянул на меня так, словно оценивал, стоит ли свернуть мне шею прямо сейчас, однако ответил совершенно ровно и беззлобно:

— Разумеется.

И они уже собирались было исчезнуть, когда в окно неистово шарахнуло что-то

тяжёлое. Отчётливо закрипели по стеклу и металлу когти, и сквозь мглу из-за стекла проступили очертания оскаленной плоской морды с яростно горевшими желтками глаз.

— Х-с-с!.. — мальчишка в балахоне снова взъярился и едва не бросился к окну напролом — но старший цепким движением удержал его.

— А ну на место! — рявкнул он, и в его голосе почему-то тоже проступили странные шипящие нотки. В следующий миг он вышвырнул подопечного из купе и сам отступил назад, наполовину закрывая складную дверь.

— Мы проследим за тобой, — это уведомление явно предназначалось мне.

А потом дверь захлопнулась.

Я постоял секунду, другую, затем обернулся к окну и впустил Акко, который, казалось, готов был сейчас одним движением разнести в клочья дверь купе и броситься вслед за странными типами. Но на пути у него, к его разочарованию, стоял я, и потому он ограничился тем, что максимально придвинул к моему лицу свою плоскую морду и оскалил зубы, гневно порывивая. Такой вариант художественной экспрессии в его исполнении обычно означал: "Джер, ты идиот".

— Что не так-то? — спросил я почти обиженно.

Акко обречённо рыкнул и, развернувшись — чудом не задевая меня крыльями — клубком сложился на диван.

— Эй!.. Нечестно. А ну, подвинься.

Он даже глаз не открыл.

— Наглая ящерица! Напомнить, кто здесь главный?

Короткий, ленивый фырк — вот так, презрительно, из уголка пасти. И ведь он мог себе это позволить, с неожиданной теплотой подумал я. Потому что мы с ним — больше чем просто кшахар и хозяин.

В странном порыве я протянул руку и ласково потрепал его по гладкой чешуйчатой голове. Акко вздрогнул и поднял на меня слепые глаза. На плоской морде явно было написано удивление.

— Ага-а!..

Всего момент — и я нырнул на освободившееся место, быстрее, чем даже успел сообразить, как сделал это.

Растерянность в глазах Акко сменилась укоризной.

"Обманщик", — явно желал сказать он.

— Да ладно, — рассмеялся я и похлопал по своим коленям. — От тебя не убудет.

С видом мученика Акко пошебуршился немного и улёгся, свешивая хвост на пол и устраивая голову на моих коленях.

— Вот так-то.

После этого с четверть часа мы ехали в молчании.

Затем за дверью послышались чьи-то шаги, и вслед за стуком наше уединение было нарушено жадным блеском глаз и заискивающей улыбкой проводника.

— Доброго вечера, господа. Проверка билетиков.

— Конечно, — невинно улыбнулся я в ответ и протянул ему два немного помятых узких листа. — Прошу.

Проводник бросил недоверчивый взгляд на притворявшегося спящим кшахара, но всё же шагнул ближе и взял документы. Брови его взлетели вверх, а потом с разочарованием насупились.

— Два?.. — мрачно уточнил он.

— Разумеется. Я ведь обещал, что будет два.

Он бросил на меня неодобрительный взор.

— Я понял вас иначе.

Взгляд его задумчиво скользнул по длинному телу кшахара, и губы тотчас вновь изогнулись в довольном предвкушении.

— Однако ведь у вас три пассажира.

— Помилуйте, — улыбнулся я. — Разве есть отдельная такса на перевозку животных?

Животное слегка пошевелилось, устраиваясь поуютнее, и умилительно почавкало острыми зубами во сне.

Кондуктора передёрнуло. Тем не менее он всё же набрался смелости:

— Есть, если их габаритные размеры превышают три метра в сумме или два метра хотя бы по одному из измерений...

Я улыбнулся шире:

— Линейка есть?

— Что?..

— Я говорю, линейка есть? Только вот измерять будете сами. Я бы будить его не отважился: слишком нервным становится.

От отчаяния кондуктор даже покраснел. Беспомощно оглянулся, словно ища поддержки у моего спутника, и тотчас замер.

— Ого... гм, — медленно он вновь обернулся ко мне, и теперь его жадный взор стал почти угрожающим. — У вас здесь женщина без сознания и в мужском костюме.

— В самом деле? — я даже приподнялся, чтобы поглазеть, а когда плюхнулся обратно, усмешка моя была уже не такой весёлой. — Вообще, она не без сознания — она просто спит. Устала очень, понимаете: побег из дома, переживания...

— Не знаю, не знаю, — он задумчиво пожевал губами. — Думаю, моя обязанность — сообщить об этом в кое-какие учреждения на ближайшей станции...

— Ладно, — хмыкнул я, нехотя протягивая ему червонную банкноту. — Твоя взяла.

— Ну-у, — добыча моментально исчезла в одном из его карманов. — Дело-то серьёзное... женская репутация и честь под вопросом...

Я нахмурился.

— А ты не зарывайся-ка, а?

Он отступил на удивление быстро, обезоруженно поднимая ладони.

— Понял, всё понял. Хорошего вечера, сэр. Приятной поездки.

И с этим он исчез, почти бесшумно закрывая за собой дверь.

Я искренне надеялся, что на этом визиты в наше купе на сегодняшний вечер были окончены, однако это всё же не помешало мне вынуть из кармана плаща небольшой моток плотной бечёвки и парой плотных узлов, стянувших пустовавшие замочные петли, превратить свою надежду в прочную уверенность.

Люди никогда не испытывают угрызений совести от поступков, ставших у них обычаем.

Вольтер

Девушка очнулась спустя час и одарила меня шаблонной реакцией. Вдох. Распахнутые ресницы. Бесплезная, но такая старательная попытка просочиться в соседнее купе через стенку. Разве только голосить не стала, предусмотрительно зажав маленький ротик ладошкой.

— У вас два варианта, мисс Кейтон, — спокойно заговорил я, встречая её взор и рассеянно поглаживая шею кшахара, всё ещё дремавшего у меня на коленях. — Вы можете вести себя хорошо, и тогда я доставлю вас до пункта назначения целой и невредимой. Либо, — брови мои выразительно изогнулись, — вы рискуете получить ещё одну дозу эфирной смеси, которая, поверьте, не лучшим образом отразится на вашем здоровье.

Она судорожно кивнула, и я улыбнулся.

— Это понимать как согласие сотрудничать?

Она кивнула ещё раз.

— Да. Да.

— Что ж, превосходно.

Я перевёл взгляд в окно, старательно обозначая своё нежелание продолжать беседу. Говорить только необходимое — больше общения с жертвами неизбежно породит ненужные чувства из ряда жалости или сочувствия. А единственный, кому я должен сопереживать — мой клиент. Потому что только он приносит мне средства к существованию и бесценную репутацию.

Впрочем, жертвы, со своей стороны, редко разделяют моё стремление.

— Зачем вы делаете это? — тихий, напуганный шёпот. Первая стадия, так сказать, проба пера. Вскоре за ней пойдут слёзы и увещевания, а за ними — если, конечно, девочка попала с характером — попытки обыграть.

Я молчал, по-прежнему уставившись в окно, в котором не видел ничего, кроме её отражения. Она сидела, подтянув колени к груди и вжимаясь в стену — бесплодный страх, обыкновенная реакция слабого на неизвестную опасность. Она смотрела на меня, а я — на неё сквозь окно, и спустя пару минут она вдруг перевела взгляд и поймала мой в отражении.

Я вздрогнул и прямо взглянул на неё.

— Вам лучше отдохнуть, мисс Кейтон.

Она нахмурилась.

— Почему вы делаете это? — повторила она тихо, но уже не шептала. Потом обхватила руками свои плечи, и голос её дрогнул: — Вы знаете, что они сделают со мной?

— Нет, — ответил я и вздохнул: — Мисс Кейтон, я не намерен беседовать с вами

больше, чем это нужно. Поэтому, прошу вас, прекратите задавать вопросы.

— Но вы ведь понимаете, кто они?

Как будто и не слышала вовсе.

— Я не знаю, кто они, и меня это не интересует.

— Они демоны, — тихо и так отчаянно произнесла она, что я, не выдержав, усмехнулся.

— О, в самом деле? Те самые, страшные, зубастые и рогатые, иногда ещё даже с хвостами? А я-то думал, зачем они носят эти странные балахоны.

— Это рясы, — ответила она, глядя в окно. — И вы зря смеётесь. Я говорю правду.

— Мисс Кейтон, — укоризненно проговорил я. — Помилуйте, но девушке с вашим происхождением и образованием просто стыдно произносить вслух такую суеверную чепуху.

Она резко взглянула на меня, и я вздрогнул от неожиданности. Никогда не думал, что серые глаза могут быть настолько яркими.

— Суеверную чепуху?.. — холодно повторила она. — А вы, выходит, из этих просвещённых нигилистов, мистер Сандерс? Полагаете, что мир таков, каким вы видите его через призму своих луп и микроскопов?

— Ни разу не глядел в микроскоп, признаюсь честно, — я беспечно улыбнулся.

— Вы видели, на что они способны, — процедила она. — Или вы будете утверждать, будто лазать, словно пауки, по отвесным стенам — нормально для людей?..

Я пожал плечами.

— Вы даже не представляете, чему можно научить человека, мисс Кейтон.

— Они не люди.

Я лишь скривил губы и молча отвернулся к окну. Теперь я старался не глядеть на её отражение и старательно изучал, как причудливо изгибались очертания одёжных полок в неровном стекле.

— Не делайте этого. Пожалуйста.

Ну вот, дошли и до моления. Сейчас начнётся самое отвратительное. Терпеть не могу женских слёз.

— Они погубят меня, мистер Сандерс. Они отравят мою душу, превратят меня в куклу, как...

Она осеклась, и я разумно удержал себя от закономерного вопроса:

"Как Аннабель?"

— По-моему, вы зря волнуетесь. У вашей сестры, кажется, весьма высокое положение среди этих страшных демонов.

Нет, и всё же не удержался. Иногда в такие моменты мне хочется попросить Акко, чтобы тот откусил мне слишком длинный язык.

— Высокое положение!.. — она даже руками всплеснула. — Да вы... — снова осеклась, и мне стало любопытно, каким таким эпитетом она собиралась меня наградить. Но она лишь отвернулась и произнесла тихо: — Вы ничего не знаете о моей сестре.

— Не знаю, — подтвердил я.

"И не собираюсь знать".

Минут десять мы провели в молчании. Потом мисс Кейтон снова обернулась ко мне.

— Мне нужно в дамскую комнату.

О, я ждал, когда она это скажет. Не без труда я скрыл ухмылку и похлопал Акко по боку.

— Ну, вставай, соня. Дама изволит посетить уборную.

Мисс Кейтон старательно проигнорировала мою реплику.

Я проводил её до узкой двери в конце вагона и с усмешкой скрестил руки на груди, заслышав, как звякнула щеколда. Ну, мисс Кейтон, раз, два, три, четыре...

— А-а-а!!..

Пять.

Шустрая, однако.

Щеколда громыхнула, открываясь, и в следующий миг мисс Кейтон едва не вывалилась на меня, бледная, как полотно.

— Вы... да вы...

Я заломил бровь.

— Что-то случилось, мисс Кейтон?

Разумеется, я и сам знал, что. Девчушка, надо отдать ей должное, быстро и без ненужных рыданий преодолела стадию просьб и уговоров и теперь перешла к активным действиям. К её несчастью, все её трюки я знал наперёд. Вот и сейчас, пропуская её в коридор первой, я сделал знак Акко, чтобы тот следовал за нами снаружи. И когда находчивая пленница, запершись в уборной, сделала попытку распахнуть крохотное матовое оконце, из холодной мглы к ней тотчас сунулась довольная кшахарская морда.

Красавица, однако, ещё пыталась держать лицо.

— Ничего, — процедила она и, обойдя меня, направилась обратно по коридору.

Я легко нагнал её и, подстраиваясь под её темп, склонился к ней и тихо проговорил в её ухо:

— Покажите когти, мисс Кейтон.

Она вздрогнула — нет, даже не вздрогнула, почти подпрыгнула и отшатнулась от меня.

— Что вы себе позволяете?! — и потом, чуть тише и нахмурившись озадаченно: — Какие ещё когти?..

— Ну, те, которыми вы собирались цепляться за стены. Вы ведь должны были продумать, что станете делать, когда выберетесь наружу навстречу ветру скоростью шестьдесят миль в час?..

— Вообще-то я собиралась дождаться остановки, — она уничижительно взглянула на меня, и я едва не расхохотался.

Вот это я понимаю, высокородная женщина!.. Даже находясь в глупейшем и одновременно печальнейшем положении, она умудряется смотреть на меня свысока!..

Скрежет открываемой двери впереди заставил нас обоих натянуться струнами. Из третьего по счёту купе перед нами показался мужчина — и дальше всё произошло очень быстро.

Мисс Кейтон с возгласом "мистер, на помощь!" бросилась вперёд.

Я выхватил тряпицу, благоразумно смоченную хлороформом несколько минут назад, и в два прыжка настиг девчонку. Ещё миг, и её тело обмякло у меня в руках, и я уволок её в наше купе, находившееся всего в четырёх шагах впереди. Вот невезение! Ещё бы секунд десять...

Дверь я закрыть не успел.

— Осторожно опусти её на диван и подними руки, — прозвенел голос за моей спиной.

Что я послушно и сделал, оборачиваясь точно к наставленному на меня дулу револьвера.

— Сэр, прежде чем вы спустите курок или сделаете ещё какую-нибудь глупость, позвольте мне предупредить вас, что мой могущественный друг будет весьма недоволен таким поворотом дела.

Это была отнюдь не абстрактная угроза: я имел в виду кое-кого весьма близкого и

зубастого. Впрочем, незнакомец не знал об этом, так что на него моё предупреждение не произвело никакого впечатления.

— О, мне плевать. Отойди от девушки.

— Простите, сэр, но не отойду. Она под моей ответственностью, и за неё я отвечаю головой.

— Перед кем? — со злобным сарказмом поинтересовался он.

— Перед её отцом. Девушка пыталась сбежать из дома — посмотрите на её наряд. Я везу её обратно.

Брови незнакомца вздёрнулись. Взор его коротко скользнул к девушке, но затем снова с недоверием вцепился в меня.

— Назовите мне имя её отца.

— Простите, сэр, но не имею права.

Он сверкнул глазами.

— Как тогда я должен убедиться, что вы не лжёте?

— Подумайте сами. Девушка в мужском костюме, без поклажи. Мы в поезде на Виндсхилл. Вы, кажется, знаете, кто она — тогда вы понимаете, что если бы я был намерен украсть её, я как минимум вёз бы её в другую сторону.

Незнакомец нахмурился, что-то соображая и просчитывая варианты.

— Назовите мне её имя. Просто имя, без титулов и фамилий.

Я улыбнулся.

— Аннабель.

Руки незнакомца дрогнули, и он с каким-то облегчением опустил револьвер.

— Слава небесам.

Я вопросительно изогнул бровь, и незнакомец нервно фыркнул:

— Если бы вы сейчас сказали "Аманда", я бы пристрелил вас, честное слово.

Я невольно оглянулся на бессознательную девушку.

Значит, Аманда.

Красивое имя.

— А за Аннабель, выходит, не пристрелите, — шутливо улыбнулся я, вновь оборачиваясь к собеседнику. Тот нахмурился.

— Не поймите меня неправильно. Если бы мне показалось, что вы лжёте, я бы не оставил вас с ней в любом случае. Однако Аманда... Что ж, я смею надеяться, что в скором будущем она станет моей невестой, поэтому, думаю, вы понимаете мои опасения.

— К слову об этом, сэр, — посерьёзnel я. — Я попрошу вас как джентльмена сохранить в тайне эту ситуацию. Мисс Кейтон не совершила ничего предосудительного: она просто сбежала в дом своего дяди от небольшой семейной неурядицы. Вы знаете эти нежные девичьи сердца — они любят видеть катастрофу в каждой маленькой проблеме. А злые языки не преминут заочно обесчестить и заклеить позором невинную девушку.

Будущий жених моей подопечной кивнул с искренней серьёзностью.

— Разумеется, я понимаю. И даю слово чести, от меня ни одна душа не узнает об этом неприятном происшествии.

В ответ я пообещал, что постараюсь довезти девушку до дома неузнанной, и мы распрощались, оставшись довольны друг другом.

Следующие два часа прошли в тишине и спокойствии. Очнулась девушка уже почти перед самым приездом, однако старательно делала вид, что всё ещё спит, разглядывая меня

из-под сомкнутых ресниц. Я равнодушно смотрел в окно.

Когда поезд остановился, я выждал минут десять, прежде чем подняться с дивана: в Виндсхилле вероятность быть узанной для мисс Кейтон возрастала в разы, и лучше было подождать, пока схлынет толпа. Наконец я обернулся к девушке и повёл ладонью в сторону выхода.

— Приехали, мисс Кейтон. Поднимайтесь. Я знаю, вы давно пришли в себя.

Она стиснула зубы, но повеление исполнила, хотя качало её довольно сильно, так что мне пришлось поддерживать её, чтобы она смогла идти. Вторая доза хлороформа за вечер не прошла даром: её вывернуло наизнанку, лишь только мы сошли на перрон. С полминуты она сидела, низко опустив голову, скрывая лицо под полями мужского котелка и явно не зная, как вести себя при таком страшном конфузе.

Редкие проходившие мимо пассажиры сторонились нас и косились неодобрительно.

— До чего доходит, а? — шумно возмутилась какая-то дородная женщина. — В первый класс пускают всякую пьяную шваль!.. Мистер, попрошу, уберите с дороги это... убогое создание, — не найдя приличного эпитета, закончила она.

— О, разумеется, мэм, — улыбнувшись, заверил её я, не двигаясь с места.

— Леди, — надменно поправила она.

Я взглянул на неё, ласково скалясь, и припечатал:

— Леди Шенард.

Она замерла, узнавая меня. Побледнела. Ещё бы: не далее чем полгода назад я помог ей с одним очень пикантным дельцем, и теперь быть узанной мною для неё было равноценно тому, как если бы её застучали в не слишком пристойном виде. Она взирала на меня лишь ещё мгновение, потом надменно поджала губы, фыркнула в сторону моего пьяного друга и, подхватив юбки, поспешила прочь по перрону.

— Что ж, вот и отлично, — заключил я и, оглядев опустевшую платформу, протянул мисс Кейтон руку. — Ну же. Поднимайтесь. Вы ведь не будете сидеть здесь вечно, пряча от меня глаза.

Мисс Кейтон резко подняла голову, глядя на меня яростно и вызывающе.

— Я не хотела быть узанной кем-нибудь, только и всего, — заявила она, поднимаясь без моей помощи и оправляя одежду так непринуждённо, словно стоять посреди ночи на перроне в мужском костюме было для неё делом обыденным. Впрочем, алый румянец на её щеках явно говорил об обратном.

Я не скрывал снисходительной улыбки, когда она, наконец закончив, взглянула на меня — горделиво и старательно скрывая стыдливое смущение. Спустя миг её глаза потемнели.

— Идёмте? Или вы собираетесь стоять здесь целую ночь? — раздражённо-нетерпеливо спросила она и, не дожидаясь ответа, споро зашагала в сторону вокзала.

Я усмехнулся и поспешил следом.

— Вы очень занимательная девушка, мисс Кейтон, — сказал я, догоняя её.

Она даже не удостоила меня ответом. Я улыбнулся и продолжил:

— Можно поинтересоваться, куда вы направляетесь?

Снова молчание.

— Что ж, хорошо. Я подскажу вам. Сейчас мы выйдем на площадь и возьмём кэб до улицы Гармонт.

Она, кажется, чуть вздрогнула, но не произнесла ни звука.

— И будет лучше, если вы не станете выдумывать новых трюков, — добавил я. — Акко

всегда поблизости, и от него вам не скрыться. А третьей дозой хлороформа даже мне не хочется вас потчевать.

Она бросила на меня короткий резкий взгляд.

— О, благодарю за сочувствие.

— Это не сочувствие, — пожал плечами я. — Просто такого грубого обращения даже ваш молодой организм может не выдержать. А моя задача доставить вас клиенту целой и невредимой.

— И кто ваш клиент? — бесстрастно поинтересовалась она, словно бы мимоходом.

— О, мисс Кейтон, неужели вы думаете, что я заработал бы свою чудесную репутацию, если бы не умел хранить подобные тайны?

— Чудесную репутацию? О, мистер Сандерс, — передразнила она презрительно, — я полагаю, её вообще невозможно заработать, занимаясь подобными низкими делами.

— Сопроводить вас неузнанной, заботясь о вашей безопасности и чести — это, по-вашему, низко? — удивлённо заломил брови я. — Нет, мисс Кейтон, я работаю превосходно. Тонко и деликатно. Хотите убедиться? Что ж, пожалуйста. Тот молодой человек, что видел вас в поезде — ваш жених. Однако благодаря мне он верит, будто столкнулся с вашей сестрой, а не с вами.

Да, я слукавил немного. Не защита её чести была моей целью, когда я называл имя её близняшки — я просто не знал её собственного. Да и от толпы пассажиров я её берёг не ради её репутации — просто предпочитаю работать чисто и избегать ненужных усложнений.

Мисс Кейтон резко остановилась, с сомнением глядя на меня.

— Мой жених, говорите? Боюсь, вы ошиблись. У меня нет жениха.

— Значит, он солгал, — равнодушно заключил я, пожимая плечами. — Пойдёмте, мисс Кейтон. Нам не стоит задерживаться.

В здании вокзала девушка то и дело оглядывалась украдкой: видимо, размышляла, стоит ли попытаться бежать от меня здесь. Однако боязнь быть узнанной, очевидно, взяла верх — и совершенно справедливо. Виндсхилл, конечно, город немаленький, но закона подлости тут никто не отменял.

Что до меня, то её нерешительность играла мне только на руку. Мы без приключений поймали кэб и так же спокойно добрались до угла Честер и Гармонт.

— Акко наверху, — напомнил я девушке, сжимая у себя её маленькую ладонь. — Без глупостей.

Второй дом по Гармонт. Четвёртый. Шестой. И вот он, в сумраке — дом номер восемь...

Не доходя каких-то двух десятков метров, я вдруг остановился и врос в землю как вкопанный. Высоченный каменный забор, внушительные стены квадратных башен и острые шпильки.

Как я мог не вспомнить, что это чудовищное здание стояло именно на Гармонт-стрит??..

— В чём дело?.. — мисс Кейтон воззрилась на меня с удивлением и неожиданной надеждой.

— Орден Говорящих, — прошептал я, скорее сам себе, чем отвечая на её вопрос. — Это — Орден Говорящих с Духами.

Чужие драмы всегда невыносимо банальны.

Оскар Уайльд

Мисс Кейтон смотрела на меня неверяще и растерянно.

— Вы, что, хотите сказать, что не знали, куда везёте меня?..

— Знал... то есть, не совсем. Нет, не знал.

Я, кажется, нёс какую-то околесицу, но сейчас меня заботило иное. Личное правило номер два: никогда не связывайся с тремя дьяволами в этом мире: с государством, церковью и душевнобольными.

А Орден Говорящих, к моему несчастью, подходил под все три этих категории.

Самая могущественная секта в городе, да что там — наверное, во всём королевстве. Под опекой церкви, под покровительством правящей семьи — одно из всеобщих безумных заблуждений, которого я никогда не понимал. Чем они занимались, никто и не знал толком. Говорили с духами, вероятно, а по мне — так просто конопли курили столько, что духи сами приходили поговорить.

И эти бледнолицые... там, на площади, ведь точно под каким-нибудь наркотическим снадобьем были. Это и объясняло всё: и неожиданную прыткость, и глаза их странные.

— Отпустите меня, — прошептала девушка, вынуждая вернуться в реальность. — Ещё не поздно.

— Нет, — я качнул головой. — Теперь уж точно нет, простите.

С чего я вдруг извинился перед ней — сам не знаю. Просто сорвалось с языка. Но одно я знал точно: теперь я и впрямь не мог допустить ни одной ошибки в этом проклятом деле. Раз уж связался с сектантами, так нужно постараться хотя бы выйти сухим из воды.

В непрístupной каменной стене отворилась тяжёлая деревянная дверь, с обеих сторон затянутая в кованые решётки. На пустынной улице появились трое в знакомых уже серых балахонах. Рясах, как верно поправляла меня мисс Кейтон.

— Кажется, ваш эскорт, — сказал я, решительно утягивая девушку за собой.

Она пыталась упираться, хоть и признавала бессмысленность этого. Теперь не только она, но и я сам почему-то ощущал себя в неожиданной ловушке.

Очертания трёх фигур во мраке проступали всё чётче, но выглядели всё более жутко и призрачно в свете неожиданно появившейся из-за облаков луны.

— Полнолуние, — заметил я отчего-то шёпотом.

— Да, — обречённо ответила мисс Кейтон.

Я не был суеверен. Я всегда смеялся над суевериями. Но почему-то в тот миг мне стало не по себе.

Одна из фигур пошевелилась, сбрасывая капюшон, и я невольно застыл в нескольких шагах от неё.

— Мисс... Энн, — поправился я в последний момент, напоминая себе, что клиентка моя желала конфиденциальности.

Мисс Кейтон — та, что стояла рядом — удивлённо скосилась на меня. Близняшка её улыбнулась.

— Вижу, вы сделали всё как я просила, — проговорила она, и невольная дрожь пробрала меня до костей.

Одинаковые — вот совсем одинаковые, и всё же разные в чём-то неосязаемом и неизмеримом. Тот же голос, но интонации другие. Те же серые глаза — но смотрят совсем иначе. Уверенно. Пронизывающе. Страшно.

— Энни, — мягко и печально произнесла мисс Кейтон, и я обернулся, чтобы взглянуть на неё. Но мисс Кейтон смотрела только на сестру, не отводя взгляда. — Энни, прошу тебя. Ты можешь помочь мне. Я знаю.

— О да, — обворожительно улыбнулась мисс Энн. — И я собираюсь сделать именно это. Всего час, дорогая. Всего час до полуночи, а после мы снова будем вместе.

— Нет, — качнула головой мисс Кейтон, а потом вдруг бросилась к сестре и сжала её ладони. — Послушай меня, Энни. Услышь меня. Помнишь, в детстве мы обещали всегда быть на стороне друг друга?.. Всегда защищать друг друга, что бы ни произошло?.. Так вот, Энни, я знаю, как, я нашла способ, и я сделаю это, обещаю, только дай мне ещё немного времени. Пожалуйста. Просто услышь меня.

Мисс Энн резко вырвала ладони из рук сестры и отступила на шаг.

— Не смей прикасаться, — свистяще прошипела она, и голос её стал вдруг неузнаваем. Глаза в свете луны блеснули чернотой.

А мисс Кейтон... мисс Кейтон, наплевав на покоробившее даже меня предостережение, стремительно шагнула к мисс Энн и крепко сжала её в своих объятиях. Мне показалось, она успела что-то шепнуть сестре на ухо, прежде чем та, зашипев, отбросила её на добрую пару метров. Я инстинктивно выставил руки и поймал мисс Кейтон в свои объятия, уже потом сознавая, что недюжинная сила никак не вязалась в моём понимании с хрупкой девушкой, какой была мисс Энн.

Двое безликих сопровождавших внезапно напряглись и тоже зашипели из-под непроглядных капюшонов. Да что же это за метод выражения мыслей у них? Чего хотят-то? Угрожают? Нервничают?.. Сам я, стыдно признаться, уже трясся нещадно. От напряжения, разумеется, больше, чем от страха, но и последний тоже присутствовал. Не знаю, почему.

— Мэнни, — вдруг прошептала мисс Энн, и её голос впервые за всё время стал поистине похож на голос сестры: тихий, дрожащий и уязвимый. Серые глаза расширились, отражая внезапный ужас. А потом она обернулась ко мне, резко и порывисто: — Заберите её отсюда.

Двое в балахонах с шипением метнулись к ней и едва не скрутили в баранку, но она успела крикнуть:

— Клянусь, я заплачу вдвое!..

Что ж, это аргумент.

Я воздел голову к небу и вздохнул, словно обращаясь к богам:

— Странный клиент нынче пошёл, не так ли?.. Непоследовательный и нелогичный...

Монахи переглянулись в растерянности, явно не понимая, собираюсь я исполнять новую просьбу клиентки или всё же нет. Потому, наверное, всё ещё удерживая мисс Энн, они не сделали попыток добраться до мисс Кейтон: в конце концов, я-то тоже стоял на

месте и желания сбежать с ней не изъявлял.

А потом — слишком поздно — они осознали свою ошибку. Резкое шипение всех троих, вскрик мисс Энн:

— Держите её!.. — снова передумала?.. Вот она, непоследовательность во всей красе...

Впрочем, мне новых повелений не поступало, а гонорар за последнее требование был обещан двойной, потому я и выполнил последнее высказанное пожелание клиентки. Памятуя о недавней стычке с проворными сектантами, я сгрёб мисс Кейтон в охапку, сделал разворот, будто заправский танцор, и поднял её, вскричавшую от неожиданности, вверх на вытянутых руках — благо, лёгкая она была как пушинка.

Акко, уже готовившийся приземлиться, понял меня с полуслова. Нет, с полужеста.

Вмиг чешуйчатые лапы сомкнулись вокруг тела многострадальной мисс Кейтон, кожистые крылья спружинили о холодный воздух. Позади меня раздалось яростное шипение, сверху, из темноты — очередной напуганный и протяжный вопль, впрочем, удалявшийся довольно быстро.

Акко, дружище, молодец.

— Дь-ьявол тебя раздери!!!.. — это в высшей степени пропитанное гневом ругательство принеслось в мой адрес от непостоянной мисс Энн.

Я обернулся к ней, стараясь сдерживать противоречивые эмоции: смутную опаску и раздражение.

— Любезная мисс Энн, — проговорил, улыбаясь и невольно взглядывая на дрожавших от ярости спутников за её спиной. Один из них не дал мне закончить, прошипев:

— Что прикажете с ним сделать, леди Аннабель?

Я откровенно напрягся. Теперь, когда Акко поблизости не было, уверенности в том, что сумею одолеть пару обкуренных монахов, у меня сильно поубавилось.

— Ничего, — к моему облегчению ответила мисс Энн, буравя меня до дрожи неприятным взглядом. — Отпустить.

— Разумный деловой подход, — одобрительно улыбнулся я.

— Вы у меня в долгу, — тут же заявила мне мисс Энн, немного разуверив в своей разумности.

— По-моему, дело обстоит как раз наоборот, — убеждённо возразил я, всё ещё натянуто улыбаясь. — Вы обещали заплатить вдвое. При трёх свидетелях, кстати.

Мисс Энн не то фыркнула, не то шикнула. На смех это было непохоже, но и на раздражение не смахивало. Скорее, такое надменное снисхождение. Я окончательно утратил понимание ситуации. И терпение тоже.

— Мисс Энн, поверьте, вы не захотите испытывать на себе мои рычаги давления в случае неисполнения своей части сделки. Я сделал всё, как вы просили, и я получу за это свой гонорар — так или иначе.

Она насмешливо заломила бровь.

— Думаете, что можете угрожать мне, мистер Сандерс?

— Это не угроза, помилуйте, — вежливо улыбнулся я.

— Вы у меня в долгу, — повторила она, накидывая капюшон. — Я сохранила вашу жизнь, потому что подозреваю, что вы ещё сможете оказаться мне полезным. А если хотите получить свои деньги — обратитесь к моей сестре. В конечном счёте, это на её стороне вы сыграли сегодня.

И с этим она обернулась и уверенным шагом направилась к тяжёлой зарешечённой

двери.

Нет, ну какова, а?..

Похоже, в моём списке дьяволов сегодня прибавление. Личное правило номер два с половиной: никогда не связывайся со смазливymi блондинками.

Я терпеливо прождал появления мисс Энн почти целый день. Ну ладно, пусть не день, а лишь полтора часа утром — однако мне ещё вчера было понятно, что она не подумает явиться ко мне с покаянием и заветной пачкой купюр.

Посему к одиннадцати — за полчаса до формального времени начала визитов — я уже обивал порог особняка Кейтонов, дабы решить свой крайне важный вопрос без риска быть узнанным кем-нибудь из визитёров. Риска не для меня, разумеется, а для моих предпочитающих инкогнито клиентов.

Когда я сообщил дворецкому, что желаю видеть мисс Аннабель Кейтон, он лишь едва заметно напрягся, но тотчас расплылся в улыбке.

— Разумеется, сэр. Как вас представить?

— Мистер Сандерс.

Без лишних вопросов он провёл меня в гостиную и попросил подождать немного. Закрывать меня в комнате ему, очевидно, не позволили приличия, хотя выражение его лица говорило о том, что он изо всех сил старается придумать, как приглушить слышавшийся из одной из дальних комнат горячий спор на повышенных тонах.

Голоса были мне знакомы: Питер Кейтон и одна из его дочерей. Вероятно, Аманда: после реакции дворецкого на имя Аннабель я был почти уверен, что её не было дома этим утром. И прошлым. И до этого тоже, однако домочадцы, похоже, изо всех сил скрывают тот факт, что молодая девица самовольно переехала в вотчину Ордена Говорящих. Что ж, ещё один неплохой аргумент в мою пользу. Репутация — это всё для благородных семей. А у меня уже столько ниточек, за которые я могу потянуть, чтобы с лёгкостью разрушить этот карточный домик.

О чём спорил отец с дочерью, было почти не разобрать, однако отдельные слова до меня долетали, и в основном принадлежали они мисс Кейтон. Аманде, без сомнений.

— ...решить... за меня?!.. Даже не предупредили... сегодня придет!!.. не в средневековье, чтобы... не посмеете без моего согласия!!..

Питер отвечал ей что-то о том, что это только лишь знакомство, и её ни к чему не обязывает, и что он хочет сделать, как лучше для неё. В общем, всё, что обычно говорят отцы дочерям, когда в действительности вместе с будущим женихом уже давно всё решили.

Голоса резко стихли, когда дворецкий постучал в дальнюю дверь, а спустя всего минуту на пороге гостиной возникли оба: и мисс Кейтон, и гневно отдувавшийся Питер. Впрочем, только лишь он заметил меня, лицо его вытянулось и сменило цвет с алого на серый.

— Ты, — неверяще выдохнул он, и мисс Кейтон удивлённо обернулась к нему.

— Вы знаете его?

Питер не ответил ей и в несколько размашистых шагов пересёк комнату.

— Что тебе нужно здесь?! Если ты...

— Мистер Кейтон, я здесь, чтобы поговорить с вашей дочерью, — остановил я его с многозначительным взглядом. Что ж, милосердие и мне присуще иногда, и сейчас я великодушно избавил этого извращенца от возможности сказать лишнее при мисс Кейтон.

Кого пожалел, правда — его или её — я не уверен.

— О чём? — Питер настойчиво сверлил меня взглядом.

Я улыбнулся.

— О том, что ваша вторая дочь задолжала мне некоторую сумму денег, которую просила взыскать с мисс Аманды Кейтон.

— Твои дела с Аннабель нас не касаются, — отрезал Питер. — Так что сейчас я советую тебе очень быстро покинуть этот дом и больше никогда не появляться на пороге.

Я не удостоил его ответа и с улыбкой обернулся к мисс Кейтон.

— Думаю, вы считаете иначе, мэм.

— Она ничего не решает здесь!.. — рявкнул Питер, явно возмущённый до глубины души моей беспардонностью.

— Верю, — обаятельно улыбнулся я ему. — Но если вы хотите, чтобы я говорил с вами, будьте так добры, проявите немного такта в общении, мистер Кейтон.

Он шагнул ко мне и в порыве ярости схватил за грудки.

— Ты не заслуживаешь даже того, чтобы я вообще говорил с тобой! — прошипел он мне в лицо.

— Мистер Кейтон, в ваших интересах отпустить меня, — медленно и тихо проговорил я. — И вы знаете это.

Он опешил, потом напрягся. Злобно сощурился — и отступил.

— Чего ты хочешь?

— Вы. Вы хотите, — поправил его я.

Питер сжал зубы.

— Чего вы хотите? — выплюнул он.

— Как я уже сказал. Мисс Кейтон... простите, мэм, но кого из вас должно называть по имени? — уточнил я, памятуя об этикете, который предписывал обращение "мисс Кейтон" старшей из двоих.

— Аннабель, — тихо ответила мисс Кейтон, и я кивнул.

— Так вот, мисс Аннабель Кейтон задолжала мне сто двадцать норингов за услуги по доставке её сестры из столицы до дома номер восемь по Гармонт-стрит, что здесь в Виндсхилле, и ещё сто двадцать — за последующее перемещение с улицы Гармонт в не указанное заказчицей место.

У Питера, надо сказать, челюсть отвисла.

— Двести сорок??. Ты... вы хотите получить двести сорок норингов за то, что едва не лишили меня оставшейся дочери по указанию этой сбрендившей...

— Отец, — тихо, но очень укоризненно прошептала мисс Кейтон.

— Да, — невозмутимо ответил я, равнодушно пожимая плечами. — Договор есть договор. Невыполнение условий влечёт за собой санкции.

— Какие, к дьяволу, санкции?!.. — взъярился Питер, но тотчас взял себя в руки. — Вы не посмеете...

— Я посмею, — очень убедительно заверил его я. — И у меня, вы знаете, есть и основания, и способы.

Мисс Кейтон уже в который раз с подозрением взглянула на отца, однако комментировать не решилась. А я — что я? Я не сказал ни слова про наше с ним знакомство, верно?.. Безупречная репутация прежде всего. Моя, разумеется.

Питер стиснул зубы. Обжёг меня полным ненависти взглядом. Но да что там — у меня

против подобных вещей шкура закалённая. И, в конечном счёте, разумеется, он сделал именно то, что и должен был.

— Отсчитайте этому господину двести сорок норинов, — распорядился он, когда на звук колокольчика в дверях появился дворецкий. — И проводите его до ворот.

Последнее звучало так, будто Питер в действительности сказал "дайте ему пинка посильнее", однако ни дворецкий, ни уж тем более я на это никак не среагировали. Улыбнувшись как можно обаятельней, я отвесил мисс Кейтон учтивый поклон.

— До встречи, мэм.

— И не надейся, — процедил над моим ухом Питер. — Вон из моего дома.

— Благодарю за сотрудничество, сэра, — благодушно ответил я ему, прежде чем обернуться и последовать за дворецким.

Что ж, вот и замечательно. Весьма неплохое дело закрыли. Вечером нужно будет обмыть с Акко нехилый заработок.

Магия — искусство превращать суеверия в звонкую монету.

Амброз Гвиннет Бирс

Следующие полторы недели прошли для нас довольно скучно. Всего три захудалых и не слишком выгодных дельца: тут за неверной женой проследить, там по мелочи насолить конкуренту — и вот тебе скудные сорок норинов дохода.

Нет, конечно, для кого-то это тоже деньги: мои мать-прачка и отец-пекарь столько, наверное, вдвоём за месяц не зарабатывают. Вот только я-то здесь не булочки пеку. Я, можно сказать, своей головой во имя чужого блага рискую.

Приятную возможность постараться не зря — а за приличное вознаграждение — мне, к моему удивлению, предоставила всё та же Глэдис Кейтон. Похоже, я у них становлюсь семейным агентом по устранению неприятностей.

— Питер скрывает от меня что-то очень важное, — заявила мне его будущая бывшая жена с неколебимой уверенностью. — Я знаю, что у него есть бумаги на целое состояние, но он прячет их ото всех. Где-то в доме должен быть сейф. Может быть, в библиотеке или в подвале. Или в его кабинете.

"Или где угодно", — мысленно закончил я за неё, но промолчал, делая вид, что внимательно слушаю.

— Я хочу, чтобы вы нашли его, и взломали, и доставили всё, что найдёте, мне.

— Что ж, хорошо. Я думаю, разделим это задание на два этапа: найти и взломать. Цена первого — сотня. Вторую сумму обговорим, когда я оценю сложность замка.

Женщина, уже опытная в отношениях со мной, не торговалась. Да и зачем ей, если деньги всё равно не её, а мужа?.. В общем, на сотне и порешили. Я обещал проводить поисковые работы по ночам, при условии, что она будет каждый вечер оставлять окна библиотеки и кабинета приоткрытыми.

Начал я, следуя логике, с кабинета. Это было самое удобное место, где хозяин мог надолго оставаться один и делать что угодно незаметно. Однако спустя две ночи поисков я вынужденно убедился, что ни сейфа, ни даже тайника в кабинете не имелось. Пол, стены, даже потолок — всё было чисто. Все картины осмотрены, все статуэтки передвинуты, все ящики осторожно вытряхнуты и проверены на предмет двойного дна. Ничего.

Поэтому на третью ночь я принялся за библиотеку, и лишь только влез в окно, вздохнул с обречённостью.

Сотни норинов за подобную работёнку явно было мало. Если найду чёртов сейф, нужно будет заломить достойную цену за вскрытие.

Библиотека была не то чтобы огромной — но три стены её были сплошь заставлены узкими шкапами высотой под самый потолок. А потолки здесь, к слову, были раза в два выше, чем в моём собственном доме, и потому для удобства господ по всему периметру

шкафы разделял пополам узенький деревянный балкончик, на который можно было взобраться по маленькой винтовой лесенке.

Туда я в первую очередь и направился, дабы оценить обстановку с высоты. Ничего особенного: два письменных стола, стоявших по центру комнаты на небольшом расстоянии друг от друга, несколько кресел, высокие узкие окна с плотными портьерами. И сотни книг.

Последнее угнетало больше всего. Уверена ли была Глэдис, что бумаги хранились именно в сейфе?.. Что если они умещались в крохотном тайнике, устроенном в одном из многочисленных фолиантов?.. Сколько времени и усилий уйдёт на то, чтобы пересмотреть каждый?..

Я хотел уже было плюнуть на библиотеку и направиться в подвал, чтобы попытаться удачи там, когда дверь неожиданно отворилась, впуская внутрь неровный, колеблющийся свет и такую же неровную, словно бы неуверенную тень. Миг — и я распластался по узенькому балкону, благодаря богов, что балюстрада его оказалась резной лишь сверху, а нижняя её половина была отделана сплошными деревянными панелями.

В библиотеку вошли две женщины. Одну из них — мисс Кейтон — я узнал сразу. Вторая была мне незнакома, однако облик её не внушал доверия. Она была похожа на какую-то цыганку или гадалку: старая, вся в платках и бусах и с огромной бородавкой на щеке, которую я разглядел даже в тусклом свете пары свечей.

— Уверена, что готова? — прохрипела старуха, и мисс Кейтон, явно страшась, кивнула:

— Да.

— Что ж.

Мисс Кейтон не произнесла более ни слова — лишь затворила двери библиотеки и... принялась расшнуровывать платье.

"Ух ты", — подумал я, хотя меня разрывали противоречивые чувства: предвкушение нежданной эротической сцены и смутное предчувствие чего-то не столь приятного, к чему она являлась прелюдией.

Старуха невозмутимо расставила на столе какие-то коробочки и пару бутылей, потом достала откуда-то мел и принялась царапать им кривой круг прямо на восхитительном дорожном паркете. Её художества, впрочем, интересовали меня меньше, чем мисс Кейтон, которая уже оставила верхнее платье на одном из кресел и подошла ближе, стыдливо — или нервно?.. — сжимая обнажённые плечи. На ней оставались белёный нижний корсет — из этих новомодных, весьма мягких, которые лишь едва подчёркивали талию, позволяя сполна насладиться всеми остальными прелестями, — короткая нижняя сорочка, спускавшаяся до середины икры, и белые же чулки. И ещё, почему-то, тёмные кружевные перчатки длиной до локтя.

Я припомнил, что видел на ней такие же, когда впервые повстречал её в доме графа Рейнервилль две недели назад, но сейчас отчего-то они отчётливо бросились мне в глаза. Возможно, потому, что резко диссонировали с белизной и интимностью всего остального наряда.

Старуха закончила своё издевательство над паркетом, изобразив в круге восьмиконечную звезду, символизировавшую дуализм богов Археса и Яниса. Белые и тёмные изогнутые лепестки чередовались, переплетаясь в середине. Туда старуха водрузила небольшую каменную чашу; туда же ступила и мисс Кейтон.

Вот дьявол, подумалось мне, несмотря на божественный символ. Что ещё за ритуал они здесь задумали?..

Старуха тем временем расставила по концам лепестков толстые белые и чёрные свечи и по очереди зажгла их — сначала чёрные, затем белые. Лицо мисс Кейтон в отблесках пламени казалось медно-алым и перекошенным от напряжения.

Старуха, не ступая в круг, принялась ходить возле него, нараспев читая какие-то неизвестные молитвы. Два шага туда, три обратно, потом снова и снова, и так минут пять. Когда я уже немного расслабился и даже начал уставать от скучного действия, старуха схватила со стола бутылку и, плеснув мутную жидкость в пиалу, молча протянула её мисс Кейтон. Та столь же молча приняла чашу и осушила её залпом, морщась. Вид у неё при этом был такой, будто её сейчас вывернет наизнанку.

Ещё несколько пассов вокруг божественной звезды, пара заунывных подвываний, посыпание белокурых локонов чем-то тёмным и неприятным на вид. Впрочем, мисс Кейтон, похоже, было уже всё равно: она смотрела вокруг помутневшими глазами, будто не сознавая, где находится и почему. Сцена всё больше напоминала мне дешёвый шарлатанский театр где-нибудь на базаре.

А потом старуха внезапно достала откуда-то длинный кинжал. Узкая прорезь делила его клинок надвое от рукояти и почти до самого острия. Разделение и единство, дуализм богов.

Я напряжённо замер, забывая, как дышать.

— Перчатки, — тихо просипела старуха, и мисс Кейтон подчинилась быстро и невозмутимо.

Зато я сохранить самообладание не смог.

Всё её тело до сих пор казалось мне таким нежным и хрупким: тонкие линии, бархатистая, полупрозрачная кожа, ниспадавшие на обнажённые плечи пряди золотистых волос. И тем страшнее было увидеть, что под кружевными перчатками скрывалось нечто настолько невообразимое. Жуткое. Уродливое. Вся их внутренняя сторона, от запястий и почти до локтей, была покрыта сетью тонких, извилистых чёрных вен.

Дьявол, что это такое??..

Меня передёрнуло, когда я понял, что всё это действительно находилось под кожей, внутри неё, и лишь усилием воли я заставил себя сидеть тихо и не двигаться, дабы теперь ни за что не выдать своего присутствия.

Мисс Кейтон протянула старухе руки. Блеснул в свечах ритуальный кинжал. Девушка вздрогнула, но не издала ни звука, когда лезвие вскрыло её кожу, и кровь струйками пролилась в каменную чашу.

Совершенно обычная, тёмно-алая кровь.

Старуха полоснула по рукам ещё раз и ещё. Мисс Кейтон смотрела на обагрённые запястья безразлично, и на её губах расплзлась пугающая кривая улыбка умалишённого.

Я видел, как текла её кровь: четверть чаши, затем половина. Мисс Кейтон не шевелилась, старуха тоже; однако в какой-то миг девушку повело в сторону, и она, закрыв глаза, тихо повалилась на пол.

Я подавил вскрик.

Старуха выругалась. Потом тихо и совершенно не таинственно окликнула девушку чем-то наподобие "дочки" или "душки", потрясла за плечо. Мне уже отчаянно хотелось вскочить и броситься сверху на чёртову шарлатанку, которая довела до полусмерти наивную девчонку и теперь даже не думала попытаться остановить кровотечение.

А старуха пощупала пульс на шее, смачно выругалась ещё раз, потом молниеносным движением сгрэбла со стола остатки своих снадобий и не оглядываясь бросилась прочь.

— Тварь!!.. — вскричал я и одним прыжком перемахнул через балюстраду, даже не задумываясь о том, чтобы воспользоваться узкой лесенкой.

Первым побуждением было догнать мерзавку и свернуть ей шею, однако вид мисс Кейтон, распластанной на полу и истекавшей кровью, изгнал из моей головы все прочие мысли. Да, я почти совсем не знал её. Да, я не был обязан ей ничем. Однако осознание того, что глупая суеверная девчонка расстанется с жизнью из-за какого-то идиотского ритуала, разыгранного шарлатанкой, неожиданно заставляло всё во мне вскипать от негодования.

Быстро оглядевшись и не найдя ничего подходящего, я недолго думая сдёрнул с мисс Кейтон высокие чулки, в тот момент даже не замечая, какой чудесный вид обнажённых стройных ножек открывался моему взору. Впрочем, нет, лгу. Заметил и даже загляделся — но лишь на секунду.

А в следующую я уже быстрыми движениями туго перетягивал чулками запястья несчастной дурочки.

На всё про всё — минута, не больше. Затем, поднявшись, я метнулся к окну и кликнул Акко, который по обыкновению дожидался меня на крыше. Убедившись, что кшахар отреагировал, я устремился к двери и, старательно вытягивая голос на фальцет, возопил как можно громче:

— Врача!! На помощь!!.. Помогите!!.. — и лишь дождавшись, как где-то резко ударила об стену распахнутая дверь, бросился обратно.

— Акко, уходим! Быстрее-быстрее-быстрее!!..

Я едва успел вскочить в седло, когда мой верный друг распахнул крылья, взмывая резко вверх и скрывая нас обоих под надёжным покровом темноты. Ночь была ясной, но безлунной, в противоположность той, когда я видел мисс Кейтон в первый раз.

Уже наверху, оглянувшись, я заметил, как в окнах особняка Кейтонов тревожно замелькал свет.

— Ну, держитесь, мисс Кейтон, — вслух пожелал я наивной девушке. — Крайне нелепо будет на вашем месте погибнуть от подобной глупости.

Там, где начинаются тайны, недалеко и до обмана.

Сэмюэл Джонсон

На следующее утро я не ждал посетителей, и тем не менее весьма знакомая — уже почти до оскомины — личность заявила в мой крохотный кабинет едва минуло девять.

— Это были вы, — даже не спросила, а убеждённо заявила Глэдис Кейтон, сверля меня пристальным взглядом маленьких тёмных глазок.

Я изобразил святую невинность.

— О чём вы, миссис Кейтон?

— Не отпирайтесь. Кроме вас больше некому.

— Если у вас что-то пропало, миссис Кейтон, то смею заверить, я к этому непричастен. Моя безупречная репутация мне дороже, и платите вы мне достаточно, чтобы...

Глэдис резко шагнула ко мне и безапелляционно потребовала:

— Покажите руки.

— Что? — слегка опешил я.

— Покажите руки, чёрт вас дери!..

Вот семейка. Не скупятся на брань, даром что почти титулованные. Я пожал плечами и протянул ей ладони.

— Рукава закатайте, — брезгливо процедила она, не прикасаясь.

Я потянул наверх сначала один манжет, затем другой. На лице Глэдис отразилось облегчение.

— Хорошо.

Только теперь она позволила себе опуститься в кресло и снова требовательно взглянула на меня.

— Как идут дела с поиском?

— Пока безуспешно, — ответил я. — Кабинет чист, без сомнений. Быть может, у вас есть предположения, где лучше искать теперь?

Глэдис неуверенно повела плечами.

— Признаюсь, я рассчитывала на кабинет.

Я тоже.

— Вы уверены, что сейф существует? — решил уточнить я. — Насколько объемны, по-вашему, должны быть документы? Насколько мал может быть тайник?

— Не слишком мал. Если вы думаете о книгах, то можете смело отмести эту мысль. Однако, мистер Сандерс, я была бы очень признательна, если бы вы ускорили поиски, насколько это возможно.

— Я могу работать до самого рассвета, если пожелаете, но в таком случае нам следует обсудить разумное увеличение моего гонорара.

Глэдис безразлично махнула рукой.

— Назовите любую сумму, и она ваша. Но мне нужны результаты до конца следующей недели.

Рискованно. Особенно учитывая, что сейфа может не существовать и вовсе. И всё же...

— Две сотни.

— Хорошо.

Даже бровью не повела.

Ох, да что за сокровище она мечтала найти в закромах своего супруга?..

Этой же ночью я взялся за поиски с соразмерным удвоившемуся гонорару усердием. Начав от самого дальнего верхнего угла библиотеки, я планомерно выкладывал под ноги стопки книг, чтобы проверить на секреты освободившиеся полки, а затем аккуратно, соблюдая порядок, составлял томики обратно.

Адская работёнка, скажу я вам, даже учитывая, что мне не приходилось пролистывать каждый.

К двум часам пополуночи я, выгрузив очередную порцию толстенных фолиантов на несчастно хрустнувшие доски узкого балкончика, обессиленно сполз вниз, чуть не застонав от тоски: за три часа я едва управился с одной, меньшей стеной, да и с той лишь наполовину — сверху. Но если работать быстрее, рискуешь упустить что-то важное, и тогда все усилия и вовсе пойдут прахом.

Я прикинул в уме, сравнивая размеры библиотеки с уже изученным мною отрезком, и пришёл к неутешительному выводу: на одни лишь шкафы у меня уйдёт ещё как минимум три полных ночи. А ещё ведь столы, картины, пол... Милостивые боги, пусть этот проклятый сейф и впрямь окажется в библиотеке!..

Занятый собственными раздумьями, я резко вздрогнул, когда дверь библиотеки принялась тихо отворяться, и, стремительно пригнувшись, погасил фонарь. Дьявол, кого ещё сюда принесло посреди ночи?..

Мне едва удалось сдержать обречённый вздох, когда я узнал знакомую, ступавшую нетвёрдо фигуру.

Мисс Кейтон.

Одно то, что она была жива и даже держалась на ногах, отчего-то зародило внутри неясные сполохи радости. Что ж, всегда приятно узнать, что твои усилия принесли какие-то плоды, особенно если плод этот — спасённая девическая жизнь.

Рассмотреть её толком, впрочем, я не успел: едва прикрыв дверь, мисс Кейтон принялась настороженно озираться по сторонам, и мне пришлось нырнуть за сплошную часть балюстрады, чтобы не быть замеченным. Взор мой упал на стопку книг рядом со мной, и я беззвучно выругался. Целая полка наверху пустовала. Хоть бы девушка не вглядывалась в шкафы посреди ночи...

Однако надеждам моим не суждено было оправдаться.

Спустя всего несколько секунд я услышал робкие шаги, застывшие у лестницы.

— Кто там? — тихо спросила мисс Кейтон, и голос её заметно дрожал.

Я не произнёс ни звука.

— Я знаю, что вы там, кто бы вы ни были. Покажитесь, или мне придётся подняться. И учтите, что у меня... у меня нож.

"Мало тебе вчера ножей было!" — едва не ляпнул я, но вовремя сдержался.

Лестница скрипнула.

Скудные варианты побега пронеслись у меня в голове. Дождаться, пока она поднимется, запустить в неё фолиантом и, перемахнув через перила, выскочить в окно. Второй этаж... есть вероятность даже прыгнуть, не переломав ноги. Хотя и обратная тоже присутствует.

Можно выскочить не в окно, а в дверь, но там другая опасность: нарваться на кого-нибудь из таких же, как мисс Кейтон, страдающих бессонницей обитателей.

Пока я выбирал между двумя не слишком симпатичными перспективами, скрип ступеней прекратился, однако девушки на балконе я так и не увидел.

— Я знаю, что вы были здесь вчера, — сказала она тихо, и я осознал, что страх всё-таки пересилил её невеликую девическую решимость: она застыла где-то на нижних ступенях, не осмеливаясь подняться выше и столкнуться со мной лицом к лицу. — Я знаю, что вы спасли мне жизнь, и я хочу предложить вам сделку. Но для этого вам необходимо спуститься сюда, ко мне.

"А может, не надо? — подумал я. — Может, мисс Кейтон, вы отправитесь обратно в свою тёплую постельку и дадите мне спокойно доделать мою работу?"

— Вы ведь любите сделки, мистер Сандерс?

Я вздрогнул от неожиданности, когда осознал, что она-таки смотрела прямо на меня — не поднявшись на балкон, но лишь едва высунув снизу свой маленький носик — достаточно, чтобы увидеть меня сквозь прорези в тонкой балюстраде. Лицо её не было освещено: видимо, чтобы свет не слепил её, она благоразумно оставила подсвечник где-то подальше.

А ведь не глупа. И не так труслива, как я себе думал.

Не найдя ничего иного, я невозмутимо поднялся и сделал несколько шагов к лестнице. Мисс Кейтон спустилась вниз боком, ни на миг не сводя с меня взгляда.

Я улыбнулся.

— Вы боитесь меня, мисс Кейтон?

— У меня достаточно оснований, но — нет, — холодно откликнулась она. — Сейчас не боюсь. Я могу предложить вам что-то, и насколько мне известно, вы весьма принципиальны во всём, что касается сделок.

Я усмехнулся.

— Вы совершенно правы.

Мисс Кейтон напряжённо опустилась в кресло и жестом предложила мне стоявший поблизости стул. Я придвинул его ещё чуть ближе и уселся, скрещивая руки на груди.

— Итак, я вас слушаю.

— Вчера вы стали свидетелем сцены, не предназначенной для посторонних глаз, — проговорила мисс Кейтон, явно чувствуя себя не в своей тарелке, но всё же упрямо встречая мой взор.

Храбрится.

Забавная девушка.

— Вы, очевидно, догадываетесь: я не хочу, чтобы какая-либо деталь произошедшего была предана огласке. И потому я готова предложить вам взаимовыгодный обмен. Я не стану интересоваться тем, что вы ищете в библиотеке моего отца. Я не буду пытаться выяснить, кто ваш заказчик. Я никому не скажу ни слова об этом вашем мероприятии, а взамен я хочу, чтобы в такой же полной тайне вы сохранили всё, что видели здесь прошлой ночью.

Я скривил губы в одобрительной улыбке.

— Что ж, равноценно.

— Это значит, по рукам? — с подозрением уточнила она.

Я протянул ей ладонь, однако замешкался, бросая взгляд на её перебинтованные запястья, вновь затянутые в тёмное кружево поверх повязок. Мисс Кейтон скривилась, как от боли.

— Я не заразна, если это то, чего вы боитесь, — с какой-то досадой проговорила она и резко поднялась, отступая в сторону от меня. — Так что насчёт сделки? Вы согласны?

— Да, — кивнул я, поднимаясь вслед за нею. Потом, поколебавшись, негромко спросил: — Эта... штука с вашими руками. Что это?

— Не ваше дело, — отрезала она тихо, но решительно, сцепляя пальцы в нервный замок. — Я не задаю вопросов, так будьте любезны, сделайте то же и вы.

Я быстро кивнул ей, искренне соглашаясь.

— Что ж, — мисс Кейтон обернулась, чтобы взять со стола свой подсвечник, и снова взглянула на меня: — Не стану более мешать вашей... работе.

Тон её на последних словах был неизбежно осуждающим, хотя она честно попыталась скрыть это.

Я усмехнулся. Нет, мисс Кейтон, не вам судить меня. Сейчас вы, скорее, соучастница, нежели сторонний наблюдатель. Стремясь отмыть грязь с собственной репутации, вы сознательно рискуете чем-то, что не принадлежит вам, чем-то, что может оказаться крайне важным для вашего отца...

Впрочем, всматриваясь в её напряжённое лицо, я всё отчётливей уверялся в том, что она прекрасно понимала, на что идёт. Понимала и стыдилась этого, и осуждение, слышавшееся в обращённых ко мне словах, в самом деле было направлено на неё саму, порождённое чувством вины и муками целомудренной, незапятнанной ранее совести.

На миг мне даже стало жаль её. Насколько сложным был для неё этот выбор? Что за чертовщина творилась с ней самой, что за болезнь снедала её, обезображивая тело, пугая и заставляя бросаться за помощью к таким сомнительным личностям, как вчерашняя шарлатанка?.. Что обо всём этом думал — нет, даже не так — куда всё это время смотрел её отец? Да уж, пожалуй, я-то знал, куда... не в сторону сражённой недугом дочери, это точно.

"Я не заразна, если этого вы боитесь", — вдруг отчётливо всплыли в голове брошенные ею с обидой и болью слова. Кто ещё из знавших правду считал её заразной? Глэдис, которая брезгливо сторонилась меня сегодня утром, зная, что я касался этих тонких изувеченных рук?.. Сам Питер?..

Мисс Кейтон уже почти отвернулась от меня, собираясь покинуть библиотеку, когда я вдруг, руководствуясь чёрт знает какими измышлениями, подался вперёд и поймал её руку. Аманда удивлённо обернулась, а я, притянув к себе её перебинтованную кисть, склонил голову и коротко поцеловал затянутые в кружево пальцы.

— Доброй ночи, мисс Кейтон.

Отпустил её я так же быстро, как и коснулся, однако она ещё несколько долгих мгновений взирала на меня крайне ошарашенно.

— Доброй, — выдохнула в конце концов и, быстро обернувшись, стремительно исчезла за дверями.

Я ещё какое-то время смотрел ей вслед, а потом оглянулся на проклятый узкий балкончик и всё же застонал.

Адская работёнка ждала меня с распростёртыми объятьями и дьявольской улыбкой.

Клеветайте, клеветайте! Что-нибудь от этой клеветы останется.

Пьер де Бомарше

Следующим утром я проспал почти до полудня. И немудрено, если лечь после рассвета, который в этом жутком городе сейчас наступает едва ли к восьми. Однако дольше валяться в постели было не положено: кто знает, быть может, судьба именно в этот час приведёт ко мне заветного клиента с непыльным делом и туго набитым кошельком.

Но знаете, всё-таки, судьба — редкостная зараза.

Потому что стоило только мне спуститься в кабинет, как в дверь постучали — громко и очень зло. Я даже думал сделать вид, что меня вовсе нет дома, но раздавшийся снаружи голос Глэдис Кейтон безжалостно разрушил последнюю надежду.

— Сандерс, сволочь ты скудоумная, открывай!!.. Я знаю, что ты здесь!! Твой кшахар уже два раза с крыши голову свесил!!..

Ну, Акко, удружил, подумал я, впрочем, беззлобно. Если уж быть точным, то из наличия на крыше крылатого друга моё присутствие дома никак не вытекало. Может, трудно поверить, но я иногда и на своих двоих весьма неплохо передвигался.

Дверь Глэдис я всё же открыл. Не в моих привычках прятаться от невесть чем недовольных клиентов.

— Доброе утро, миссис Кейтон, — поприветствовал я её добродушной улыбкой, впуская её внутрь и закрывая за ней дверь.

— Какое, к дьяволу, доброе!!.. — взъярилась она, кажется, едва не бросаясь на меня с кулаками. — Ты, крысеныщ, как ты умудрился засветиться перед чёртовым скупердям да ещё выдать меня с головой?!.. И какие гарантии ты мне дашь после *этого*?!..

Я нахмурился, искренне не понимая её тирады в первые мгновения, а потом внезапно весьма неприятная картинка сложилась у меня в голове.

— Питер знает о моих поисках?

— О *моих* поисках, тупая ты башка!!.. Он едва не удавил *меня* сегодня утром!!..

Что ж, это плохо.

Это весьма плохо потому, что бросает совершенно незаслуженную тень на мою безупречную репутацию; и это ещё хуже потому, что я точно знаю, кто виноват в столь нежелательном повороте.

Глупая и очень совестливая девочка.

Мисс Кейтон.

Девушку мы застали в слезах. Несмотря на покрасневшие и слегка припухшие глаза, в остальном она была очень бледна — вероятно, от большой потери крови позапрошлой

ночью. Лишь взглянув на меня, мисс Кейтон резко поднялась в праведном негодовании.

— Вы!..

Я даже опешил на мгновение. Разве это не моя роль — обманутого и разгневанного?..

Обернулся к Глэдис.

— Будьте добры, оставьте нас с мисс Кейтон наедине.

Та смерила меня уничижительным взглядом.

— Незамужним девушкам не положено... — начала она, но я одарил её столь выразительной и снисходительной улыбкой, что Глэдис, поджав губы, буркнула: — Десять минут.

И, горделиво вздёрнув подбородок, прошествовала прочь из комнаты.

Я выждал секунд десять, потом выглянул в коридор и, убедившись, что он пустует, плотно прикрыл дверь и обернулся.

— Теперь объясните мне, уважаемая мисс Кейтон, как так вышло, что честная и порядочная девушка в первое же утро нарушает условия ей же самой придуманной сделки?

— Я?! — изумлённо и гневно воскликнула она, даже подступая ко мне на пару шагов в раздражении. — Да как вы смеете?.. Вы, кто заключил этот договор, уже зная, что загодя нарушил его...

— Так, — остановил её я, поднимая обе ладони. — Кажется, здесь какое-то недоразумение. Я не нарушал ваших условий. Однако вы обо всём рассказали отцу этим утром. Из-за чего?

— Да как вы... — осекшись, она резко шагнула к журнальному столику и, смятая в руке газету, потрясла ею в воздухе: — Вот из-за чего!..

Я нахмурился. Подошёл ближе, взял газету из её рук и только теперь понял всё.

На первой полосе огромными буквами гремел заголовок: "ПЛЕМЯННИЦА ГРАФА РЕЙНЕРВИЛЛЬ СПУТАЛАСЬ С ДЬЯВОЛОМ".

Я опустил газету и взглянул ей в глаза.

— Это не моих рук дело, мисс Кейтон.

— Думаете, я вам поверю? Больше никто не знал о случившемся!..

— Никто? — с сомнением изогнул бровь я. — А слуги? А врач?..

— Врача не было. Мне нельзя допускать, чтобы кто-либо видел... это.

Я даже хохотнул от удивления.

— В самом деле, мисс Кейтон?.. Невзирая ни на что? А зелье, которым вас опоила эта шарлатанка?.. Вы хоть знаете, что это было?..

— Примерно, — поджала губы девушка.

Я с деланным укором качнул головой и пожал плечами.

— Так или иначе, ещё остаются домочадцы и сама эта ваша колдунья. И тем не менее вы поспешили подумать именно на меня.

— Потому что вы... — начала она и осеклась.

Я безразлично усмехнулся.

— Потому что я наименее достойная фигура в ваших глазах? О, не смущайтесь так, мисс Кейтон. Вы не первая, кто думает подобным образом. Большинство тех, кто знаком со мною, ненавидят меня или боятся, и почти все отчаянно пытаются презирать.

Она не знала, что ответить, зато я знал, что ей предложить.

— Я могу выяснить, кто это был, если захотите. А заодно порекомендовать редакторам напечатать немедленное опровержение.

Мисс Кейтон наивно нахмурилась.

— Не думаю, что они последуют вашим рекомендациям.

— О, не сомневайтесь в моих способностях, мисс Кейтон, — с улыбкой посоветовал я. — Опровержение выйдет завтра же утром, если только мы с вами согласуем условия. Поскольку вы сорвали мне весьма прибыльное дельце своим необдуманным порывом, то, полагаю, будет справедливо, если в качестве компенсации вы уплатите мне ту сумму, которую я потерял.

— Сколько? — с подозрением уточнила она.

— Две сотни.

Она искренне удивилась. Свела на переносице тонкие брови.

— Ещё две.

— Я не торгуюсь, мисс Кейтон.

Она вздохнула.

— Я уже знаю. Что ж, разумеется, у меня нет при себе таких денег, поэтому...

— Нет-нет, мисс Кейтон, — прервал её я. — Не торопитесь. Оплата исключительно по результату — иначе говоря, завтра. Я зайду к вам после полудня, когда вы получите свежую газету. А на случай, если вам понадобится меня найти...

Я хлопнул по карманам и виновато хмыкнул.

— Прошу прощения, кажется, оставил визитницу дома. Не возражаете, если напишу от руки?

Она кивнула в сторону стола.

— Пожалуйста.

Я быстро черкнул адрес на полях газетной заметки, потом, взглянув на провокационный заголовок, не удержался и добавил ещё пару слов, прежде чем передать газету мисс Кейтон. Она мельком взглянула на строчки и тотчас подняла на меня глаза.

— Эдж Сандерс, частный ангел? — в её голосе сомнение мешалось с неодобрительными нотками.

— Крылья оставил дома, — невинно улыбнулся я. Потом, видя её явное непонимание, пояснил: — Нужно же Акко иногда отдыхать.

Мисс Кейтон опустила газету и осуждающе качнула головой, но не сказала ничего, кроме:

— Буду ждать вас завтра, мистер Сандерс.

Жаль, не оценила иронии. А я ведь уже не в первый раз собираюсь её от дьяволов спасти...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Выполнить задание, которое я сам себе поставил в гостиной мисс Кейтон, не составило никакого труда, хотя дело отняло у меня пару часов и изрядно нагнало скуки. Всё как обычно: явился, поговорил, намекнул. Имени осведомителя редактор, правда, мне так и не назвал, однако — случайно или нет — обмолвился о "еёвысоком положении". Из этой оговорки вкупе с весьма узким списком подозреваемых следовал простой и однозначный, хотя и немного удививший меня вывод: Глэдис.

Что двигало моей недавней клиенткой, когда она публично обличала падчерицу в играх с дьяволом, я не мог себе представить. Однако это было уже не моего ума дело: был вопрос — я дал на него ответ. Просто и чётко, как всегда.

Вечер у меня выдался свободный: ещё днём я обговорил с остывшей немного Глэдис

детали дальнейшего сотрудничества, и мы оба пришли к выводу, что с поисками в их доме придётся немного повременить. Во-первых, глупо бросаться в пекло: застукают с поличным — достаться вполне может обоим. Ну а во-вторых, когда утром я покидал особняк Кейтонов, я имел несчастье нарваться на хозяина дома. Завидев меня, Питер вновь, будто хамелеон, сменил несколько выразительных оттенков на лице, а затем — если исключить брань и угрозы — заявил, что, как ни старайся, я не найду то, что искал, в его доме. Иными словами, тайник у него запрятан где-то ещё. И нет смысла переворачивать вверх дном библиотеку ради несуществующего сейфа.

Очевидно, именно последний факт заставил-таки Глэдис в конечном счёте сменить гнев на милость и решить, что мой прокол — хотя мой ли?.. — пошёл только на пользу делу, сэкономив нам несколько дней заведомо бесполезных поисков.

Так или иначе, вечер я решил провести дома — ради разнообразия. Однако не успели мы с Акко как следует насладиться притаранным из ближайшего кабачка ужином, как тяжёлый стук в дверь вновь нарушил наше заветное уединение.

— Может, не открывать? — обречённо устался я на кшахара.

Тот, наверное, пожал бы плечами, если бы мог, а так — просто равнодушно повёл носом.

Я вздохнул и, отложив кусок чудесной запечённой свинины, вытер руки о старое полотенце.

— Чур, к моей порции не прикасаться, — пригрозил я Акко, оборачиваясь на пороге.

Он, уже вытянувший шею и с интересом разглядывавший мою тарелку, невинно оскалился.

Стук нетерпеливо повторился, и я, пробормотав что-то себе под нос, отправился открывать позднему посетителю. Я ожидал увидеть кого угодно, но, распахнув дверь, на миг растерялся.

— Мисс Кейтон?..

Она невозмутимо улыбнулась, делая уверенный шаг внутрь.

— Позвольте? — спросила запоздало и исключительно для проформы.

— Конечно, прошу. Что-то случилось?

Она обольстительно улыбнулась мне, сбрасывая капюшон, и тут меня осенило.

— Мисс *Аннабель* Кейтон.

— Разумеется, — ответила она и, не дожидаясь приглашения, прошествовала в тёмный кабинет.

Я проводил её скептическим взглядом, потом снял со стены фонарь и поспешил следом. Лишь запалив лампу и усевшись в кресло, я повторил свой вопрос:

— Что привело вас ко мне?

— У меня есть для вас новое дело.

— Хм, — неопределённо откликнулся я, словно бы призывая её продолжать, но уже на ходу придумывая, как бы отвертеться от нежеланной клиентки. Работать на Орден Говорящих? Нет уж, увольте.

Она улыбнулась, будто читая мои мысли.

— Я хорошо заплачу вам, мистер Сандерс.

— В чём суть дела? — спросил я, впрочем, не убеждённый её аргументом.

— Моя сестра придёт к вам сегодня и попросит помочь ей бежать.

Я изогнул брови в удивлении.

— Откуда такая уверенность?

— Ей пришло одно очень неприятное письмо.

— И вы хотите, чтобы я не соглашался на её просьбу?

— О, напротив, мистер Сандерс. Я хочу, чтобы вы согласились. Чтобы вы сопроводили её куда угодно, сколь угодно далеко и затем сообщили мне о вашем местонахождении. Мне нужно, чтобы вы оставались в указанном месте до ближайшего полнолуния, которое состоится через полторы недели.

Я решительно качнул головой.

— Прошу прощения, мисс Энн, но это контрделка. Я не веду дела подобным образом.

— Зовите меня леди Аннабель, — повелела она. — И это не контрделка, мистер Сандерс. Вы заключаете сделку со мной. Я прошу вас сопроводить мою сестру, которая почти наверняка на этот раз обратится к вам за помощью.

— И выдать её вам, зная, что именно от вас она пытается скрыться? Нет, мисс... леди Аннабель. Не в моих правилах подставлять под удар собственных клиентов.

Девушка криво улыбнулась.

— А мне говорили, будто вас не интересует моральная сторона ваших заказов.

— Она меня и не интересует, — невозмутимо подтвердил я. — Но это не вопрос морали. Дело в моей репутации. Как, по-вашему, я стану заключать контракты в будущем, если поплывёт слух, что я играю одновременно на две стороны?

— Никаких слухов не будет, я гарантирую. Как только моя сестра пройдёт необходимый ритуал, она сама будет благодарить вас за то, что вы поступили таким образом. Её нынешнее состояние опасно для неё, хотя сейчас она, вероятно, ещё не понимает этого. Я пытаюсь спасти её, — тон Аннабель вдруг резко смягчился, губы изогнулись в мягкой улыбке. — Я не абсолютное зло, мистер Сандерс, хотя Аманда, вероятно, убедила вас именно в этом.

— Мы не говорили о вас, — холодно откликнулся я. — Вы стремились сохранить инкогнито, а я не люблю знать о клиентах больше, чем мне положено. И сейчас мне совершенно всё равно, чего вы хотите от своей сестры: спасти её или заманить в ловушку к сектантам. Я говорю вам нет, потому что то, чего вы просите, противоречит моим личным правилам безопасного существования.

Взгляд леди Аннабель моментально сменился с мягкого на ледяной и опасный. Она подалась ко мне через стол и, приблизив лицо, прошипела:

— Мне плевать на твои правила. Аманда придёт к тебе, и ты сделаешь так, как я тебе скажу. Иначе, поверь, твоё существование вмиг перестанет быть безопасным.

Я безбоязненно изогнул брови и рассмеялся.

— О, в самом деле? И что же вы сделаете, уважаемая леди Аннабель? Вы можете быть важной шишкой у себя в Ордене, дорогая, но не вам угрожать мне. Поверьте.

Аннабель недобро улыбнулась.

— Посмотрим, мистер Сандерс.

Я выпроводил её за дверь спустя минут пять, так и не поддавшись ни на её уговоры, ни на бессмысленные угрозы.

А двумя часами позднее, когда я уже сказал себе, что заносчивая девица ошиблась в своих предположениях, тишину нашего с Акко скромного жилища вновь потревожил стук в дверь.

Как только вы встанете на нашу точку зрения, мы с вами полностью согласимся.

Моше Даян

— Мисс Кейтон.

Она вошла, тревожно оглядываясь назад и сжимая пальцами ворот глубокого капюшона.

— Страшный у вас район, — сказала она тихо, когда я закрыл за нею дверь.

— В Виндсхилле любой район страшен для девушки в столь поздний час. Что привело вас ко мне?

— Мне нужна ваша помощь. Я хочу, чтобы вы помогли мне совершить побег.

"Вот дьяволица, эта Аннабель, — чертыхнулся я. — В хрустальный шар, что ли, глядела..."

— Это весьма неожиданно.

Мисс Кейтон вздохнула.

— Дядя узнал о газетной заметке. Сегодня вечером пришла телеграмма, в которой он требует моего немедленного прибытия в столицу под его опеку.

Я усмехнулся.

— Под опеку? Но у вас ведь есть отец.

— Да, однако он не граф Рейнервилль, — печально отозвалась мисс Кейтон. — А поскольку в газетёнке было задето дядюшкино имя, то теперь он имеет полное право наказать меня так, как пожелает. Посадить под домашний арест под своим надзором или, чего хуже, публично отправить на трёхмесячное воспитание в монастырь... — она подняла на меня огромные от отчаяния глаза. — Мне нельзя находиться в таком месте, на виду у всех. Орден доберётся до меня с лёгкостью. Через полторы недели полнолуние, мне нужно будет укрыться где-нибудь, где никто не сможет меня найти. Сама я, как выяснилось, не убегу далеко, и потому прошу вас о помощи.

Я вздохнул.

— Простите, но боюсь, что не смогу вам помочь, мисс Кейтон.

— Я заплачу, сколько скажете.

— Не сомневаюсь. Однако в Виндсхилле у меня есть несколько незавершённых дел, и я не могу просто бросить остальных своих клиентов ради нового заказа.

— Понимаю. Но я и сама не смогу уехать раньше воскресенья. У вас будет время завершить дела.

— Мне потребуется больше, — заверил я.

Мисс Кейтон печально сжала губы.

— Я не знаю, к кому ещё мне обратиться, — тихо сказала она. — Я не слишком часто попадаю в такие ситуации, чтобы знать людей вашего круга...

— Обратитесь к Чарльзу Нортону, — посоветовал я. Она удивлённо подняла глаза, и я,

улыбнувшись, продолжил: — Он, конечно, не из моего круга, как вы выражаетесь, но, в конце концов, он всегда был на вашей стороне.

— Возможно, вы правы. Что ж, — она вновь набросила капюшон и сделала шаг к двери. — Благодарю за то, что приняли меня, мистер Сандерс.

Я открыл перед нею дверь, и девушка, ступив за порог, невольно поёжилась. Время близилось к полуночи, а ей было идти через полгорода совершенно одной. И хотя обычно меня никогда не заботили столь мелочные проблемы моих клиентов, сейчас, представив себе это юное горемычное чудо в одиночестве посреди холодных и недружелюбных каменных улиц, я неожиданно сжалился.

— Эй, Акко! — кликнул я, и спустя миг сквозь перила лестницы свесилась сиявшая от удовольствия плоская морда. Я нахмурился: — Не думай, я ещё помню, что ты слопал-таки мою долю окорока.

Акко виновато шмыгнул носом, но получилось у него не слишком убедительно.

— В наказание тебе внеурочное поручение, — заявил я и оглянулся на внимательно застывшую у порога девушку. — Проводишь мисс Кейтон до дома.

Акко неопределённо фыркнул и тотчас исчез из виду. Мисс Кейтон с удивлением смотрела на меня.

— Благодарю, мистер Сандерс.

— О, не за что. Этому обжоре полезно будет размяться после чересчур сытного ужина, — последние слова я выделил с едким сарказмом, замечая, как крылатый друг лениво приземляется на дорогу перед входом. — Если хотите, он может вас и довести.

— Нет-нет, — быстро возразила мисс Кейтон и смущённо улыбнулась: — Не думаю, что сумею долететь верхом одна. Но мне будет гораздо спокойнее, если Акко будет сопровождать меня по небу. Ещё раз спасибо, мистер Сандерс. Это очень щедро с вашей стороны.

Я усмехнулся и кивнул в сторону кшахара, старательно изображавшего из себя лишённую интеллекта статую:

— Его благодарите.

Уснул я, так и не дождавшись возвращения Акко: пешком дорога до дома, вероятно, занимала у мисс Кейтон около часа. Снилось редкостная пакость: будто я варюсь в адском котле, а рядом прыгают дьяволята и подсыпают в суп из меня какие-то жуткие специи. От соприкосновения порошков с булькающей водой вокруг поднимаются клубы вонючего пара, и я задыхаюсь от жары и премерзких запахов...

Резкий толчок в плечо — и я просыпаюсь, с трудом понимая, где нахожусь.

Жарко, и запахи, как в том самом сновидении. Мне требуется несколько секунд, чтобы прийти в себя и понять, что это не сон.

Это — огонь, и он близко: едкий дым сочится в щель под дверью.

Акко встревоженно рычит на меня, мечась рядом и пытаясь вдолбить в мою сонную голову простую мысль: пора сматываться. Он не осёдлан, но седло где-то внизу и нет времени искать запасное. Я обхватываю руками его шею, растягиваясь плашмя по его длинному телу, и Акко ловким движением ныряет в распахнутое окно.

Спасены.

В отличие от нашего безнадёжно объятого огнём дома.

Мы приземлились на обочину на противоположной стороне дороги, чуть поодаль от нестерпимо жаркого зарева. Ещё чуть дальше толпилась взволнованная толпа соседей, кутавшихся в пальто и накидки поверх ночных сорочек и халатов.

— Да что же это делается!..

— Смотри, смотри, на второй перекидывается!..

— Дьявол... ну почему ветер в нашу сторону...

— Где пожарная карета?!..

Там, где стояли мы с Акко, было, мягко говоря, жарковато, но имелся один бесспорный плюс. Никто не решался подойти столь же близко и надавать мне по шее за очевидное: пожар начался именно у меня.

И коротенькая цепочка умозаключений привела меня в поистине неконтролируемую ярость.

— Леди Аннабель, — прошипел я сквозь зубы, и Акко, заслышав её имя, раздражённо зарычал.

Я нецензурно выругался, но легче не стало. Дом, деньги, кабинет с коллекцией важных улик против — подумать только — десятой части богачей в этом городе...

— Что же, мистер Сандерс, — внезапно раздался позади меня сладкий голос, заставивший волосы на теле подняться дыбом от злости. — По-прежнему будете утверждать, будто я ни на что не способна?..

Я резко обернулся. Леди Аннабель стояла в тени ближайшего проулка, позади неё виднелось ещё несколько силуэтов — четыре или пять, не разглядеть. Охрану с собой привела, маленькая стерва.

— Тварь, — прошипел я, делая разъярённый шаг к ней. — Мерзавка. Да ты понимаешь, что натворила?!

В руках у неё я вдруг заметил тоненькую папку, которую не мог не узнать. Одна из тех, в которые я скрупулёзно складывал бумаги и важные вещи в своём кабинете. Леди Аннабель лениво пролистнула её тонкими пальцами.

— Интересная у вас библиотека, мистер Сандерс. Столько пикантных подробностей чужих жизней... Вы коллекционер?

Исключительно прагматичный, подумал я, но вслух смог ответить только нецензурно. Леди Аннабель и ухом не повела, не заалела, как полагалось бы благородной девице. Впрочем, таковой она не являлась, в этом я уже ни капли не сомневался.

— Очень интересная коллекция, — повторила она со сладкой угрозой в голосе. — Очень полезная... и опасная. Что если часть этих сведений попадёт завтра в газеты? Или — чего хуже — в руки жандармерии?.. Как думаете, мистер Сандерс, кого обвинят в этом знающие люди?..

Я сжал зубы.

Меня, чёрт возьми. Разумеется, меня.

А это значит, конец всей репутации. Да что там, вполне возможно, конец моей драгоценной жизни.

Я вздохнул, тяжело и с обречённостью. Вот где, скажите, я так прокололся?.. Где сделал не тот шаг, чтобы оказаться на неправильной стороне жизни?..

— Дом могли бы и не палить, — тихо сказал я наконец. — Достаточно было бы этого

короткого и ясного внушения.

— Ну, нет, — улыбнулась (или оскалилась?..) Аннабель. — Короткое и ясное внушение я сделала, когда навещала вас этим вечером. Сейчас же, мистер Сандерс, это — угроза. Вы готовы исполнить мою просьбу или стоит продемонстрировать мои возможности ещё раз?

Я подавленно подтвердил, что готов.

— Вот и превосходно. И не пытайтесь обмануть меня. Если я не получу от вас весточки за пять дней до полнолуния, то какая-нибудь бумага из вашей чудесной подборки непременно увидит свет.

Шантаж. Маленький, подлый шантаж — тот метод, к которому я сам прибегал столь легко и часто. Но вот теперь шантажировали меня.

И это, скажу я вам, крайне неприятно.

На следующее же утро я отправился к мисс Кейтон, чтобы сообщить о своей готовности сопровождать её во время побега. Как объяснить ей столь резкую перемену своего настроения, я толком не думал, надеясь, что у неё достанет наивности поверить в мою совесть и бескорыстное сочувствие к ближнему. В конце концов, нужно признать, что с Чарльзом Нортоном шансов скрыться от Ордена у неё было немного.

Однако вопрос моих логических умозаключений, похоже, не волновал мисс Кейтон совсем.

— Это превосходно, мистер Сандерс, — задумчиво отозвалась она, когда я изложил ей причину своего визита. Лицо её при этом оставалось тревожным и отрешённым.

Я даже почувствовал себя уязвлённым: не она ли это вчера убеждала меня, будто моя помощь станет для неё манной небесной? И где же теперь её благодарность?

— Я видела опровержение в сегодняшней газете, — сказала тем временем мисс Кейтон, поднимая на меня глаза. — Благодарю вас, мистер Сандерс, вы сделали всё, как обещали.

— Это принцип моей работы, — с деланным равнодушием пожал плечами я. — И, да, насчёт вашего другого вопроса. Газетчик не назвал мне имени, однако по косвенным признакам я пришёл к выводу, что осведомителем репортёра, вероятнее всего, была ваша мачеха.

Мисс Кейтон скривила губы.

— Что ж, не удивлена. Поразмышляв на свежую голову, я и сама уже почти не сомневалась, что это могла быть только она. Простите, что подумала на вас вначале.

— Я... да, конечно. Разумеется, — откликнулся я немного ошарашенно.

Как бы там ни было, непривычно человеку моего уровня принимать извинения от благородной девицы. Я свыкся с тем, что люди её круга ненавидят меня и боятся — иронично, но это даже не зависит оттого, на какой стороне они оказываются в моём деле. Я знаю о них больше, чем им хотелось бы — и они ненавидят, и страшатся, и стараются изо всех сил скрыть это за надменным презрением.

Про мисс Кейтон я, вероятно, сейчас знал куда больше, чем любой другой человек в городе — и тем не менее я не чувствовал ни ненависти, ни презрения в её ко мне отношении. Не знаю, чем это было вызвано: признаюсь, соображения, наполнявшие её белокурую головку, для меня были покрыты сплошным мраком.

Мисс Кейтон тем временем улыбнулась уголками губ.

— Благодарю, мистер Сандерс. Полагаю, свои две сотни вы честно заработали, — она

поколебалась немного, потом всё же добавила: — Как вы смотрите на то, чтобы оказать мне ещё одну небольшую услугу?

Я льстиво улыбнулся.

— Разумеется, мисс Кейтон. Для вас — всё что угодно.

"По крайней мере, до тех пор, пока ваша дьяволица-сестра не отвяжется от меня", — добавил я мысленно.

Мисс Кейтон вздохнула и перевела взгляд куда-то в окно.

— У меня возникла небольшая проблема с моим женихом, лордом Уимбли, — проговорила она тихо, и я едва скрыл ухмылку: ну вот тебе, докатился, брат, до должности амура. Однако, как оказалось, мисс Кейтон имела в виду совсем другое. — В эту субботу у нас планируется приём, на котором мы должны были объявить о нашей помолвке, — она наконец прямо посмотрела на меня. — Лорд Уимбли был у меня вчера вечером и выразил своё крайнее разочарование моим поведением. Доказательства тому, что я действительно принимала участие в сомнительном ритуале, на лицо, — она слегка подняла руки, демонстрируя повязки на запястьях, кое-как скрытые привычными кружевными перчатками. — Кроме того, так и не повстречав в доме мою сестру, лорд Уимбли догадался, кого именно видел в злополучном поезде в совершенно непристойном виде. Он оказался достаточно благороден, чтобы не поднимать из этого шумиху и не втапывать в грязь мою и без того сомнительную репутацию, однако к помолвке в таких обстоятельствах он, разумеется, не готов.

— Что ж, это, вероятно, неплохо, учитывая, что вы и сами не слишком желали её, не так ли?

Мисс Кейтон скривила губы.

— Неплохо, если бы не то, что приглашения на приём по поручению отца были разосланы ещё две недели назад. Лорд Уимбли не желает оставаться в Виндсхилле до субботы лишь ради того, чтобы сообщить толпе незнакомых ему людей о том, что он *не собирает*ся мне жениться. Приём придётся отменить, все уже понесённые расходы окажутся пустой тратой денег, да и репутация отца снова пострадает, хотя, казалось бы, куда больше. В общем, мистер Сандерс, мне необходимо, чтобы вы уговорили лорда Уимбли остаться в городе до субботы. Он, вероятно, уже видел опровержение вчерашней статьи, и я надеюсь, его настрой несколько смягчился после этого.

— Почему вы решили, что я подхожу для этого разговора? — я и впрямь был немного удивлён. Всё же какой из меня посланник от благородной дамы к титулованному лорду?.. Были бы здесь замешаны какие-нибудь грязные делишки, я ещё смог бы всё уладить, но — просто поговорить, когда на этого лорда Уимбли у меня и сведений-то никаких?..

Мисс Кейтон улыбнулась.

— Вы ведь смогли убедить его в поезде, что ситуация не стоит его внимания. И с редактором газеты вопрос решили весьма успешно. Мне кажется, мистер Сандерс, при должном рвении вы способны уговорить кого угодно.

Я усмехнулся.

— Вы чересчур высокого мнения обо мне, мисс Кейтон.

Она не ответила, лишь неопределённо улыбнувшись.

— Так вы согласны?

— Пожалуй, — кивнул я медленно. — Думаю, сумма в тридцать норингов будет разумной платой за подобную услугу?

— Вполне, — ответила мисс Кейтон. — Благодарю вас.

— Пока не за что.

Сговорившись на этом, мы расстались, и я, прикупив по дороге газетёнку с занимавшим половину первой полосы опровержением, отправился по адресу, который дала мне мисс Кейтон.

Будь красивой, если можешь, будь скромной, если хочешь, но говорить о тебе должны хорошо.

Пьер де Бомарше

— Могу я видеть лорда Уимбли?

Портье за гостиничной стойкой с сомнением уставился на меня.

— Вам назначено?

— Нет, но я уверен, что он примет меня. Скажите, что я от мисс Кейтон.

Портье кивнул и потянулся к новомодному аппарату, стоявшему у него на столе.

— Четыреста двадцать девятый, — сказал он в трубку и замолчал ненадолго, ожидая соединения.

Я с подлинным интересом наблюдал за происходившим. Такие аппараты мне приходилось видеть нечасто: хотя этому недавнему изобретению прочили поистине великое будущее, пока что их установку могли себе позволить только богатые дома или вот такие пафосные заведения вроде лучшего отеля города.

— Лорд Уимбли? — между тем оживился портье. — Сэр, к вам посетитель. От мисс Кейтон, — спустя пару секунд парень кивнул мне, показывая, что меня действительно примут. — Да, сэр... Да, сэр. Разумеется, мы послали в прачечную, однако, к моему сожалению, они уже направили ваш заказ в обработку. Иначе говоря, костюм сейчас находится в виде, непригодном для возврата... Да, сэр, я понимаю, что вы отбываете вечером, — портье вскользь поймал мой взор, и я сочувственно ему улыбнулся. — Однако, прошу вас, не волнуйтесь. В случае, если костюм не успеют привести в порядок до вашего отъезда, мы возьмём на себя все расходы по его доставке в указанное вами место...

Спустя ещё минуту он наконец облегчённо положил трубку.

— Лорд Уимбли примет вас, — сказал он мне. — Четвёртый этаж. Номер четыреста двадцать девять.

Номер оказался шикарной квартирой, состоявшей как минимум из трёх комнат, а может и больше — мне не удалось увидеть. Вид на центральную площадь города, дорогая мебель, пушистые ковры на полу. В общем, почувствуйте себя как дома, даже лучше — мне, например, такого комфорта в жизни не снилось. Впрочем, я и не наследник графства Уимбли, конечно.

Молодой светловолосый мужчина в очках, распахнувший передо мной дверь, тем временем немного ошарашенно уставился на меня, и я запоздало изобразил вежливый кивок.

— Доброе утро, лорд Уимбли. Меня зовут Майкл Саунд. Не имел чести представиться вам в нашу первую встречу, за что искренне прошу прощения.

Он лишь кивнул в ответ, пропуская меня внутрь:

— Не стоит. Признаюсь, не ожидал увидеть вас здесь, мистер Саунд. Что привело вас ко мне?

— Скромная просьба вашей несостоявшейся невесты, сэр, — ответил я, принимая его предложение присесть. Кресло оказалось не только дорогим на вид, но ещё и чертовски удобным.

Уимбли нахмурился.

— Мне казалось, мы с мисс Кейтон всё достаточно хорошо обсудили. Я не имею намерений порочить её репутацию своими бездоказательными подозрениями, хотя, если честно, сомнений насчёт того, кого на самом деле вы сопровождали тогда, у меня нет. Однако я не из тех людей, кто получает удовольствие, втапывая в грязь других, поэтому мисс Кейтон не о чем беспокоиться.

— Мисс Кейтон ни на секунду не сомневалась в данном вами обещании, — заверил его я. — Однако ваш отъезд ставит её в весьма неловкую ситуацию...

— Ах, это, — устало усмехнулся Уимбли. — Что ж, мистер Саунд, боюсь, что разочарую вас, но в этом вопросе менять решения я не намерен. Я отбываю в столицу сегодня вечером. Что до того злополучного приёма... боюсь, мисс Кейтон придётся решать эту маленькую проблему самой. В конце концов, должна же она вынести хоть какой-нибудь урок из всей этой ситуации? Девушкам её положения не стоит с таким упорством впутывать себя в неблагоприятные истории вроде побегов из дома или попыток воспользоваться услугами уличных шарлатанок.

— Но вы ведь понимаете, что после шумихи в прессе ваш отъезд крайне унизит её в глазах общества?

— А моё дальнейшее пребывание здесь унизит меня, — твёрдо ответил Уимбли.

Я мог бы поспорить с этой его точкой зрения, но в этот момент он повёл рукой, пресекая мои дальнейшие увещания.

— Не считите за невежливость, мистер Саунд, но вам не стоит зря тратить время. Я принял своё решение и не намерен менять его, равно как и оправдывать перед кем-либо.

Да, это я уже и сам понял. Что ж... на нет и суда нет, лорд Уимбли. Тем более, что у меня в голове, кажется, зародился новый план по спасению мисс Кейтон.

— Вы уже были представлены кому-то из её знакомых? — спросил я вместо новой порции аргументов, и Уимбли отрицательно качнул головой, по-своему понимая мой интерес.

— Нет. В основном я наносил мисс Кейтон домашние визиты, во время которых ни с кем не пересекался. На публике мы появились вместе всего один раз, во время прогулки в парке в сопровождении её отца. Тогда мы встретили несколько человек, однако меня, разумеется, представляли просто как гостя из столицы, а не её будущего жениха.

— Что ж, это немного смягчает ситуацию, — согласился я. — Я уверен, что мистер Кейтон не распространялся о том, что именно ваша помолвка станет главным событием ужина, а стало быть, ещё можно будет найти выход.

— Не сомневаюсь в этом, мистер Саунд, — Уимбли улыбнулся, поднимаясь и давая понять, что разговор окончен.

Спустившись в холл, я подошёл к стойке, и портье, заметив меня, профессионально улыбнулся.

— Могу я вам чем-то помочь, сэр?

— Да, — я небрежно опустил локти на стойку. — Не подскажете, как добраться до Шэрринг-стрит?

— Разумеется, — портье склонился, вытягивая откуда-то потрёпанную карту. — Сейчас

посмотрим... Да, вот она, сэр. Выходите на площадь, поворачиваете налево...

Я устроился поудобнее, будто следя за его объяснением, и ненавязчивым движением сунул под карту с его стороны несколько сложенных купюр. Портье осёкся и растерянно взглянул на меня.

— Что это?..

— Вознаграждение за маленькую услугу, — тихо ответил я, всё ещё дружелюбно улыбаясь. — Лорд Уимбли покинет ваш отель сегодня вечером, однако я попрошу вас не распространять эту информацию до воскресенья. Сомневаюсь, что кто-нибудь станет искать его, однако если это всё же случится, отвечайте, что его просто нет в номере. Сделаете?

Портье с сомнением кинул взгляд на карту, потом посмотрел обратно на меня.

— Хорошо.

— Вот и отлично. Благодарю вас.

На этой замечательной ноте я покинул отель и отправился обратно к мисс Кейтон.

— Что значит, "всё равно никто не знает о помолвке", мистер Сандерс??. — взволнованно ломала руки белокурая девушка, расхаживая передо мной из стороны в сторону. — Да неужели вы думаете, что наши ушлые сплетницы ещё не сумели сложить два и два? Нас видели вместе. Да и мой отец, не сомневаюсь, успел похвастаться кому-нибудь, что выхлопотал мне такую превосходную партию... Хотя наверняка в этом не обошлось без дяди Самюэля, но с отца станется присвоить все заслуги себе. Нет, мистер Сандерс, отвечая на ваш вопрос: мне не всё равно, будет ли лорд Уимбли присутствовать на приёме. Мы не скажем ни слова о помолвке, разумеется, и тогда все сплетницы просто останутся в замешательстве, но если он не появится на ужине... боюсь представить, что будет. Они просто уничтожат меня потом. Но вы так и не сказали: что же он ответил вам?

— Что приедет, разумеется, — откликнулся я, и мисс Кейтон облегчённо выдохнула.

— Слава богам! Зачем же вы тогда заставили меня так нервничать?

"Надеялся на более простое решение", — подумал я, но не сказал этого вслух.

От мисс Кейтон я направился напрямик в прачечную "Белый лебедь": название её и даже адрес мне услужливо сообщила горничная в коридоре отеля за пару монет.

— Чем могу помочь? — женщина средних лет оторвалась от чтения газеты — кстати, той самой, на первой полосе которой красовалось вытребованное мной вчера опровержение.

— Я по поводу костюма лорда Уимбли, — сказал я и тотчас заметил, как нервно опустились уголки её губ. — Нет-нет, не волнуйтесь, предъявлять претензий не собираюсь. Мне поручили сообщить вам, что доставить заказ нужно будет в новое место: клиент съезжает сегодня вечером, и отель обязался отправить курьера с костюмом ему вдогонку... Впрочем, неважно, думаю, вам неинтересны все эти подробности, — криво улыбнулся я. Протянул бумажку и ткнул пальцем. — Вот здесь адрес. Курьера зовут Майкл Саунд, пакет нужно будет оставить на его имя. Передадите?

— Разумеется, — закивала женщина.

— Благодарю.

После этого я с чистой совестью отправился в таверну, где запасся обедом для себя и Акко, а затем и в третьесортную гостиницу, в которой снял для нас номер на ближайшую пару дней: в нашей квартирке после пожара стоял такой запах гари, что ночевать там было решительно невозможно.

Акко обрадовался мне, как родному; впрочем, я подозревал, что родным в ту секунду он считал вовсе не меня, а аппетитно пахнувший свёрток у меня в руках. Брошенную мной порцию кшахар поймал на лету и едва не сжевал вместе с бумагой. Я ухмыльнулся. Нет, конечно, Акко иногда охотился по ночам на всякое бездомное зверьё, и тем не менее человеческая еда, кажется, прельщала его куда сильнее, чем, пусть и свежее, но отдающее грязной шерстью мясо.

— Ешь, ешь, — ласково потрепал его я, помогая развернуть тёплое ещё телячье рагу с картофелем. — Сегодня вечером у нас намечается ещё одна нехитрая работёнка.

Акко вопросительно поднял морду, и я пояснил:

— Полетим на вокзал. Нужно добыть фотографию этого лорда Уимбли.

Со снимком проблем не возникло: на руку мне сыграла столь любимая мной разница в освещении, уже сотни раз успешно скрывавшая меня от посторонних взглядов. Я сделал несколько кадров, повисая в темноте за окном, пока лорд Уимбли, сидевший всего в нескольких шагах от меня на обитой бархатом софе представительской ложи, рассеянно листал журнал, предложенный местным официантом.

Костюм его мне доставили следующим же утром, и я, тщательно изучив посылку, довольно улыбнулся. Полный комплект, включая крайне дорогую рубашку и даже платок с вензелями графства Уимбли.

Что ж, превосходно.

Кажется, суббота обещала быть отчаянно весёлой.

Ауффенберга я не читал. Полагаю, что он напоминает Арленкура, которого я тоже не читал.

Генрих Гейне

Я стоял перед большим зеркалом и, будто девчонка, тщательно и критично оглядывал себя. Дорогой костюм. Светлые волосы с двумя бордовыми прядями по бокам — пришлось безнадежно испортить один недешёвый парик из своих запасов. Локонь тщательно зализаны назад, как и полагается в высшем обществе. Нещадно выбеленные пероксидом ресницы, накладные брови, тоненькие белобрысые усики, слегка подрихтованная гримом форма губ и очки, очень похожие на те, что я видел у самого лорда Уимбли.

Подобие, разумеется, было неидеальным, но вполне достаточным. Мы оказались схожего роста и комплекции, костюм лорда Уимбли был лишь немного велик мне в плечах. Признать во мне Эджа Сандерса могли лишь люди, общавшиеся со мной довольно близко и недавно, увидеть же лорда Уимбли вполне мог каждый, кто ожидал встретить на ужине именно его. Вообще, я уже давно заметил, что люди способны не обнаружить даже вполне очевидного подвоха, если не готовы к его появлению.

— Ну что, Акко, узнаёшь? — ухмыльнулся я ему в отражении и поправил платок во внешнем кармашке, демонстративно выправляя наружу вензель.

Акко фыркнул и, не уделяя мне должного внимания, увлечённо вернулся к своей корзинке с печеньем.

— Ну, вот так всегда, — пожаловался я. — Почему, пока ты халтуришь, мне достаётся самая тяжёлая работа?

Акко пренебрежительно скосил на меня жёлтые глаза, всем своим видом показывая, что он думал о предстоящей мне "тяжёлой работе". Я тут же повеселел.

— Ну да, ужин у меня сегодня будет лучше твоего, приятель.

С этим, восстановив справедливость, я спустился вниз и, лишь ступив за порог, зябко поёжился от пронизывающего ветра. Плаща, достойного графского отпрыска, у меня, разумеется, не было, и, чтобы не нарушить маскировки, пришлось обойтись вовсе без него. Что ж, вполне можно предположить, что лорду Уимбли карету подали к самому входу, и такой ненужной вещью как плащ он просто не озаботился. Или же он — тайный любитель экстремально закаляться. Маловероятно, конечно, но кто знает, что у богачей на уме?

Спустя полчаса кэб подвёз меня к самому входу особняка Кейтонов. Надо отдать должное моему маскарду: лакей на входе ни разу не усомнился в моей личности.

— Лорд Уимбли! — объявил он куда-то в сторону, и спустя миг к порогу подскочил дворецкий.

— Добрый вечер, сэр! Добро пожаловать. Позвольте ваше... — он осёкся, замечая, что верхней одежды не было ни на мне, ни у меня в руках, и коротко скосился на лакея, однако

тут же вернул себе невозмутимый вид и жестом указал на распахнутые двери гостиной. — Прощу вас, следуйте за мной, сэръ.

Народу в гостиной уже собралось немало, человек двадцать, и, обычно просторная, теперь она казалась мне донельзя переполненной и душной. Как только дворецкий звучно представил меня публике, хор голосов разом затих, и все принялись коситься то на меня, то в сторону дальнего окна. Я проследил за взорами, чтобы вполне ожидаемо увидеть там мисс Кейтон, — и растерянно застыл, будто ноги мои безнадежно вросли в лакированные доски паркета.

Она стояла вполоборота ко мне и, устремив в мою сторону лучистый взор, улыбалась радушной и гостеприимной улыбкой, в которой, впрочем, даже со своего места я мог прочесть явное облегчение. На ней было простое и элегантное кремовое платье; плотные белые перчатки длиной чуть выше локтя надёжно скрывали пугающие отметины на руках. Золотистые локоны были аккуратно убраны неброскими, но явно драгоценными заколками, на груди поблёскивало изящное кольцо.

Вроде бы ничего особенного, но с момента нашего знакомства я ещё ни разу не видел её столь женственной и... хорошенькой. Да, именно так: похоже, даже несмотря на несостоявшуюся помолвку, к приходу лорда Уимбли мисс Кейтон прихорашивалась основательно и долго.

Она направилась ко мне сквозь разряженную, благоухавшую и блиставшую драгоценностями толпу, и я на какой-то миг почувствовал себя крайне неуместным здесь, будто петух, забравшийся в вольер к надменным павлинам. Я никогда не стремился в это общество богатых лжецов и лицемеров, я всегда презирал их. Но в этот миг, когда мисс Кейтон шла ко мне под прицелом десятков взоров, двигаясь в наэлектризованном воздухе так естественно и мягко, мысли мои вдруг приняли совершенно необъяснимый и глупый оборот. Я подумал, что было бы, родился я одним из них?.. Вырасти я таким же холёным и развращённым, не ведающим счёта деньгам, привыкшим к поклонению и раболепству окружающих?.. Что если бы этот взор в её глазах, светлый, исполненный благодарности и надежды, сейчас в самом деле предназначался бы мне?..

Наваждению этому, разумеется, не суждено было продлиться дольше нескольких секунд. Мисс Кейтон приблизилась и осознала, кто стоял перед ней, и улыбка её в один миг сменилась выражением страха и растерянности.

Я улыбнулся ей и, поймав её руку, поцеловал пальцы, затянутые в белый шёлк.

— Добрый вечер, мисс Кейтон, — я постарался произнести это успокаивающе; впрочем, она, казалось, и сама уже успела восстановить утраченное на миг самообладание.

— Счастлива видеть вас, лорд Уимбли, — отчеканила она, прямо-таки сжигая меня взором.

Очевидно, приличия не позволили ей прямо сейчас выволочь меня за двери и растерзать в коридоре, так что вместо этого она проводила меня в зал, представляя гостям и немного напряжённо обмениваясь с ними любезностями. Я время от времени тоже вставлял словечко-другое.

Всё светское общество держится на куче условностей и приличий, и сойти в нём за своего легче лёгкого — главное знать правила игры. Никто не смел задавать мне серьёзных вопросов, никто не интересовался ни моей жизнью, ни даже делами графства Уимбли — по их мнению, такие вопросы явно были бестактными для первого знакомства. Всё ограничивалось бессмысленным обмусоливанием никому не интересных тем вроде погоды,

нейтральных новостей и искусства. В последнем я, признаюсь, был совсем не силен, однако и здесь у меня была своя хитрость, которой я не преминул воспользоваться, когда возникла необходимость.

— Как вы находите последнюю работу Альфреда Джарольдиньо, лорд Уимбли? — обратилась ко мне пожилая дама с невероятной конструкцией из кудрей и перьев на голове, улыбаясь какой-то невыносимо широкой улыбкой игрушечного болванчика.

Последнюю работу, сказала она. Вот ведь зараза. Хоть бы намекнула, кто этот Джарольдиньо — поэт или, может, художник...

— О, я полагаю, что все его работы достойны восхищения, — с важностью заявил я, так и не припомнив ничего, связанного с этой фамилией. — Его мастерство поражает впечатление и заставляет задуматься о сущности бытия.

Так-то. Будь это писака или художник, подобная галиматья вполне подойдёт, чтобы охарактеризовать любого.

Однако, если это так, то почему несчастная старушенция внезапно взирает на меня, как на пришельца с другой планеты, а мисс Кейтон рядом прячет глаза, изо всех сил стараясь скрыть рвущуюся наружу улыбку?..

Обдумать сей факт я не успел, поскольку именно в этот момент гостей пригласили в столовую. Я вознамерился было двинуться в указанном направлении вместе с толпой, однако мисс Кейтон поймала меня за локоть и прошипела:

— А ну стойте где стоите.

— Вам невыгодно убивать меня, пока ужин не закончится, — так же тихо ответил я, склоняясь чуть ближе к ней. Мисс Кейтон промолчала, но я заметил, как лицо её немного смягчилось в тщательно скрываемой улыбке.

Как только гостиная опустела, она кивком велела лакею прикрыть двери и тотчас воззрилась на меня с выражением праведного гнева.

— Ну и что всё это значит, мистер Сандерс? Вы в своём уме?

— Вполне, — ответил я с довольной улыбкой. — Я ведь обещал вам, что лорд Уимбли будет присутствовать на ужине, и вот он здесь.

— О, и давно у вас раздвоение личности? — не сдержалась она, но тут же взяла себя в руки. — Это безумие, мистер Сандерс. Что если вас кто-нибудь узнает?

— Даже если узнает, побоится сказать об этом, не сомневайтесь. Впрочем, это очень маловероятно. Моих клиентов среди ваших гостей немного, да и те весьма давние. А лорда Уимбли из присутствующих вблизи почти никто и не видел.

— Пусть так. Но вы вполне можете выдать себя какой-нибудь мелочью.

— Пока ведь не выдал, — беспечно пожал плечами я. — Если не считать этого Альфонса Джарольдиньо, конечно.

— Альфреда, — поправила меня мисс Кейтон, и губы её против воли снова растянулись в улыбке. — Вы в самом деле не знаете, кто это?

Я снова повёл плечами.

— Не слишком интересуюсь искусством.

Мисс Кейтон неопределённо хмыкнула, вроде бы и принимая последнюю реплику, но явно не разделяя моей точки зрения. Что ж, оно понятно: для благородной девицы, у которой вся жизнь сплошной досуг, искусство — всего лишь один из способов чем-нибудь занять себя. А мне, извините, не до того. Мне на пропитание зарабатывать нужно.

— Так что с ним не так? — всё же уточнил я из любопытства.

— Он эпатажный художник. Прославился тем, что создаёт свои картины не вполне привычными способами.

— Какими же? — заинтересовался я.

— При помощи собственного тела, — ответила она, и, видя, что окончательно поставила меня в тупик, пояснила: — Самое безобидное, что я слышала — как он набирал краски в рот и плевал ими в полотно с расстояния полуметра.

— Гадость какая! — вырвалось у меня.

— Что касается последней картины, — судя по лукавому взгляду, мисс Кейтон решила добить меня окончательно, — на ней он в хаотичном порядке изобразил отпечатки различных частей своего тела. В том числе, не самых приличных. Так что ваше высказывание о мастерстве и сущности бытия... — она вдруг хихикнула, совсем как девчонка, и рассмеялась коротко, но от души. — Ладно, мистер Сандерс. Пойдёмте. Гости ждут нас, а если мы задержимся ещё немного, они начнут полагать, будто мы сейчас выступим перед ними с речью о помолвке.

— Может, мне и впрямь стоит произнести её? — вкрадчиво уточнил я.

Мисс Кейтон одарила меня крайне осуждающим взглядом.

— Не вздумайте.

— Шучу, шучу, — успокоил её я.

И мы отправились на долгожданный — по крайней мере, для меня — ужин.

Накормили меня восхитительно; мне даже показалось, что готовились они к приезду не графа, а, как минимум, одного из богов. В первое время у меня, непривычного ко всем этим высокосветским застольям, возникла ожидаемая проблема с арсеналом столовых приборов, разложенных вокруг тарелки и блестящих угрожающе, будто инструменты хирурга. Однако мне, разумеется, было достаточно с прилежностью повторять выбор за остальными, чтобы не вызвать недоумённых взглядов, чем я вполне успешно и занимался. Как я уже говорил, все эти аристократические манеры и условности яйца выеденного не стоят.

К концу ужина даже мисс Кейтон окончательно расслабилась, сознавая, что моя клоунада не подверглась разоблачению. За вечер никто из приглашённых так и не узнал меня, и даже из четы Кейтонов достаточно проницательным, к моему удивлению, оказался лишь Питер. Впрочем, обнаруживать оскорбительную подмену на глазах у десятков приглашённых им гостей он, разумеется, не стал и, как мог, фальшиво улыбался мне в течение всего вечера. Наблюдать за его потугами, признаюсь, было весьма и весьма забавно.

О помолвке мы, разумеется, не говорили, и гости, явно ожидавшие этого, к десерту уже находились в откровенном замешательстве, однако поднять тему никто не осмелился. Так ничем всё и закончилось, и во время прощаний с разъезжавшимися гостями в воздухе витали непонимание и туча невысказанных вопросов, на которые никто не собирался давать ответов.

Меня проводили одним из последних, когда в гостиной оставались уже только самые близкие — читай, самые назойливые — подруги непонятно кого из хозяев; среди них, кстати, была и та несчастная старушенция, чьё представление о современном искусстве я столь нещадно пошатнул сегодня.

Надо отдать должное, мисс Кейтон почувствовала момент как нельзя лучше: дамы невзначай принялись щебетать что-то о помолвках и замужествах знакомых им молодых

девиц, уже почти откровенно намекая на то, что неплохо бы и нам развеять все сомнения.

К выходу меня провожала только мисс Кейтон. В холле я остановился, не доходя десятка шагов до ожидавших нас лакеев, и, распорядившись подать кэб, обернулся к девушке. В её глазах мешались странные чувства: облегчение, усталость и в то же время почти неуловимые искорки озорства. Я улыбнулся: что ж, после всего напряжения этого вечера она всё же готова признать, что её позабавил устроенный мною театр.

Я нашёл её руку и учтиво поцеловал пальцы.

— Благодарю за вечер, мисс Кейтон. Я чудесно провёл время.

— Рада, что вам понравилось, — сарказма в её голосе совсем чуть-чуть, но я всё же способен уловить его.

С улыбкой я склонился чуть ближе к ней и прошептал едва слышно:

— Буду ждать вас в библиотеке после полуночи. Приходите.

Мисс Кейтон изогнула брови и ответила так же тихо и немного кокетливо:

— Это свидание?

Потом, видимо, собственная ирония показалась ей неуместной, и она приняла чересчур серьёзный, почти ханжеский вид.

— Конечно, буду, — и уже громче добавила: — Желаю вам хорошо добраться, лорд Уимбли.

Лакей, заметив, что мы окончили разговор, с готовностью сообщил, что кэб подан. Я прошёл к ступеням и ещё раз оглянулся на мисс Кейтон. Она стояла поодаль и провожала меня взглядом — ровным, нечитаемым. Я улыбнулся ей уголками губ и, развернувшись, вышел в холодную и такую привычную мне темноту ночи.

— ...И всё же, это было безумием, мистер Сандерс, — в очередной раз попыталась пристыдить меня мисс Кейтон, когда мы встретились в библиотеке, как и было условлено.

Я — уже снова в своём собственном облике — пожал плечами.

— Не понимаю, что вас не устроило, мисс Кейтон. Вы и сами наверняка должны были понимать, что лорд Уимбли — человек упрямый и ничем вам не обязанный, и не в его интересах было идти вам навстречу с этим приёмом.

— Я это понимала, однако поверила вашим словам. А вы обманули меня и устроили этот опасный фарс, который, раскройся он, уничтожил бы и меня, и отца, да и дяде тоже бы досталось. А последний и без этого до крайности мною недоволен.

— Он всё ещё настаивает на вашем приезде в столицу?

— Несомненно. Я взяла отсрочку, объяснив это необходимостью присутствовать на приёме, однако завтра вечером он ждёт моего приезда.

— В таком случае, вам не стоит затягивать с побегом.

Мисс Кейтон серьёзно кивнула.

— Я знаю. У меня на руках билет до столицы на завтрашний вечер. Кое-кто из моих знакомых уже в курсе, что я на время отправляюсь к дяде. Однако я намерена сойти с поезда на несколько станций раньше, там встретиться с вами и скрыться в каком-нибудь другом направлении.

— Неплохой план, — оценил я, скрывая улыбку, — за исключением одного небольшого "но". Если кому-то известно, что вы покидаете Виндсхилл завтра вечером, то, я не сомневаюсь, это известно и Ордену.

Мисс Кейтон вздрогнула.

— И?..

— И они могут организовать слежку за вами, так, что все наши попытки скрыться окажутся бессмысленными. В побеге очень важным элементом является неожиданность: если преследователи не возьмут ваш след в самом начале, вероятность уйти от них существенно повысится.

Мисс Кейтон хмурилась.

— И что же вы предлагаете?

— Бежать сейчас.

Она качнула головой.

— Сейчас я не могу. На завтра назначено несколько визитов, и будет весьма странно, если я не появлюсь на них. После сегодняшнего ужина такой внезапный отъезд вызовет пересуды.

— Что для вас важнее, мисс Кейтон? Сплетни или безопасность вашей жизни? Вы можете оставить записку и попросить отца передать вашим знакомым, что вам нездоровится. Так или иначе, ваше отсутствие дома будет обнаружено Орденом весьма скоро, и всё, что мы можем — выгадать несколько часов. А если поедете завтра вечером, то я почти не сомневаюсь, что за вами увяжется весьма солидный хвост.

Зачем я уговаривал её, если знал, что Ордену в любом случае станет известно о её местонахождении от самого надёжного источника — от меня? Что ж, ответ прост. Я должен был убедить её в своей профессиональности. Для этого же, собственно, я устроил и весь этот спектакль с переодеванием в лорда Уимбли — ну, если не считать желания поразвлечься и бесплатно отведать аристократический ужин — я должен был показать ей, что способен на многое. В свете того, что мне предстояло удержать её на одном месте в течение нескольких дней перед самым полнолунием, я должен был укрепить её во мнении, что она может положиться на меня и безоговорочно мне доверять.

Мисс Кейтон закусила губу.

— Вероятно, вы правы, мистер Сандерс, — проговорила она наконец.

Конечно, я прав. Кто-то сомневался?

— Значит, бежим сегодня, — заключил я. — Возьмите только самое необходимое. Денег, сколько сумеете, только не кладите всё в одно место.

— Надеть мужской костюм? У меня остался.

— Нет, — отрезал я. — Что угодно, только не мужской. В нём вы на освещённую вывеску похожи.

Мисс Кейтон нахмурилась.

— Поняла.

— Платье, — продолжил я. — Неброское, не слишком дорогое, удобное.

— Могу взять что-нибудь из гардероба своей горничной.

— Нет, — опять возразил я устало. — Найдите что-нибудь из своего. За рабочую женщину вы не сойдёте в любом случае — слишком холёная. Привлечёте только больше внимания.

Она тревожно сцепила пальцы.

— Хорошо.

— Я буду ждать вас у чёрного хода через полтора часа, — сказал я.

И на этом мы ненадолго расстались.

То, что мы видим, зависит оттого, куда мы смотрим.

Л.М. Леонов

Мисс Кейтон появилась у калитки точно в назначенный мною срок. Из-под тёплого пальто её выглядывал подол тёмного платья, волосы прятались под широкополой шляпой, в руках были только небольшой саквояж и трость. Я изогнул бровь, оценивая размеры её багажа. Что ж, удивительно, но девушка, похоже, вняла моей рекомендации взять минимум поклажи. Даже мои пожитки выглядели объемнее.

— Готовы? Идёмте. Нет, постойте. Позвольте, я понесу.

Я не слишком привык ухаживать за дамами: в моём деле такая необходимость возникала нечасто. Мисс Кейтон, кажется, скрыла улыбку, наблюдая за моими джентельменскими усилиями.

— Мы с вами, помнится, ещё не обговорили цену? — сказала она вдруг.

— Обговорим позже, в зависимости от сложности дела, — заверил я её.

Это было не в моей привычке — обычно я всегда назначал сумму заранее. Ведь сложность — это не проблема клиента. Это проблема того, кто не умеет просчитывать дело наперёд. Однако сегодня я в самом деле не знал, что сказать ей: ведь, по правде, она даже не была моей клиенткой.

Мисс Кейтон не знала этого, но за её фиктивный побег уже расплатился я сам. И плата была крайне недешёвой.

Путешествие наше было долгим, запутанным и весьма скучным. Мы сели на поезд в Виндсхилле, потом сошли за несколько станций до пункта назначения и пересели на экспресс, уходивший юго-восточнее, вглубь страны. Пользовались привычным для мисс Кейтон первым классом, выкупали купе целиком, дабы избежать лишних глаз и ушей, представлялись супружеской парой. Мисс Кейтон вначале смутилась, когда кондуктор назвал её моей женой, однако я не дал ей возразить ему, а как только мы остались наедине, доходчиво объяснил выгодность подобного представления.

"Меньше запоминающихся деталей, меньше подозрений — значит, меньше вероятность того, что случайные свидетели дадут верную наводку", — важно излагал я, зная, что никаких свидетелей леди Аннабель и её подручным опрашивать не придётся. Тем не менее впитанные в кровь навыки руководили моими действиями, даже когда это никому не было нужно.

Мисс Кейтон, кажется, прониклась уважением к моему опыту ненавязчивой маскировки и слушалась меня беспрекословно. Что ж, возможно, мы и впрямь могли бы скрыться от её вездесущих преследователей — с моим-то мастерством — однако я знал, что вся эта показательная канитель в действительности преследовала лишь одну цель: пустить пыль в глаза мисс Кейтон.

Для пущей убедительности следующей ночью я даже заставил её сойти с поезда крайне непривычным ей способом: через окно. Наблюдая, как девушка протискивается сквозь узкую щель к страховавшему её снаружи Акко, я ухмыльнулся, невольно вспоминая её наивную решимость в нашу первую встречу сбежать от меня сквозь куда меньшее окошко уборной.

Выбравшись наружу, мы оказались на совершенно безлюдной дремучей станции, и, когда поезд умчался, оставляя нас в тихой и непроглядной мгле, мисс Кейтон поёжилась, невольно делая шаг ближе к Акко. Я уже заметил, что за последние сутки она немного пообвыкла и почти перестала бояться его.

Акко тихо уркнул и подступил к ней в ответ, словно говоря, что готов защищать её от чего бы то ни было. Я лишь усмехнулся.

— Да не бойтесь вы, горе-беглецы. Не в пекло ада ведь вас затащил.

— Лучше бы в пекло, — пожаловалась мисс Кейтон, плотнее сжимая плечи руками и оглядывая пустынный, продуваемый промозглым ветром перрон. — Здесь даже укрыться негде. Вы знаете, когда следующий поезд?

— Нескоро, но это неважно. Нам он не потребуется.

Мисс Кейтон нахмурилась.

— Что значит...

— То и значит. Мы прибыли. Почти. Следуйте за мной.

С этим я направился к выщербленным ступеням, ведущим вниз, к немощёной и слегка поросшей травой колейной дороге.

— Что это за место?

— Озёрный курорт, — ответил я. — И без того не слишком популярный, а сейчас, в низкий сезон, думаю, мы будем здесь едва ли не единственными посетителями. До посёлка пешком около часа, мисс Кейтон. Дойдёте?

— Да, — уверенно ответила она, и я тихо усмехнулся её самонадеянности.

"Это ведь не городские тротуары, дамочка. Посмотрим, как вы заговорите спустя минут десять".

Однако, вопреки моим ожиданиям, и через десять, и даже через тридцать минут мисс Кейтон продолжала бодро вышагивать подле меня, очерчиваясь гордым силуэтом в рассветных сумерках. Я изредка оценивающе косился на неё, но она не замечала или не подавала виду.

— Когда прибудем на место, скажем, что нанимали кэб. У другой, более отдалённой станции есть застава.

— Хорошо, — ответила мисс Кейтон, коротко взглянув на меня.

Я изучал её ещё мгновение.

— А вы неплохо держитесь для изнеженной городской леди.

— Я не леди, — поправила она машинально. — А что до этой маленькой прогулки, то вам не стоит беспокоиться: я выдерживала и куда более трудные.

Я вопросительно изогнул брови, и она, вздохнув, пояснила:

— В детстве, когда мы жили в родовом поместье у дедушки, отец часто водил нас с Энни в походы.

— Питер? — удивлённо вырвалось у меня, но Мисс Кейтон не стала укорять меня за фамильярность, лишь отрешённо улыбнулась.

— Было время, когда он был другим: весёлым и внимательным. Когда матушка была ещё жива... — она осеклась и отвернулась, с неестественным интересом разглядывая

окрестности.

Я не знал, что сказать на это. Я не мастер выражать сочувствие.

— Давно она умерла?

— Восемь лет назад.

— Сожалею.

Дальнейший путь мы предсказуемо проделали в молчании.

Когда добрались, уже совсем рассвело, однако в маленьком посёлке, стоявшем на берегу красивого озера, было тихо и пустынно. Ставни на окнах домишек закрыты, на дорогах — ни души.

— Сколько времени?.. — с сомнением нахмурилась мисс Кейтон. — Быть может, вы ошиблись? Что если сезон закрыли и вся обслуга уехала до весны?

— Не переживайте, — улыбнулся я невозмутимо. — Часть постоянных дворов и вправду закрывают на зиму, но несколько всегда остаются работать. Кое-кто из хозяев живёт здесь круглый год.

Спустя пять минут мне удалось окончательно развеять её сомнения: мы подошли к уютному коттеджу, выкрашенному в забавный светло-жёлтый цвет. Окна его, в отличие от многих, были распахнуты, и изнутри струился восхитительный запах горячего завтрака. Над дверью красовалась самодельная вывеска: "У Магды".

— М-м-м, — я повёл носом в сторону окна и сглотнул слюнки. — Кажется, ватрушки. Ну, что скажете, миссис Саунд? Мы на месте?

Мисс Кейтон удивлённо воззрилась на меня, но потом, вняв игре, сдержанно улыбнулась уголками губ.

— Думаю, да... мистер Саунд, — и, понизив голос до шёпота, склонилась ко мне чуть ближе: — Как мне вас называть, кстати?

— Зовите Джер, — сказал я неожиданно для самого себя. Обычно я не называл посторонним людям этот вариант моего имени: он был чем-то личным и ценным для меня. — А я вас буду звать Амандой, вы не против?

— Пожалуйста, — пожала плечами она.

Уладив маскировочные формальности, мы распахнули незапертую дверь и вошли внутрь. Над нашими головами звякнул колокольчик. На звук из боковой двери выглянула пышнотелая женщина лет шестидесяти и изумлённо уставилась на нас. Впрочем, тут же совладав с удивлением, она расплылась в широкой улыбке.

— Доброе утро, любезные. Ищете место для отдыха или просто завтрак?

— Мы бы, наверное, хотели снять домик на неделю, — сказал я и подобострастно оглянулся на мисс Кейтон. — Верно, дорогая?

Она отчаянно заалела, но выдавила из себя улыбку.

— Совершенно верно. Быть может, даже на две.

— Молодожёны, — добродушно усмехнулась хозяйка, даже не спрашивая, а утверждая, и внезапно подмигнула мисс Кейтон: — Не смущайся так, душечка. Придёт время, будешь тосковать по всем этим милым словечкам и комплиментам, которыми сейчас он одаривает тебя, будто розу.

Мисс Кейтон опустила глаза, скрывая не то смущение, не то улыбку.

— А у меня есть чем вас порадовать, — как ни в чём не бывало продолжила хозяйка. — Сейчас не сезон, посетителей совсем нет, так что я вполне могу отдать вам очаровательный домик по очень доступной цене. Большой камин, четыре комнаты и даже медная ванна.

Правда, чтобы наполнить её, придётся заранее позвать мою горничную: прислуги сейчас совсем мало, ну да это понятно: разъехались все по семьям...

Продолжая что-то увлечённо трещать, хозяйка накинула плащ и проводила нас к тому самому "очаровательному домику". Он и вправду оказался неплохим, хотя, наверное, и не слишком большим для привыкшей к просторам особняка мисс Кейтон. Внутри было прохладно, однако хозяйка — Магда — заверила, что в это время года камин превосходно отапливает весь дом. В кухне оказался чисто и пусто, и нам было предложено обедать в столовой хозяйского дома, до которого "всего-то минуточка по красивой аллее".

Минуточек, правда, была не одна, а все пять, но нас с мисс Кейтон это могло только радовать. Домишко наш стоял уединённо, затенялся садиком и не был виден ни с подъездной дороги, ни с побережья озера — иначе говоря, располагался так, что можно было надеяться: Акко, шныряющий из окон туда и обратно, не вызовет инфаркта у местных жителей.

В общем, там мы и остановились. Спустя полчаса в доме хозяйки нас ждал вкуснейший завтрак, увлечённый рассказ о красотах местной природы и беззлобные комментарии одинокой женщины насчёт нашего юного семейного счастья. Мисс Кейтон, впрочем, уже привыкла и, кажется, почти не смущалась её простодушных высказываний и советов.

Когда мы вернулись в домик, я затащил саквояж мисс Кейтон наверх в выбранную ей спальню и водрузил его на подставку.

— Помочь распаковать? — шутливо предложил я.

— Нет, Джер, благодарю, не нужно, — ответила мисс Кейтон, а спустя миг немного смущённо оглянулась на меня. — То есть, мистер Сандерс.

Я равнодушно улыбнулся.

— Зовите, как вам удобно, мисс Кейтон. Возможно, даже лучше по имени — не рискуете ненароком запутаться, кем я должен быть для вас в эту минуту.

К моему удивлению, она снова покраснела. Скрыв улыбку, я оставил её одну и направился вниз, чтобы растопить камин.

Ох уж мне эти девицы — наивные и невинные...

Первый день в нашем убежище прошёл тихо и спокойно. Вечером мисс Кейтон спустилась в гостиную в свежем одеянии, чем вызывала у меня неприкрытую усмешку. Что ж, если она поместила в тот саквояж платье, то всё оказывается хуже, чем я думал: по моим прикидкам, там почти ничего больше и не уместилось бы. Ну неужели все девушки в самом деле настолько одинаковы?..

Она заметила мой насмешливый взгляд, но расценила его, кажется, по-своему.

— Нравится? — и улыбка, немного смущённая и едва заметно кокетливая.

О, мисс Кейтон, если вы надеялись смутить меня этим вопросом, то совершенно зря.

— Разумеется, дорогая, — я широко улыбнулся и подал ей руку. — Ужинать?..

Кормила нас Магда, надо отдать должное, просто отменно. Если бы мог, я бы, несомненно, утащил пару порций для Акко, но боялся вызвать подозрения или, чего хуже, обидеть добрую старушку. Ведь обиженная женщина — хуже дьявола. Тем более, если она старая и одинокая.

В безлюдной глуши время текло незаметно: вот оно есть, а вот его уже нет. В следующие дни, поддерживая свою легенду, мы с мисс Кейтон несколько раз прогуливались

по аллее мимо хозяйского дома, восторгаясь пейзажем. Днём, если не было ветра, я катал её на лодке. Иногда мы говорили о каких-нибудь пустяках, я рассказывал ей незначительные истории из своей практики, дабы лишний раз напомнить ей о том, что был истинным профессионалом своего дела. Но вдали от посторонних глаз притворные беседы были бессмысленны, и в стенах дома мы всё больше проводили время в молчании. Вечером мисс Кейтон читала у камина какой-то роман, позаимствованный у Магды; Акко лежал рядом, свернувшись клубочком у уютного огня, а я, не желая проводить лишнего времени со своей не то клиенткой, не то женой, не то жертвой, коротал часы наверху, запираясь в собственной спальне и бессмысленно и растерянно глядя в серый потолок.

Я отправил послание леди Аннабель ещё в тот, самый первый вечер, указав точный адрес и даже начертив схему аллеи и обведя жирным кружочком дом, в котором скрывалась от преследования её близняшка-сестра. Всё, как просила эта стерва, всё наилучшим образом для того, чтобы вернуть свою жизнь в привычную мне надёжную колею.

И теперь, час за часом, вечер за вечером я размышлял о том, где сделал неверный шаг: тогда ли, когда отказался исполнять не слишком чистую просьбу леди Аннабель добровольно? Или ещё раньше, согласившись на самое первое поручение, связавшее меня с этой чокнутой семейкой?.. Так или иначе, я совершил ошибку и весьма серьёзно поплатился за неё, и ещё мог поплатиться куда серьёзней. Невыносимо самоуверенная мерзавка, за чьей спиной в ночной мгле неизменно маячили безумные сектанты, держала в своих руках ключ к моей репутации, а значит — и к моей жизни. Всё, что скрупулёзно копилось, что давалось мне ценой горьких ошибок и падений, всё, что я создал своим трудом и упорством — всё теперь могло быть в один миг раздавлено жестоким и бессердечным ударом её девчачьего каблукка.

В злобном отчаянии я ударил кулаками по мягкой до отвращения постели. Да будь она проклята, если посмеет воспользоваться хоть одной бумагой из моего кабинета...

Весёлый смех, раздавшийся снизу, прервал мои размышления. Я резко подскочил от неожиданности, но потом с удивлением прислушался и различил голос мисс Кейтон. С кем это, чёрт возьми, она там разговаривала?..

Бесшумно отворив дверь, я тихо спустился вниз — и моему взору открылась ошеломительная по своей абсурдности картина.

Мисс Кейтон сидела на коленях на потёртом коврикe возле камина и... гладила Акко, разомлевшего и уткнувшего свою наглую плоскую морду прямо ей в живот.

— Красивый, — приговаривала мисс Кейтон, и её пальцы ласково скользили по его чешуйчатой шее. — Умный. Добрый. Ведь добрый? Конечно... и нестрашный совсем...

Акко согласно урчал в ответ на все её щедрые комплименты и подобострастно тёрся мордой о её колени. Мисс Кейтон смеялась, и этот смех переливался, заставляя воздух вокруг отзываться неуловимым звоном колокольчиков. Уже знакомое мне платье цвета кофе с молоком в мелкую клетку сейчас вдруг шло ей совершенно, удивительно оттеняя нежную кожу и светлый шёлк её волос. Руки, затянутые в тёмные кружевные перчатки, без заживляющих повязок вновь казались тонкими и изящными. Длинные красивые пальцы взлетали и опускались на кшахарову шею, а Акко... подумать только, этот чешуйчатый дон-Жуан развалился на ковре, словно домашняя собачонка!..

Предатель!.

Значит, пара льстивых фраз — и всё?.. Вместо меня лучший друг — едва знакомая девица?..

— Хочешь ещё печеньку? — спросила мисс Кейтон и рассмеялась, когда Акко вскинул плоскую голову и с нетерпением раскрыл пасть, обнажая два ряда зубов. — Сладкоежка... лисёнок хитрющий...

Не знаю, называл ли кто-нибудь ещё Акко в его жизни лисёнком — по его реакции, а точнее, её отсутствию, я этого не понял — но лично для меня это стало последней каплей.

— А вы знаете, чем кшхары питаются, мисс Кейтон? — спросил я, ступая в комнату и гневно сверкая глазами.

Да что она себе возомнила?.. Лисёнок... Мы с Акко семь лет неразлучны...

Мисс Кейтон взглянула на меня с улыбкой и живым интересом.

— Что с вами, мистер Сандерс?

Я шагнул к низкому столику и схватил стоявшую там корзину.

— Никакого печенья больше, — заявил безапелляционно, устремляя исполненный негодования взор на Акко. — Зубы испортишь. А если голодный — так иди поймай что-нибудь полезное для желудка.

Кшхар повернул ко мне свою плоскую морду и укоризненно фыркнул. А мисс Кейтон... она вдруг рассмеялась.

— Да вы ревнуете!

— Что?.. — от такого заявления я даже опешил. — Я?.. Кого?.. Да я...

Мисс Кейтон хитро, будто верному сообщнику, улыбнулась Акко и, поймав его морду в ладони, ласково потрепала:

— Слышишь?.. Твой друг тебя ревнует, — повторила она, уже явно насмехаясь над растерянным мной. — Скажи ему, что это глупо и бессмысленно. Ведь ты хороший. Умный. Ты его любишь, правда? — и, склонившись к самому носу предателя, прошептала громко: — А печенья мы с тобой всё равно найдём.

Акко согласно уркнул и вдруг, разомкнув пасть, лизнул её в губы тонким и длинным бордовым языком.

— Ой!..

Мисс Кейтон отпрянула от неожиданности, но тут же беззаботно рассмеялась.

— Ну вот!.. Первый поцелуй, и с кем — с кшхаром...

В следующий миг она опомнилась и смущённо отвела глаза прочь от меня, отчаянно алея. Отпустила Акко, поднялась с колен, оправляя юбки.

Не знаю уж, что там творилось в её бедной головке: то ли мысли о поцелуях автоматически разгоняли кровь в девических сердцах, то ли она наконец осознала, что вот уже несколько дней напролёт живёт наедине с незнакомым мужчиной, и теперь опасалась, что сорвавшиеся с её языка слова приведут меня к каким-нибудь непотребным мыслям. Ха, чёрт возьми. Как будто до этого я не замечал притягательных форм, скрытых под её пуританским воротничком...

От изучения тех самых форм в профиль меня оторвал короткий рык Акко. Я очнулся, встретил его слепой взор — и понял, что рычит он на меня.

Защищает девчонку.

— Совсем дурак, что ли? — с искренней обидой спросил я и, не дожидаясь ответа, развернулся на каблуках и потопал в свою спальню.

Не успел войти и запереть дверь, как в приоткрытое окно сунулась наглая чешуйчатая морда и виновато уркнула.

— Не прощу, — проворчал я в ответ. — Купился на печенья, ящерица толстопузая...

Двинув по стеклу мордой, Акко распахнул створку и решительно протиснулся внутрь. Взобрался на постель, свернулся клубочком и преданно взглянул на меня. Потом на корзинку, которую я всё ещё держал в руках... не выдержав, я рассмеялся и запустил в него печённой шрапнелью.

— Держи, харя крылатая. Смотри, чтоб и впрямь желудок не скрутило.

С этим я обернулся к двери и, уже на пороге уловив вопросительный урк, беззлобно ответил:

— Пойду успокою твою новую подругу. А то надумает себе невесть чего.

Спустившись, я застал мисс Кейтон сидевшей в кресле и нервно теребившей тёмное кружево перчаток.

— Аманда? — тихо позвал я, надеясь, что звук собственного имени подействует на неё успокаивающе.

Кажется, ошибся.

Она вздрогнула и тревожно огляделась.

— А где Акко?.. — напуганный взгляд и дрожь в голосе.

— Наверху, печенье ест, — беззаботно махнул рукой я, не решаясь подойти ближе.

Чего доброго, ещё напугается и сбежит от меня, когда до полнолуния какие-то сутки остались... и всё — конец моей спокойной и налаженной жизни в Виндсхилле. Здравствуй, неопределённость и нищета.

— Мисс Кейтон, — начал я снова, опускаясь в кресло в нескольких шагах от неё. Кажется, это её и впрямь успокоило. Я улыбнулся. Потом подумал и стёр с лица улыбку — вдруг подумает, что заигрываю?.. Этих девиц полоумных ведь не разберёшь... — Если вы меня боитесь, то совершенно напрасно. Я здесь делаю свою работу, и ни за какие рамки выходить не намерен. Поверьте. Если бы это было иначе, я никогда не сумел бы заслужить свою безупречную репутацию. А я ею очень дорожу, так что...

Я осёкся, замечая на её губах странную улыбку.

— Что?..

— С чего вы взяли, что я вас боюсь? — спросила она, теперь ставя меня в тупик.

— Но... ну... вы ведь нервничаете, — наконец сформулировал я.

— Немного, — согласилась она. — Потому что мне показалось, что я перегнула палку и влезла туда, куда не следует. Простите, мистер Сандерс, я не имела намерений ссорить вас с Акко. Но он был таким милым и искренним, а я уже столько времени не общалась ни с кем, кто был готов просто... не знаю, просто понять и побыть рядом. Заставить хоть на миг забыть обо всём, что происходит в моей жизни в последние месяцы.

Я ошалело взирал на неё мгновение.

— Хотите сказать, вам не хватает участия?.. — спросил наконец. — И вы пытались найти его в кшахаре?

— Пыталась и нашла, — пожала плечами Аманда.

— Мисс Кейтон, — проговорил я растерянно и неожиданно для себя добавил: — Если вам так нужно поговорить с кем-то, поговорите со мной.

— С вами?..

От явного скептицизма в её взоре меня захлестнула неожиданная обида.

— А что?.. По-вашему, я не способен понять вас немного лучше кшахара?

Аманда тихо рассмеялась.

— Не обижайтесь, но я в самом деле не знаю. Я совершенно не знаю вас, и всё, что вы

делали до сих пор, не позволяло мне убедиться ни в чём, кроме того, что вы любите доводить дело до конца и крайне дорожите своими принципами и репутацией. Этого достаточно, чтобы я могла довериться вам в разрешении своей временной проблемы; но я не знаю вас настолько, чтобы доверить вам свои мысли и свою жизнь.

Я молчал, в самом деле не зная, что сказать ей в ответ. Хотел бы я, чтобы она поделилась своими мыслями со мной?.. Ну, нет. Я не должен был желать подобного.

Аманда пошевелилась, поправляя платье, и я внезапно заметил, что изнанка его клетчатого подола была тёмной. Тёмно-синей. Такой знакомой... Я ошарашенно поднял на неё глаза.

— Ваше платье...

— Оно двустороннее, — улыбнулась Аманда. — Как, по-вашему, я уместила бы в саквояж всё остальное, если бы позволила себе сложить туда лишний ненужный наряд?..

Для торжества зла необходимо только одно условие — чтобы хорошие люди сидели сложа руки.

Эдмунд Бёрк

Следующим утром я тысячу раз ловил себя на том, что неосознанно наблюдал за каждым движением Аманды. Будто околдованный, я следил за её пальцами, когда она бралась за ручку двери или поднимала чашку за завтраком; я смотрел, как её без изысков заколотые локоны скользили по шее, когда она склоняла голову или оборачивалась, чтобы посмотреть куда-то вдаль.

Мы отправились на прогулку по озеру, а я, вместо того, чтобы по обыкновению оглядывать окрестности, то и дело украдкой посматривал на неё, не сознавая, зачем я это делаю, не отдавая себе отчёта. Даже сейчас, в глуши, без изысканных нарядов и украшений она продолжала оставаться красивой. Нежная, хрупкая на вид, с милovidными чертами лица, с восхитительными волосами, жемчужно переливавшимися в скудных лучах осеннего солнца. Я невольно вспоминал леди Аннабель, и мне казалось, что теперь я был способен безошибочно отличить одну от другой. Те же глаза и волосы, тот же овал лица — все черты их были поистине невероятно схожи, но вот мелочи были иными. Взгляд. Улыбка.

Аннабель улыбалась опасно и хищно, изгибая красивые губы в презрительном оскале. Улыбка Аманды была мягкой, иногда печальной, подчас немного наигранной, но никогда — надменной.

В конце концов, случилось то, что и должно было случиться: я был пойман на очередном чересчур затянувшемся взгляде, и Аманда, сощурившись, неуверенно повела плечами.

— Что-то не так, мистер Сандерс?

— Нет, я... я просто вспоминал вашу сестру, — ляпнул я правду от неожиданности и, заметив, как изгибаются в удивлении её брови, быстро добавил: — Вы с ней поразительно схожи внешне.

Нет, ну молодец. Точно подметил. Да что со мной такое, в конце концов?..

— Мисс Кейтон, кхм... не берите в голову, — я сосредоточенно уставился на весло, словно пытаюсь загипнотизировать себя его мерным движением.

Лодка тихо двигалась по безупречной водной глади; мы сидели в молчании, не глядя друг на друга. Ну, то есть, я не глядел на Аманду, наконец вперив взор туда, куда мне и было положено с самого начала — куда-нибудь, кроме неё. Вот ведь глупец... и что, спрашивается, всё это было?.. Зачем смотрел?.. И думал-то ведь о всякой ерунде — ладно бы ещё мыслишки какие промелькнули, из тех, что невольно заполняют голову при взгляде на хорошенькую женщину...

— Не так давно мы с Аннабель были схожи не только внешне, — вдруг тихо произнесла

Аманда, и я удивлённо поднял глаза. Девушка слегка повернула голову и встретила мой взгляд. — Мы были неразлучны. Сёстры, лучшие подруги... Энни была всем для меня, так же, как и я для неё.

— Что же изменилось? — спросил я тихо. Не знаю, почему. Может, боялся спугнуть её неожиданную откровенность, хотя, по правде говоря, именно это мне и стоило сделать. Не нужно знать о клиентах больше, чем необходимо — вот, чёрт меня подери, не нужно.

— В нашей жизни появился Орден. Три месяца назад они пронюхали обо мне, о моей... гм, особенности, и начали охоту. Чтобы провести ритуал, им нужно завладеть мной в ночь полнолуния — в это время чуждые токи в нашем мире проявляются сильнее всего. Однако они не решались просто выкрасть меня из дома — в конце концов, я племянница графа Рейнервилль, а похищение благородной девы с трудом сойдёт с рук даже с их могущественными связями. И потому вначале они пытались заманить меня, потом — угрожать. В конце концов, они заявили, что если в ночь полнолуния я самостоятельно не явлюсь в их обитель, они убьют мою сестру. Подстроят несчастный случай или ещё что-то, чтобы не вызвать подозрений. И тогда я решила, что пойду и сдамся в их руки.

Аманда замолчала, отрешённо вглядываясь в глубины водной глади, и с полминуты я не решался окликнуть её, чтобы услышать конец истории. А когда уже собирался сделать это, она вдруг вновь заговорила сама.

— В тот вечер Аннабель опоила меня снотворным за ужином. А когда я уснула, она разрисовала руки чернилами, натянула мои перчатки и сдалась Ордену вместо меня. Пока они догадались, в чём было дело, драгоценное время было упущено. Они, не зная того, провели ритуал над ней — над *ней* вместо меня, — голос Аманды задрожал и наполнился горечью. — И вот теперь... она там. Она возглавила охоту за мною, а я, хоть и пыталась найти способ освободить нас обеих, но в действительности всё, на что я способна — бежать и прятаться... как беспомощная, трусливая, подлая крыса.

Пальцы Аманды сжались в злобном бессилии, и видно было, как ногти её даже сквозь кружевные перчатки ощутимо впиваются в кожу. Я не знал, как утешить её — не слишком я опытен в этих слезливых женских исповедах. И потому, вместо пространных речей, просто спросил:

— Что могло так изменить её к вам?

Я, разумеется, не знал Аннабель достаточно близко, но, если верить словам Аманды, до попадания в Орден она была совсем иной: самоотверженной и храброй. А не хищной безжалостной тварью, какой повстречал её я. И если это правда, то что же, в самом деле, они творили с людьми в этом Ордене? Какими невообразимыми методами промывали им мозги, чтобы вот так внезапно изменить всё их мировоззрение?..

Признаюсь честно, чем больше я узнавал об Ордене, тем сильнее мне хотелось держаться от него подальше. Но, к несчастью, в моём положении мне оставалось только надеяться, что по завершении этого треклятого дела Аннабель отпустит меня восвояси и не станет заигрывать в свои шантажистские игры. Впрочем, если подумать, зачем я ей сдался?.. Отдам ей сестру — и всё. Большого ей от меня всё равно не было нужно.

— Всё дело в ритуале, — тихо ответила на мой вопрос Аманда, отрывая меня от собственных размышлений. Я удивлённо поднял глаза: прошло уже, вероятно, больше минуты, и эта долгая пауза и серьёзность её тихого тона говорили о том, что она искренне верила в свои слова. Более того, какое-то время даже не решалась сказать мне, раскрыть эту страшную тайну.

Я постарался не улыбнуться.

— Вы в самом деле верите в колдовство, не так ли?

— А вы по-прежнему нет?

Я повёл плечами.

— Что должно было переубедить меня? Та ночь, когда старая шарлатанка едва не выпустила вам всю кровь? Помилуйте, мисс Кейтон, как же мало вам нужно: божественный символ, непонятные завывания — и вы уже готовы поверить... но что же, много пользы она вам наколдовала?

Аманда скривила губы, отводя взор.

— Нет. Не много. Но здесь, похоже, вы правы: она была просто шарлатанкой. Трудно найти по-настоящему знающего человека, когда сама не разбираешься в деле.

Я уже не сдержал улыбки, и Аманда, заметив это, раздражённо нахмурилась.

— Закончим этот разговор, мистер Сандерс.

Я не противился. Какой смысл пытаться донести до неё здравые рассуждения, если она держится за свои суеверия, будто фанатик?

К вечеру привычно тихая Аманда стала ещё более немногословной и крайне тревожной.

— Вы в порядке? — спросил я за ужином, стараясь выглядеть беспечно.

Признаюсь честно, и у меня с приближением полуночи внутри тоже стягивался беспокойный узел. В голову лезли всякие бесполезные и нервирующие мысли. Только бы всё прошло гладко. Только бы Аманда не надумала сбежать в последнюю минуту или ещё какой-нибудь прокол не вышел. Ведь все шишки Аннабель точно свалит на меня. И тогда всё — прощай репутация...

— Сегодня полнолуние, — тихо просветила меня Аманда, и я вскинул брови в деланом удивлении, бросая взгляд в окно.

— В самом деле? Так быстро. Здесь время бежит незаметно, вы не находите?

— Да, вы правы, — рассеянно ответила Аманда, явно думая о своём.

Почти весь ужин мы провели в молчании, иногда разбавляя тишину короткими просьбами передать кувшин или хвалебными сентенциями в адрес заглядывавшей хозяйки. И чем дальше, тем более гнетущей и нервной становилась эта разделявшая нас тишина.

В конце концов, я решил, что если так пойдёт дальше, то девушка и впрямь сорвётся и кинется бежать куда подальше в неконтролируемом страхе. А этого я допустить не мог.

— Не переживайте, мисс Кейтон, — сказал я, когда мы брели к своему домику по пустынной аллее. — Они не нашли нас до сих пор и вряд ли найдут в последние минуты. Ещё несколько часов, и на месяц вы снова будете свободны. У вас есть планы на будущее? Что вы собираетесь делать дальше?

Она взглянула на меня удивлённо, но потом в её взоре отразилась благодарность. Моё стремление отвлечь её она разгадала, хотя и приписала ему, очевидно, немного иные мотивы.

— Я должна найти способ избавить нас с Аннабель от той особенности, которую жаждет получить от нас Орден.

— И что это за особенность? — спросил я, не потому что желал знать, но чтобы поддержать разговор.

Аманда вздохнула.

— Чужая кровь.

— Чужая? В каком смысле?

— Вы всё равно не поверите, только будете смеяться.

— Обещаю, что не буду, — заверил я. Хотя, похоже, придётся постараться, чтобы оставаться серьёзным. Девушка, кажется, вновь собиралась выдать что-то из разряда мистических небылиц.

— Кровь демонов, — сказала она, подтверждая мои опасения. — Не верите?

Я обезоруженно улыбнулся.

— Не слишком. Но подумайте сами, мисс Кейтон. Если бы я сказал вам нечто подобное, вы бы поверили? В наше просвещённое время, в век развития технологий и науки...

— Я не поверила бы, мистер Сандерс, — серьёзно ответила Аманда. — Всего три месяца назад — я бы не поверила.

— А сейчас что же? Неужели Орден убедил вас в этом?

— Убедил.

Совсем плохо дело подумал я обречённо. Вот чем они там мозги пудрят — демонами, дьяволами и прочей религиозной чушью? Признаться, я ожидал чего-то куда более серьёзного и страшного. Пыток или каких-нибудь жутких подпольных экспериментов над мозгом. Чего-то настоящего, осязаемого и способного свести с ума не только девушку, но и зрелых мужиков, заставляя их напялить балахоны и гоняться по всему свету за очередной избранной жертвой.

— Они утверждают, что моя кровь — это дар. Что с её помощью они смогут изменить мир, открыть врата для тех, кто всё это время ждал своего часа...

"Апокалипсис?" — едва не застонал я. Ну да, что же ещё... Конец света, торжество дьявола и всё в этом духе.

Бред умалишённого.

— И вы поверили им — почему?

Аманда странно посмотрела на меня. В её взоре мешалась затравленность душевнобольного, которому никто не верит, и совершенно искренний страх.

— Они подняли человека из мёртвых у меня на глазах.

То есть, театрализованные представления у них на уровне, заключил я. Что ж...

— Знаете, мисс Кейтон, как только закончится эта ночь, я готов помочь вам в поисках чего бы то ни было, что, как вы считаете, может освободить вас, — в тот миг я произнёс эти слова совершенно искренне, забыв о том, что исход ночи был давно предreshён и Аманде уже не суждено было отправиться отсюда куда-либо, кроме треклятого Ордена.

Не то чтобы я был рад отдавать милую, в общем-то, девушку в лапы фанатичных безумцев. В самом деле, будь у меня такая возможность, я бы хотел действительно помочь ей: открыть глаза, избавить от глупых предрассудков, убедить её в том, что Орден, хоть и был опасен, но вовсе не своей дьявольской сущностью, а властью и крайне могущественными связями.

Но такой возможности у меня не было. В конце концов, я и сам был по уши в нечистотах благодаря всей этой истории, и мне стоило прежде всего решить свои собственные проблемы. А если к тому времени девушка не свихнётся и не станет похожей на свою полоумную сестрицу — что ж, тогда, возможно, я буду готов обсудить с ней возможности взаимовыгодного сотрудничества.

— Спасибо, мистер Сандерс, — тихо ответила Аманда, вновь возвращая меня к

реальности. — Я подумаю над вашим предложением.

Думала она недолго: спустя всего полчаса, когда мы оба, вопреки обыкновению, устроились у камина в гостиной, она вновь заговорила со мной. Правда, я не сразу понял, что речь её была продолжением нашей беседы: начала Аманда очень издалека.

— Знаете, мистер Сандерс, когда год назад на моих руках проступили эти страшные знаки, я побоялась рассказать о них кому-нибудь, кроме Энни. Это она придумала сшить мне тонкие кружевные перчатки, которые я могла носить не снимая. Горничные вполне удовлетворились объяснением, будто я очень некрасиво обожгла руку, пока гостила в родовом поместье, и теперь отказывалась снимать перчатки при любых обстоятельствах, даже в ванне. Девушкам моего круга такие маленькие безумства легко прощают. Однако отец, заметив, что я не снимаю перчаток, пришёл в истинный ужас. Он загнал меня в угол своими расспросами про выдуманный ожог, а поняв, что я лгу, даже не заставил меня оголять руки — он просто в точности описал то, о чём могли знать только я и Энни.

Я не понимал, к чему клонит Аманда, но в какой-то момент обнаружил, что слушаю её очень внимательно.

— Он знал, мистер Сандерс, — продолжила тем временем Аманда. — Он знал, что это такое, но когда я спросила, он наотрез отказался объяснять мне. Сказал только, чтобы я никогда в жизни не снимала с себя этих перчаток. А когда Аннабель исчезла, пожертвовав собой, чтобы не отдавать меня Ордену, он, кажется, и вовсе возненавидел меня. Как будто это я была виновата... — Аманда осеклась, чтобы унять дрожь в голосе. — То есть, конечно, я знаю, что в случившемся с ней — моя вина. Только моя. Но отец... он знает что-то о том, что происходит со мной, однако по-прежнему отказывается говорить мне. Вместо этого он пытается выдать меня замуж, чтобы я уехала из города, хотя я не понимаю, как это может помочь... мистер Сандерс, — она взглянула на меня пронзительными серыми глазами, и я вздрогнул, сам не понимая, почему. Что-то было в её глазах: надежда или доверие, из-за чего у меня на миг непривычно кольнуло под рёбрами. — Сейчас я понимаю, что поиски мне нужно было начинать с моего собственного отца. Я пыталась говорить с ним, но это было бесполезно, и я оставила эту затею... Я пыталась искать в других местах, но вы видели, чем это закончилось, — она скривилась, очевидно имея в виду нелепый ритуал, едва не превратившийся в ритуальное самоубийство. — Однако сейчас, когда вы готовы помочь мне... если вы готовы помочь, — поправила она, — я попрошу вас по возвращении в Виндсхилл поговорить с моим отцом. Мне он не скажет ни слова, но вам — может, — в глазах её мелькнуло что-то, похожее на невесёлую усмешку, и я настороженно поднял брови.

— Вы так считаете?

Аманда пожала плечами.

— Вы ведь убедили его подписать соглашение на развод.

Я, признаюсь, растерялся.

— Он сказал вам об этом?

"Быть может, даже поведал, при каких обстоятельствах это случилось?.." — этого я не произнёс вслух, однако вопрос болтался у меня на языке.

— Нет, разумеется, — Аманда улыбнулась уголками губ. — Однако то, как он вёл себя с вами в первую встречу, и то, что Глэдис знает вас тоже... я уже почти не сомневалась, что это было ваших рук дело. И библиотеку, полагаю, вы переворачивали вверх дном тоже по просьбе моей мачехи. Что она пыталась найти там, если не секрет?

— Простите, но я не могу ответить на этот вопрос. Не могу даже подтвердить или

опровергнуть ваших предположений.

Аманда улыбнулась.

— Да-да, я понимаю. Конфиденциальность, — с каким-то странным выражением проговорила она. Потом, помолчав немного, задумчиво поинтересовалась: — Скажите, мистер Сандерс, а вы в самом деле готовы братья за любое дело, если оплата покажется вам достойной?

Я встретил её взор и повёл плечами.

— Нет, не совсем. Я должен быть уверен, что смогу выполнить просьбу клиента, это во-первых. А во-вторых, я никогда не берусь за дело, если оно противоречит моим принципам.

Аманда подняла брови с удивлением и — клянусь — с едва заметной насмешкой.

— Такое часто случается?

— Нет, не часто. Но иногда бывает.

"Например, как сейчас", — невесело добавил про себя.

— И вы никогда не думаете о том, хорошо или плохо то, что вы делаете? — спросила она тихо и серьёзно.

Я улыбнулся.

И всё-таки, наивная.

— Я просто делаю свою работу, мисс Кейтон. Я защищаю интересы клиента, какими бы они ни были. Если вместо того, чтобы исполнять порученное, я начну читать клиенту мораль, как вы думаете, как много я заработаю этим?..

Аманда неуверенно повела плечами.

— Немного. И всё же... ведь своими действиями вы вмешиваетесь в судьбы людей. Это вашими руками кто-то становится несчастен, кто-то обманом получает власть или богатство, а кто-то, напротив, не получает заслуженного...

— Это вина не моя, а тех, кто стоит за мной, мисс Кейтон. Моих клиентов. Я — всего лишь исполнитель.

— Вы убивали людей? — внезапно спросила она.

Я скривил губы.

— Нет, не убивал.

— А убили бы, если бы вам это заказали?

— Нет. За такие дела я не берусь.

В её глазах мелькнуло облегчение, смешанное с неуверенным одобрением, однако я лишь снисходительно улыбнулся, сознавая, к каким выводам она пришла.

— Не потому, что это плохо, мисс Кейтон. Просто лезть в чужие разборки, когда клиент уже дозрел до мысли об убийствах, себе дороже. Вполне можно попасть под горячую руку, когда потом со страху он вознамерится убрать всех возможных свидетелей.

— То есть, для вас нет ничего поистине плохого, мистер Сандерс? Того, что вы считаете неприемлемым, недопустимым?

— Я считаю неприемлемым всё, что может навредить моей репутации. Лезть куда не просят, разглашать тайные сведения или...

Аманда остановила меня, качнув головой.

— Нет. Я имею в виду не это. Я имею в виду... есть ли что-то, что вы считаете аморальным? Что осуждаете вообще в людях?

Я не смог сдержать очередного снисходительного взгляда.

— Разумеется, есть, мисс Кейтон. Я осуждаю в людях очень многое. Однако это не

мешает мне работать с ними — ведь, в конце концов, именно на их грехах и слабостях я зарабатываю.

Аманда смотрела на меня так, будто наконец поняла что-то.

— Вы весьма циничны, — как можно нейтральнее вынесла свой вердикт она.

Я рассмеялся.

— Я знаю, мисс Кейтон. Но ведь это никак не умаляет моей пользы для вас, не так ли?

Она не ответила, лишь отвела взор.

Текли минуты, превращаясь в часы. Мисс Кейтон вновь занялась недочитанной книгой, однако было заметно, что она едва видит написанное на страницах. Чем ближе к полуночи, тем сильнее дрожали её руки, тем сбивчивей вздымалась грудь в тревожном дыхании.

За четверть часа до двенадцати я ненавязчиво отослал Акко наверх полакомиться припасённым печеньем: мне хорошо помнилось, как не ладили между собой мой кшахар и типы из Ордена.

За семь минут Аманда захлопнула книгу и выпрямилась.

— Не возражаете, если я выйду на улицу? Мне душно.

Я с деланным безразличием пожал плечами.

— Конечно, пожалуйста.

Аманда не двинулась с места.

— Пойдёте со мной? — настороженно спросила она.

— Зачем?

— Час поздний.

— Здесь на всю деревню жителей человек десять, — натянуто рассмеялся я. — Боятесь стариков?

Аманда передёрнула плечами и вдруг обхватила их, впиваясь пальцами в плотную ткань.

— Не стариков, — прошептала она едва слышно.

Голос её дрожал.

Мне внезапно стало неуютно. Я хотел ответить что-нибудь беззаботное и безразличное, но слова застряли в горле. В этот миг мне вдруг стало так жаль её, что сердце сжалось.

— Аманда...

Её имя вырвалось наружу сдавленным хрипом, и она вздрогнула, удивлённо взглядывая на меня, но я не успел сказать ничего более.

Дверь с грохотом распахнулась.

Аманда взвилась с кресла и вскричала, резко бледнея.

Всё было кончено.

Орден был здесь.

Их было шестеро, не считая Аннабель.

Двое во мгновение ока бросились к Аманде, ещё четверо вихрем промчались по комнате, расставляя по кругу странные мутные кристаллы, в глубине которых плескалось что-то тёмно-алое.

Аманда билась в истерике и визжала так сильно, что у меня закладывало уши. Позади себя я услышал разъярённый рык и обернулся: Акко, хищно оскалившись, замер на лестнице и испуганно бил хвостом по ступеням, но почему-то не прыгал. Рывок — и снова назад, и

полное ненависти шипение в сторону кристаллов, опоясывавших комнату по периметру.

Что там? — удивлённо подумал я. Чего он боится?.. Никогда в жизни я не видел, чтобы кшахара что-то остановило — тем более, настолько разъярённого, тем более, когда никакой преграды и не видно.

Двое в балахонах подступили ко мне и встали по обеим сторонам, не касаясь и не говоря ни слова. На всякий случай, как предупреждение не делать глупости. Дьявол с ними: я и не собирался.

Четверо оставшихся тем временем распластали Аманду на полу — на том самом коврик перед камином, где ещё недавно она, смеясь, играла с Акко. Теперь же, рыдая, она билась в руках четвёрки мужланов, не в силах противостоять неизбежному. Аннабель, опустившись на колени рядом с сестрой, одним движением разорвала высоко затянутый ворот её платья.

Кшахар взревел так, как даже мне ещё никогда не приходилось слышать. Хвост его метался, едва не сбивая перила, крылья распахнулись, застилая всю узкую лестницу, но он не спускался ниже, хотя я видел, как это стремление буквально разрывает его.

Не мог преодолеть кристаллы?.. Чёрт побери, да почему?..

Я никогда не верил в колдовство. Я смеялся над суевериями. Но в этот миг, когда я воочию лицезрел беспомощность существа, которое считал почти всемогущим, мне вдруг стало по-настоящему страшно.

В эту ночь не было ни ритуальных кругов на полу, ни тоскливых завываний. Только кинжал в руках Аннабель. Никаких двуединых лезвий, никаких особых отметин — просто оружие. И склянка с тёмно-алой жидкостью подле неё — ничего больше, чем просто посуда.

Недвижимый, оцепеневший, я стоял и смотрел, как холодное лезвие медленно взрезает тонкую алую полосу на коже сопротивлявшейся до последнего Аманды. Я не сделал ничего, чтобы остановить это.

Страшные мгновения сменялись, будто в тумане.

Кшахар в неистовой ярости бился о перила.

Я молчал.

Аманда кричала.

Конец первой книги

Смог бы мальчик, которым вы были, гордиться таким мужчиной, как вы?
Лоуренс Дж. Питер

Бывает так, что очень короткое и почти неуловимое мгновение меняет твою жизнь навеки.

Неверный шаг.

Неудачный поворот.

Выстрел.

Я никогда не думал, что нечто подобное может произойти и со мной.

Тот миг, когда Аннабель опрокинула над сестрой крошечную ёмкость, позволяя багровой субстанции расползтись по коже Аманды и впитаться в её кровь, показался почти незаметным. Я не успел осознать, что произошло — когда внезапно Аманда выгнулась дугой, сипло пытаясь вдохнуть, и схлестнулась со мной взором.

Я увидел выражение безграничной обиды и обманутости в её глазах — а потом... потом моя жизнь сломалась и рассыпалась осколками. Мир перевернулся. Всё, что я знал раньше, превратилось в пыль, в бессмысленное ничто.

В этот миг серые глаза Аманды медленно наполнились живой колеблющейся тьмой.

Чтобы оправдаться в собственных глазах, мы нередко убеждаем себя, что не в силах достичь цели. На самом же деле мы не бессильны, а безвольны.

Франсуа де Ларошфуко

Я вернулся в Виндсхилл следующим утром.

Аннабель, похоже, и в самом деле решила оставить меня в покое: в сторованной квартире я обнаружил нетронутыми все свои драгоценные папки и даже, к моему удивлению, увесистый конверт с неожиданно приличной суммой вознаграждения за мои усилия.

Только радости ни от того, ни от другого я почему-то не испытывал.

Тихий и безжизненный Акко послушно приплёлся за мной обратно в город, но с того самого момента, как Аннабель и её приспешники покинули домик на озере, окружив себя странными кристаллами и забирая с собой бессознательную Аманду, кшахар больше не бросил на меня ни единого взгляда, не отреагировал ни на одно обращённое к нему слово.

И я мог понять его.

Мне не хотелось признаваться самому себе, но эта картина отчётливо врезалась и в мою память: безмолвные марионетки, послушные каждому жесту Аннабель, в совершенной тишине уносят Аманду прочь. Её руки безвольно болтаются по сторонам, выбившиеся из заколок локоны наполовину скрывают побледневшее лицо. Беззащитное, обмякшее тело — она будто сломанная игрушка, а я... я стою неподвижно и наблюдаю, как они исчезают в ночной тьме, как самый страшный кошмар её становится реальностью.

Что они сотворили с ней; было ли это поправимо — я не хотел об этом думать. Я говорил себе, что глупо жалеть её: если так пойдёт и дальше, то я рискую стать сентиментальным нюней, не способным выполнить даже самое простое задание на благо своих клиентов. Однако, вопреки разумному, именно это я и делал сейчас: я сожалел и... боялся.

— Акко, — тихо позвал я, выходя на улицу и опускаясь на ступени.

Кшахар, лежавший в пыли у их подножия, не пошевелился.

— Ну, брось, дружище, — в сотый раз попробовал я. — Что с тобой?

Он молчал, разумеется.

— Ну, прости. Я думал, ты знаешь. Я думал, ты тогда слышал мой разговор с Аннабель и всё это время понимал, что происходило. Я не знал, что ты и впрямь так привязался к ней...

Ещё мгновение назад я сидел на ступенях — а в следующий миг уже лежал, отброшенный назад, к порогу ударом мощных лап кшахара.

Акко, свирепо оскалившись, возвышался надо мной и гневно рычал мне в лицо.

— Эй, — осторожно попытался приструнить его я. — А ну прекрати.

Акко глухо рыкнул, а потом резко отпустил меня и, развернувшись, вновь рухнул на землю, вздымая в воздух облачко пыли. Плоская голова его тоскливо опустилась на ступень,

и он замер, закрывая глаза.

— Акко, родной, ну прости. Ну что ты хочешь, чтобы я сделал? Хочешь, пойду закажу тебе лучший обед в нашей любимой таверне? А хочешь, печенья гору куплю? Аннабель щедро нам заплатила — новую квартиру снимем и ещё останется...

Акко резко вздыбился и, ощерившись, вдруг издал странный, высокий и почти неразличимый звук. Меня затошнило. Я зажал уши ладонями, но ощущение не исчезало, лишь усиливалось. Плохо, невыносимо плохо, и это не страх, не боль, а просто ощущение бесконечной агонии, и единственное желание, которое заполняет всё существо — чтобы эта невыразимая, удушающая, разрывающая на части попытка наконец прекратилась...

Кажется, я кричал, потому что когда я очнулся, горло саднило.

Акко не было рядом. Задрав голову, я оглядел небо, и где-то далеко, на горизонте, увидел его удалявшийся силуэт.

— Вот те на, — я хотел выплюнуть это с раздражением, а вышло со страхом и растерянностью.

Акко.

Мой Акко. Тот, с которым мы были неразлучны, тот, который всегда был на моей стороне.

Я в отчаянии опустил голову, сжимая лицо в ладонях.

И что я должен был делать теперь?..

Спустя пару часов, когда я вышел из любимой таверны, заправившись поздним завтраком, никаких более или менее приличных планов на будущее у меня так и не появилось. Я надеялся, что к этому времени кшахар остынет немного и вернётся, однако когда подошёл к дому, его по-прежнему не было видно. Это снова испортило мне приподнявшееся было после завтрака настроение.

Нет, ну вот что он хотел, чтобы я сделал?

Вернуть всё обратно я не могу. Да и не уверен, что приведись мне пройти через это ещё раз, поступил бы иначе. Всё-таки, козыри — мои папки с документами — были в руках у Аннабель, и я был птицей подневольной, как ни досадно мне было признавать собственное бессилие.

Так что я мог? Пойти в Орден и потребовать у них вернуть Аманду? Смешно. Попытался выкрасть её? Смешно и глупо. С моей стороны, приближаться к Ордену по любой причине было бы крайне неосмотрительно: я и так уже хлебнул достаточно, связавшись с ними. Так что увольте, но к этим фанатикам я ни ногой, а без этого, очевидно, помочь Аманде я никак не могу.

И вообще, это не моё дело. Я во всей этой истории был фигурой незначительной: выполнил что просили, получил гонорар. Всё как всегда. И вроде бы всё ясно и логично, но какой-то настёрный червячок сомнений упорно продолжал глодать меня изнутри.

Я помнил, как смеялась Аманда, играя с Акко на коврике возле пылавшего камина; я помнил, как гордый кшахар доверчиво ластился к ней, будто детёныш. Я помнил, как она упорно шагала по каменистой и непригодной для женских ножек дороге, не жалуясь и не сетуя. И как в последние мгновения перед тем, как Орден ворвался в наше убежище, она сжимала руками свои плечи и смотрела на меня с беспомощным страхом и отчаянной надеждой на защиту.

Дьявол!..

Я в отчаянии ударил кулаком по измазанным пеплом ступеням и от боли выругался вслух. Так не хотелось признаваться даже самому себе, но — чёрт возьми, я пребывал в ужасе от произошедшего.

Колдовство?.. Демоны?.. Ритуалы?..

Бред душевнобольного.

Или — нет.

Я не знал, чему в самом деле стал свидетелем прошлой ночью — не знал, и не хотел знать, и потому отгораживался от этих мыслей всем, чем мог. Деланным безразличием. Насмешкой. Пренебрежением. Сознать, что, нарушив договор, я отдал Аманду в руки демонам, дьяволам — да чёрт вообще их знает, кому — было выше моих сил. Я ведь не понимал, на что иду. Я не знал, что всё так обернётся. Я не был виноват — меня вынудили...

Спустя ещё час я стоял перед дверью особняка Кейтонов, ожидая, когда лакей откроет её в ответ на требовательный стук металлического кольца.

Да, я не мог ничего исправить и не был готов навещать треклятый Орден, но по крайней мере, я мог попытаться пролить свет на увиденное, чтобы хоть как-то успокоить себя. Аманда подозревала, что её отец знал что-то важное, и если это было так, то я был намерен убедить его поделиться информацией. Вот уж с кем-кем, а с Питером Кейтоном я совладать сумею.

А дальше... посмотрим. Быть может, всё было не так страшно, как сейчас казалось мне и несчастному Акко. Быть может, всему этому имелось какое-нибудь простое и рациональное объяснение.

Дверь передо мной распахнулась.

— Я желаю видеть Питера Кейтона, — решительно заявил я и, не дожидаясь ответа или приглашения, бесцеремонно протиснулся мимо лакея, прежде чем тот успел бы захлопнуть перед моим носом дверь. Столь же нахальным образом я устремился к гостиной, невзирая на ошалелое бормотание за спиной, однако, распахнув двери, ошеломлённо застыл на пороге.

Две девушки сидели в составленных почти вплотную креслах, склоняясь друг к другу и сцепляя пальцы.

Две одинаковых белокурых девушки. Руки у обеих были затянуты в высокие перчатки, и, вопреки моей досужей убеждённости, я сейчас решительно не мог отличить одну от другой.

До тех пор, пока одна внезапно не взвилась на ноги и, подступив ко мне, не отвесила мне резкую тяжёлую пощёчину. Лицо обожгло болью.

— Аманда... — выдохнул я с потрясением и растерянностью, забывая о формальных приличиях.

Признаюсь честно, я не ожидал увидеть в этом доме Аннабель, однако ещё меньше я предполагал найти здесь её. Целой и невредимой. Рука об руку с сестрою.

— Мерзавец, — прошипела Аманда, и глаза её сияли подлинной ненавистью. — Лживый трус. А я ведь... я ведь вам верила.

— Простите, мисс Кейтон, — промямлил я в ответ. — У меня не было выбора.

— Не было выбора?.. — всплеснула руками она. — Что вы говорите... Вы низкий, подлый, трусливый... Аннабель рассказала мне, какой выбор у вас был. И вы выбрали проклятые бумажки вместо человеческой жизни. Моей жизни.

— По-моему, ваша жизнь вполне себе невредима, — холодно заметил я. Все мои сожаления уже испарились, первое потрясение тоже прошло, и теперь я был весьма

раздражён её обвинениями.

— Вы так считаете?..

— Не сомневаюсь в этом, — я окинул её презрительно-оценивающим взором. — А поскольку с вами всё в порядке и моя совесть отныне кристально чиста, то прошу извинить меня, дамы. Не смею больше докучать вам своим присутствием.

— Вон, — прошипела Аманда, так, будто и не слышала моих слов. Будто это и впрямь она выгоняла меня, а не я сам только что откланялся.

Впрочем, какая мне разница?

— Постой, Мэнни, — послышался вдруг ленивый голос Аннабель. — Не торопись гнать его.

— Что? Почему это? Нет, ноги его больше не будет в этом доме! — воскликнула Аманда, оборачиваясь к сестре.

Аннабель улыбнулась.

— Он ещё пригодится нам, дорогая. Весьма ценный экземпляр — неглупый, изворотливый и при этом весьма легко управляемый, если только знать, за какие ниточки дёргать.

— И не надейтесь, леди Аннабель, — сухо заметил я. — Свой архив я уже перепрятал в более надёжное место.

Аннабель ласково рассмеялась.

— Я не имела в виду шантаж, любезный мистер Сандерс. Но вы ведь не откажетесь от приятно шуршащей благодарности за бросовое дельце?..

— Обойдёмся без него, — резко возразила Аманда, не глядя на меня и вообще делая вид, будто меня тут не было. — Экая фигура... Что он может, чего не можем мы?

— Ну, например, разговорить нашего отца, — сладко проговорила Аннабель, устремляя взор куда-то за мою спину.

Я и Аманда одновременно обернулись.

Позади, сжимая в негодовании зубы, стоял Питер Кейтон.

— Ты. Паршивец!..

И почему в этом доме в последнее время меня все так не любят?..

На этот раз, окончательно забывая о правилах приличия, Питер в самом деле кинулся на меня с кулаками. Я легко увернулся — всё-таки мне подобные упражнения в силу рода занятий были куда привычнее — а потом в несколько движений припёр яростно пыхтевшего толстяка к стене. Сзади послышались тихий напуганный возглас Аманды и совершенно невозмутимое замечание Аннабель:

— Не переусердствуйте, мистер Сандерс. Вам ведь не хочется покалечить беднягу.

Интересное слово она выбрала, чтобы отзывать об отце, подумалось мне. Хотя, конечно, я уже имел достаточное представление о ней, чтобы не удивляться...

— Отпустите его, — в голосе Аманды теперь отчётливо прозвучал приказ. Я снисходительно улыбнулся, но желание её всё же выполнил.

— Не стоит так нервничать, мистер Кейтон. Я как раз собирался уходить, — я чуть склонил голову в шутовском поклоне, однако Аннабель остановила меня.

— Мистер Сандерс, с каких это пор вы отказываетесь от лёгких сделок? — игриво спросила она.

— Быть может, с тех пор, как вы имели неосторожность шантажировать меня?

— Ну, бросьте, — Аннабель подошла ближе, виляя бёдрами и томно взглянула мне в

глаза. — Неужели вы вправду на меня обиделись?

Краем глаза я заметил, как напрягся рядом Питер, а Аманда с оттенком ужаса на лице наблюдала за действиями сестры.

— Обиделся? Что вы, — я улыбнулся. — Я просто слишком рассудителен, чтобы вновь иметь дело с вами. Один раз вы уже сыграли нечестно, заставив меня поступиться своими принципами, — в этот миг я не удержался и коротко, но со значением взглянул на Аманду.

Она тотчас рассмеялась горько и уничижительно.

— О, мистер Сандерс, только, прошу, не нужно обвинять во всём случившемся мою сестру!.. Это вы, вы сами наплевали на собственные принципы, и на порядочность, и даже на простую человечность; вы сделали выбор в угоду низкому и трусливому эгоизму; и теперь с той же трусливостью вы стремитесь свалить всю свою вину на других!.. Как же это подло!..

— Вы называете меня подлецом?.. — неверяще переспросил я. — Трусом?..

— О, да. Называю, — ледяным тоном отчеканила она. — Потому что это единственное, что вы из себя представляете. Мне казалось, я видела в вас человека — пусть не из своего круга, пусть не слишком благородного, пусть даже чересчур высокомерного для своего положения — и всё-таки человека. А оказалось, что вы шакал, мистер Сандерс, обыкновенный трусливый шакал...

Я не знал, почему мне так хотелось кричать ей, что она не права. Мне ведь было плевать, что думают обо мне витающие в облаках и не знающие невзгод благородные девицы. Да если на то пошло, мне плевать, что думает обо мне кто угодно. Никто из тех, кто презирает меня, не имеет права на это.

Кроме Аманды.

Не знаю, отчего это было так — вероятно, я просто слишком отчётливо сознавал, насколько был виноват перед нею. Я изменил своему главному принципу, и сколько бы Аннабель ни убеждала меня в обратном, я понимал, что поступился самым важным — я заключил контрделку. Пусть спланированную заранее, но только что это меняет?.. Как смогут доверять мне клиенты, если не будут уверены, что я не играю одновременно и на их врага?..

— Всё это очень проникновенно, Мэнни, — сладкий голос Аннабель вывел меня из мгновенного ступора. — Но ровным счётом ни на что не влияет. Мистер Сандерс нужен нам, и в твоих интересах перестать дуться и заключить с ним сделку, которую он так страстно не желает заключать со мной.

Аманда нахмурилась и упрямо поджала губы.

— Я с ним дела иметь не стану, Энни. Пусть катится на все четыре стороны.

Аннабель со стоном закатила глаза.

— О, всевышние!.. Как же с вами сложно, — с наигранным отчаянием она обратилась к надутому от негодования, но молчавшему Питеру: — Ну, может, хоть ты поймёшь меня и перестанешь создавать лишние проблемы?..

Если бы я не видел доподлинно, к кому относилась эта реплика, я бы никогда не подумал, что это был вопрос дочери, адресованный отцу. Не то чтобы я собирался читать ей мораль, конечно...

— Вот смотри, — продолжила тем временем Аннабель, очевидно, не слышавшая моих мыслей, — ты упрямисься, как старый осёл, хотя нам прекрасно известно, что ты знаешь куда больше, чем пытаешься показать. Есть три варианта: первый — ты рассказываешь всё сам. Да-да, я знаю, ты не станешь, потому что зачем-то строишь из себя героя. Но только не

поздновато ли для твоих лет?..

— Никогда не поздно пытаться спасти тех, кого любишь, — процедил Питер, чем даже у меня вызвал усмешку. Это он-то, старый извращенец, пытается здесь кого-то спасти?..

Аннабель заметила скептицизм на моём лице и кивнула в мою сторону:

— Вот, даже мистер Сандерс считает, что это глупо, — по-своему интерпретировала она. — Что ж, вариант второй: если эти двое наконец прекратят играть во вселенскую обиду, то, быть может, у тебя появится возможность исповедаться нашему любезному специалисту по грязным делишкам. И вариант третий: если первые два способа не сработают, то, увы, тобой займётся сам Орден. А этого, честно скажу, даже я не хочу для тебя, — вполне серьёзно закончила она.

— Мы можем как-то убедить их, что отцу неизвестно ничего важного? — тихо спросила Аманда, с надеждой глядя на Аннабель.

Та вздохнула.

— Боюсь, что нет. Они ведь не глупцы. Сами понимают, что к чему. Рукопись прадеда должна была передаваться по роду до нашей матери, а от неё — к нам, но мама умерла слишком рано... в общем, ты и сама понимаешь, — Аннабель вновь обернулась к отцу. — Все догадываются, что если кто-то и знает о её местонахождении, то это можешь быть только ты.

— Я вообще не знаю, о чём вы говорите, — буркнул Питер. — Я уже говорил, что ни о какой рукописи не слышал.

— Орден считает по-другому, — спокойно ответила Аннабель. — И в самом деле, какая тебе, по сути, разница?.. К тебе всё это не имеет отношения. Так зачем ты стремишься пострадать ради какого-то ерундового секрета?..

— Я не понимаю, о чём ты просишь меня!.. — повысил голос Питер, и в этот момент даже я был почти готов поверить ему. Почти.

Меня отвлекло осознание того, что Аманда смотрела на меня неотрывно. Я вздрогнул отчего-то и как можно безразличнее встретил её взор.

— У вас ещё остались рычаги давления на нашего отца? — спросила она прямо, не колеблясь.

— Нет, — с уверенностью ответил за меня Питер.

Я невозмутимо улыбнулся и с той же уверенностью произнёс:

— Да.

Питер взглянул на меня с неверием и в то же время опаской.

— Блефуете, — не знаю, заметил ли он, как снова перешёл со мной на "вы".

Я ухмыльнулся.

— Хотите поговорить наедине, мистер Кейтон?

— Чёрта с два. Вы не собирались вмешиваться в это — так не вмешивайтесь.

— О, в самом деле, я пришёл именно затем, чтобы поговорить с вами, — сознался я невинно. — Даже убедительные стимулы прихватил с собой. Так неужели теперь мне уходить ни с чем?

— Вы хотели поговорить с отцом? — переспросила Аманда, хмурясь. — Зачем?

Я обернулся к ней, и улыбка немного поблекла на моих губах.

— Хотел понять, что с вами случилось. Вы сказали, мистер Кейтон может знать что-то на этот счёт.

Аманда изогнула бровь, но на лице её читалось только недоверие; тронута она явно не

была.

— И какое вам дело до этого?

Я повёл плечами.

— Сам не знаю. Вероятно, мне просто нужно было убедиться, что увиденному мной существует рациональное объяснение.

— Я не намерен давать вам никаких объяснений, — отрезал Питер.

Я проигнорировал его, глядя только на Аманду.

— Так вы хотите, чтобы я расспросил вашего отца?

Она нахмурилась и бросила виноватый взгляд на Питера.

— Да.

— Что ж, превосходно, — с этим я развернулся и повелительно махнул хозяину дома в сторону коридора. — Думаю, мистер Кейтон, вы всё же захотите уединиться для этого разговора.

Питер сжал зубы, но за мной последовал. И правильно сделал: даже мне не хотелось показывать Аманде ту фотокарточку, что лежала сейчас в моём кармане.

Мы с Питером прошли в его рабочий кабинет, и он плотно прикрыл двери, прежде чем обернуться ко мне.

— Имейте в виду, если вы блефовали, то я сейчас же выставлю вас из этого дома и вы больше никогда не переступите его порога.

Помилуйте, какая страшная угроза.

— Я не блефовал, мистер Кейтон, — заверил я, доставая из кармана бумажную копию фотографии — ещё одной, сделанной в ночь нашего первого знакомства. Эта была даже удачнее: на ней Питер, разукрашенный и веселившийся, был изображён в комнате борделя. Я сделал этот снимок через окно, прежде чем горе-любовник заметил меня и кинулся бежать сломя голову.

Лицо Питера побелело, когда он разглядел изображение в моих руках.

— Мерзавец, — прошипел он. — Лживый мерзавец.

Да я и не спорю. Но если бы не был таким, то и работу свою выполнять достойно не смог бы.

— Так что случилось с Амандой прошлой ночью? — спросил я, равнодушный к его терзаниям.

— Кажется, вы и сами прекрасно видели, — сквозь зубы процедил Питер.

— Видел, — не стал отрицать я. — Но хотел бы ещё понимать.

Он поднял на меня яростный взор.

— Что тут понимать?.. Вы превратили последнюю из моих дочерей в демона. Видели, какова теперь Аннабель?.. Раньше она не была такой. Она была доброй, милой, сообразительной девочкой...

— Сообразительности у неё и сейчас не занимать, — усмехнулся я.

— ...а теперь и Аманда вскоре станет такой же.

— Что за дрянь они вылили на неё? Такую тёмную жидкость, которая расплзлась по царапине, будто живая...

Питер взглянул на меня мрачнее некуда. И заявил:

— Чужую кровь.

— Демонов? — не сдержал усмешки я.

Он, впрочем, никак не отреагировал на мой саркастический тон.

— Да. Демонов. Они заразили её. Превратили в одну из них.

— Но Аманда не ведёт себя, как Аннабель. Она как будто и не изменилась. Может быть, на неё этот ваш ритуал не подействовал?

— Я не знаю!.. — сорвался вдруг Питер. — Я знаю об этом ненамного больше вас, и я изо всех сил пытался уберечь её, спасти единственным способом, который, я думал, может помочь...

— Какой такой способ? — заинтересовался я. За это утро Питер уже второй раз утверждал, будто пытался помочь Аманде, но я всё не мог понять, что из его действий могло относиться к спасательной операции. Ну не пачка же денег, переданная с Чарльзом Нортоном, в самом деле?..

— Боюсь, сейчас скрывать всё равно уже бессмысленно, — вздохнул Питер. — Я пытался выдать её замуж.

Я едва не рассмеялся от удивления.

— И что?.. Брачный контракт содержал бы условие о невозможности получения её Орденом?..

— Вовсе нет, — разозлился Питер. — Но стоило бы ей забеременеть, и её собственное проклятие было бы снято...

Я даже опешил на мгновение.

— Ух ты. Интересный способ.

Питер отвёл глаза.

— Я не уверен, но *подозреваю*, что это могло помочь, — сказал он и, помедлив немного, добавил: — Так случилось с их матерью, Ивонной. Моей первой женой.

Я молчал, ожидая продолжения, и Питер действительно продолжил. По-видимому, он так долго держал это в себе, что сейчас был готов выговориться даже перед человеком, которого ненавидел. А может быть, наоборот, чувствовал себя свободным именно поэтому.

— У Ивонны знаки на руках проявились немного позже, чем у Аманды — ей тогда стукнуло уже двадцать два. К тому времени мы уже давно были обручены, и до свадьбы оставалась пара недель, не больше. И вот, в какое-то утро я застал её в слезах, и она сказала, что расторгает помолвку, но объяснять причин не хотела. А мы ведь любили друг друга, любили искренне... В общем, я пытался уговорить её не делать глупостей или хотя бы объясниться, и в конечном счёте... соблазнил её.

"Здорово уговаривал", — мысленно хмыкнул я, но прерывать не стал, боясь спугнуть его откровенность.

— Уже к вечеру знаки исчезли. И поскольку больше они не появлялись, то мы решили, что наша любовь спасла Ивонну от проклятия... — Питер горько рассмеялся. — Юные и наивные мы были тогда. Через девять месяцев у нас родились девочки. Всё было так тихо и гладко, до тех пор, пока год назад я не осознал, что скрывает от меня под перчатками Аманда... И только спустя некоторое время, размышляя и вспоминая, я наконец сопоставил все факты, — он взглянул на меня серьёзно и очень мрачно. — Ивонна говорила мне, что это проклятье передаётся по наследству по женской линии... Понимаете, мистер Сандерс?.. Вовсе не наша великая любовь спасла Ивонну, но одно из двух крошечных существ, зародившихся тогда внутри неё... Аманда приняла проклятье на себя. А это значит, что её саму от проклятья точно так же могла избавить её первая дочь. И это обезопасило бы её от Ордена навеки.

Какое-то время я не отвечал ему, размышляя над услышанным. Что ж, допустим, в

предположениях Питера действительно была определённая логическая нить. Но почему тогда ему было просто не сказать об этом дочери? Ведь Аманда наверняка с куда большим рвением принялась бы соблазнять лорда Уимбли, зная она правду.

Я поинтересовался этим у самого Питера, но он лишь усмехнулся, невесело и почему-то очень виновато.

— Не сказал, потому что были причины, — ответил он только. — Какая теперь разница, мистер Сандерс? Уже всё равно слишком поздно. Они провели свой ритуал, и боюсь, теперь Аманду, как и Аннабель, уже не спасти. Я потерял обеих дочерей...

— Что за рукопись они ищут? — задал я следующий вопрос, прерывая его жалостливые вздохи.

Питер напрягся, лицо его приняло нечитаемое выражение.

— Понятия не имею.

Я снисходительно улыбнулся.

— Ну, бросьте. Всем ясно, что по крайней мере в этом вы лжёте.

Он упрямо поджал губы.

— Лгу или нет, но мне нечего вам сказать.

— Мистер Кейтон... — я устало помахал в воздухе фотографией.

— Можешь делать что хочешь, мальчишка, — безразлично дёрнул плечами он и с вызовом уставился на меня. — Хочешь опубликовать этот снимок в завтрашней газете? Пожалуйста, сделай это. Мне плевать.

Я удивлённо повёл бровью.

— Что там, в этой рукописи? — любопытствовал я. Содержание её не было предметом моего интереса, однако то, что Питер Кейтон, под той же угрозой без колебаний подписавший грабительское соглашение на развод, теперь упирался руками и ногами из-за какого-то манускрипта, казалось странным, если не сказать больше.

— Не знаю. Говорю же, я никогда не видел её.

Я улыбнулся, замечая его выбор слов.

— Но вы-таки знаете, что она существует. И я даже почти не сомневаюсь, что вам известно, где она.

— Мне неизвестно ничего об этой их рукописи, и я не понимаю, отчего вы так уверены в обратном.

— Оттого, что я вижу, когда вы лжёте, — ответил я. И заметил невозмутимо: — Аннабель предупреждала, что методы Ордена будут куда более грубыми, чем мои. Они станут пытаться вас, чтобы докопаться до истины. Вы выдержите пытки?

— Не выдержу — значит, сдохну, — передёрнул плечами Питер.

— Что ж, — я вздохнул и, опустив руки, обезоруженно улыбнулся: — Воля ваша, мистер Кейтон.

— Удалось что-нибудь выяснить? — Аннабель, как всегда, была надменна и на вид невозмутима, но в глазах её я читал искреннее нетерпение. Казалось, ещё мгновение, и она начнёт суетливо потирать ладони в предвкушении.

— Пока вынужден разочаровать вас, — ответил я. — Ваш отец оказался очень упрям в этом вопросе. Даже весьма серьёзная угроза репутации не сработала, хотя, признаюсь, я не ожидал этого.

— Что за угроза? — тревожно хмурясь, спросила Аманда.

— Думаю, будет лучше, если это останется между мной и мистером Кейтоном, — мягко ответил я, встречая её взор.

Я сказал, мягко?.. Впрочем, да, чёрт возьми, именно так это и было. Последний раз я говорил таким тоном... не знаю даже, когда. Наверное, со своей матерью, лет пять назад, когда уже перерос подростковую циничность и ещё не выработал её зрелую вариацию.

Очевидно, пора заканчивать с этим непомерным чувством вины перед Амандой.

Перед мисс Кейтон.

— Вы сказали, пока? — вернул меня в реальность голос Аннабель. — То есть, у вас имеется другой способ, которым можно вывести его на чистую воду?

— Разумеется, да, — улыбнулся я уверенно. — И уже завтра вечером я сумею им воспользоваться.

Вы думаете, всё так просто? Да, всё просто. Но совсем не так.

Альберт Эйнштейн

— Добрый вечер, Белинда.

Женщина средних лет гостеприимно распахнула передо мной дверь, но взгляд её призывал поторопиться: она, как и я, не любила, когда на её посетителей начинал глазеть кто-нибудь из прохожих.

— Здравствуй, Эдж, — сказала она, уже впустив меня внутрь. — Давно ты не заглядывал. Случилось что-нибудь?

— Да нет, — я беззаботно махнул рукой. — Просто понадобилась твоя помощь в одном дельце. Та чудодейственная смесь, которую ты однажды готовила для меня — помнишь?..

Белинда улыбнулась.

— О какой ты говоришь? Я многие для тебя готовила.

— Ну да, ну да. Я говорю о той, что развязывает языки. Ключ к истине — так, кажется, ты её называла?

— Именно так, — с гордостью подтвердила она. — Когда нужно?

— Если успеешь, то завтра к вечеру.

— Успею. Чаю хочешь?

— Хочу, только, чур, без каких-нибудь твоих травок.

Она рассмеялась и только.

— Что, всё думаешь, попробую тебя приворожить? — спросила, когда мы уже прошли в маленькую кухню.

— Да брось, — я махнул рукой. — Приворот — это ерунда на постном масле.

Этот шуточный разговор случался у нас уже не впервой, однако сегодня я внезапно задумался над собственными словами. А так ли это в самом деле?.. Если какие-то чёртовы демоны разгуливают среди нас в обычных серых балахонах, то как я могу быть уверен, что вся прочая ересь и чепуха вдруг не окажется самой настоящей правдой?..

Я всегда был уверен, что Белинда — обычная травница. В деревнях таких и по сей день чуть не на каждом углу встретишь: каждая уважающая себя бабка сведуща в том, чем из лесных растений лечить, а чем и убить можно. Вот и Белинда — я не сомневался — владела тем же искусством в совершенстве. Каких только отваров она порой мне не готовила: и лечебных, и... других.

И никогда вопросов не задавала. За это я, наверное, особенно её ценил.

— Белинда, скажи, а ты колдунья? — всё тем же шутовым тоном осведомился я.

Она хмыкнула.

— Колдунья, конечно, а как ещё. Где ты видел, чтоб нормальные женщины вместо щей зелья варили?

Я должен был рассмеяться, но почему-то смотрел на неё серьёзно.

— А если честно?

Она встретила мой взгляд, но спустя миг уже вновь сосредоточилась на пузатом чайнике, старательно заправляя его сушёными листочками.

— Ты же, вроде, Эдж, в колдовство-то не веришь. Всегда мне так говорил.

— Может, не верил раньше. А теперь не знаю, что и думать.

Она отчего-то посуровела.

— Ты, братец, такими вещами лучше не шути. Не хочешь — можешь не верить, так оно проще, но вот шутить не нужно.

— Да не шучу я, Белинда, — мрачно заверил её я.

Забыв про чай, она с грохотом отодвинула стул напротив меня и села, разложив на столе локти.

— Рассказывай.

— Чего рассказывать?

— То и рассказывай. Вляпался ведь куда, не иначе.

— Может, и вляпался, — признался неохотно. — Ты об Ордене Говорящих с Духами что-нибудь знаешь?

Она поджала губы: тревожно так и совсем невесело.

— Что-нибудь знаю.

Я отчего-то совсем сник.

— Вот и я что-нибудь знаю.

— Эдж, чтоб тебя черти съели!.. — выругалась она, и мне вдруг стало неуютно. А если она вправду колдунья, это засчитывается как проклятье?..

Тут же беззвучно рассмеялся над собой. Нет, вот что за мысли лезут мне в голову??

— Что ты там видел? Говори уже.

— Как девчонку одну чужой кровью облили, вот что видел, — выдохнул я, не веря, что и в самом деле произношу это вслух. И добавил, окончательно обалдевая: — Демонской.

Что ж, Эдж Сандерс, добро пожаловать в клуб суеверных фанатиков.

Белинда, впрочем, если таковым меня и считала, то хорошо скрывала своё мнение.

— А потом что было, видел? — спросила настороженно.

— А потом ничего не было, — пожал плечами я.

— Что же, просто убили — и всё? — удивилась она, а я аж вздрогнул.

— Как убили?.. Не убили, конечно! Кровью, говорю, облили, немного совсем, меньше унции, наверное...

— Ну, так и я о том же, — Белинда хмурилась, явно не понимая, что я пытаюсь сказать.

Мне уже самому стало страшно: что если Аманду и вправду убили?.. Ну, то есть, почти? Что если эта кровь — яд замедленного действия?..

— Эдж, кровь демонов убивает людей, — не выдержав, заговорила Белинда, подтверждая мои опасения. — Быстро и неотвратно. Достаточно одной капли. Но убивает она по-особому... душу от тела отрывает, а тело между тем жить остаётся. Вот в него эти безбожники потом демона и вселяют. Те-то ведь бесплотны, и им чтобы в наш мир прийти, тело нужно. Так что же — это ты видел?

Проходило мгновение, другое, а я всё продолжал молчать, не в силах переварить услышанное.

Аманда...

В памяти всплыло необъяснимо страшное видение: она смотрит на меня, изгибаясь в чужих руках, и её глаза темнеют, наполняются чем-то жутким, непостижимым...

Внутренности вдруг сдавило, будто тисками.

— Не может быть.

Белинда сочувственно скривилась.

— Выходит, то самое и видел. Доигрался ты, Эдж, милый. Эк тебя угораздило...

— Но зачем?..

Она пожала плечами.

— А ты видел, как они потом движутся? А силы у них сколько? Таких всего несколько штук себе в свиту — и никаких врагов можно не опасаться. Орден их и продаёт иногда, кстати. За баснословные суммы, особенно если учесть, как быстро эти солдатики рассыпаются.

Я не успел заметить, когда именно Белинда накрыла на стол, но внезапно обнаружил, что передо мной дымится кружка ароматного свежесваренного чая.

— Что значит, рассыпаются? — спросил я, беря кружку в ладони и со странным облегчением делая глоток. В этот миг казалось, что знакомый терпкий вкус обжигающего напитка — единственное, что связывает меня с привычной реальностью.

— Чужие в наших телах долго не живут. Полгода, ну, иногда месяцев девять от силы. А потом — всё. Тела не выдерживают и погибают, а демоны... кто их знает, что с ними потом происходит. Слышала, что умирают тоже, но верить ли этому, не знаю. Стали бы они за человеческими оболочками гоняться, если бы всё, что они могли получить при этом — какие-то жалкие месяцы жизни?

Я снова не ответил, пытаюсь осознать услышанное.

Полгода?.. Аманде осталось всего полгода?.. Хотя, нет — вовсе не Аманде... и не Аннабель тоже. Неудивительно, что последнюю не мог узнать никто из родных: она ведь уже не была собою. Её вообще больше не было, а в её теле сидел какой-то потусторонний мерзавец, улыбался, говорил, смотрел на мир её глазами...

— Можно ли вернуть всё обратно? — тихо спросил я. — Если тело ещё живо, можно ли изгнать из него демона и вернуть назад человеческую душу?

— Изгнать демона можно, вероятно. А вот насчёт души ничего не скажу, Эдж. Просто не знаю. Вполне возможно, что когда демон покинет тело, оно тотчас умрёт.

Я помолчал, хмурясь.

— Что ж, наверное, это всё равно лучше, чем встречать взгляд знакомых глаз и знать, что они уже не принадлежат человеку, которого ты помнишь, — пробормотал наконец, не до конца сознавая, что произношу это вслух.

— Она была дорога тебе? — сочувственно спросила Белинда, а я, не сразу поняв её вопрос, удивлённо поднял глаза:

— Кто?

— Эта девушка, которую они... обратили, — Белинда запнулась, подбирая слово, и я был отчего-то благодарен ей, что она не сказала "убили". Что-то, надо признать, за последние сутки нервы у меня расшатались порядочно.

— Да нет, конечно, — отмахнулся я, отвечая на её вопрос. — Просто... были знакомы.

И просто это я виноват в том, что теперь в теле Аманды обитает какой-то паршивый демон.

Мысли мои разбегались, путались, и мне в самом деле казалось, что я схожу с ума. Ещё

вчера, когда Аманда со всей серьёзностью рассказывала мне о демонах, я лишь небрежно смеялся и снисходительно называл её суеверной. А теперь сам сижу на кухне у знакомой колдуньи и размышляю о том, что в этом мире есть правда, а что — нет...

— Белинда, так ты колдунья? — спросил я тихо и как-то обречённо, поворачивая в руках кружку и наблюдая, как колеблется кромка коричневой жидкости внутри.

Она усмехнулась.

— Называй как хочешь, Эдж. Что это изменит? Чем я занимаюсь, тебе и раньше было известно.

— Я предполагал, ты просто хорошо разбираешься в травах.

— Это так и есть.

— Но я не знал, что ты, помимо всего прочего, читаешь заклинания и летаешь на метле, — криво усмехнулся я.

Белинда рассмеялась.

— Ну, насчёт метлы это, конечно, бред собачий.

Я невесело взглянул на неё.

— Почему ты раньше мне не говорила?

— Говорила, сколько раз, — лукаво улыбнулась она. — Просто ты не верил.

— Могла бы быть поубедительнее, — я насупился как можно укоризненное.

Нет, ну вот что за наряд: обычное домашнее платье, даже не чёрное, как полагалось бы порядочной ведьме, а светло-серое в тонкую синюю полоску. Волосы с первыми проблесками седины аккуратно уложены. Ни следа макияжа на лице.

— Не знаю, ты бы хоть причёску растрепала, платков на себя навернула побольше, бородавку на нос наклеила...

Белинда рассмеялась.

— Эдж, так только шарлатанки и делают.

Я вздохнул, снова мрачней.

— Это точно, — помолчал, стараясь вытряхнуть из головы воспоминания об одной весьма запомнившейся мне лже-колдунье. — И всё же, ты могла бы сказать мне. Объяснить всерьёз.

— Зачем? — она пожала плечами. — Каждый вправе верить, во что хочет.

— И быть размазанным по брусчатке, когда окажется, что его картина мира, к несчастью, не соответствовала действительности.

— До сих пор к твоему миру всё это не имело никакого отношения. Теперь же ты столкнулся с этим сам, и надо отдать должное, Эдж, ты оказался достаточно гибким, чтобы подстроиться к новому восприятию так быстро. Многие до последнего держатся за свои прежние убеждения только потому, что те кажутся им более надёжными в силу привычки.

Я пожал плечами.

— Предпочитаю ориентироваться не на убеждения, а на факты.

А факты говорят, что я был совершеннейшим ослом, когда не поверил Аманде. Я нахмурился и тряхнул головой. Нет, ну сколько уже можно сожалеть о прошлом? Его не воротить. Теперь нужно думать, как выбраться из всего этого... происшествия.

А выход я видел только один: довести до конца последнее дело, которое ещё связывало меня с Кейтонами, и убираться подальше от этой чокнутой семейки. Да, я совершил ошибку. Да, из-за меня пострадала Аманда. Внутри что-то сжималось от этой мысли, неприятно и тоскливо, но всё же я понимал, что исправить случившееся был уже не в силах. Куда мне

против толпы этих треклятых демонов? Да и что я должен был делать? В экзорцизме я смыслю не больше, чем Аманда пару недель назад, и закончу, вероятнее всего, тем же: какая-нибудь очередная шарлатанка приберёт меня ритуальным посохом в надежде обчистить мои карманы.

Чашка моя опустела, и я вернул её на стол. Хотел попрощаться с Белиндой, но вместо этого с губ моих вдруг слетело:

— Ты знаешь кого-нибудь, кто мог бы помочь мне?

— Помочь в чём? — уточнила Белинда, изучающе глядя на меня.

— Выяснить, можно ли... а, впрочем, забудь, — оборвал я себя, поднимаясь. — Неважно.

Белинда улыбнулась уголками губ.

— Я постараюсь поспрашивать, но ничего не обещаю, Эдж, — сказала она. — Наши не слишком любят поднимать эту тему.

— Не стоит, правда, Белинда. Тем более, если уж ведьмы боятся связываться с Орденом, это должно бы отвести и меня от этой мысли, не так ли? — я криво усмехнулся, подкрепляя тем самым очевидный ответ на свой вопрос.

Однако Белинда смотрела на меня с пугающей серьёзностью.

— Не знаю, Эдж, — тихо ответила она, заставляя меня внезапно нахмуриться и нервно сглотнуть.

Нет, и вот что, чёрт побери, она хотела сказать этим?..

Никаких тайн вообще не существует. Другое дело, что есть вещи, о которых люди ничего не знают... и есть вещи, о которых немногие посвящённые почему-то не хотят рассказывать другим.

Макс Фрай

Следующим вечером я встретился с Аннабель у чёрного хода её дома и передал ей маленький пузырёк с тёмной жидкостью.

— Это необходимо подлить Питеру в еду или питьё. Лучше всего в вино — алкоголь отлично перебивает привкус зелья.

— Что это? — Аннабель повертела в пальцах флакон, рассматривая содержимое.

— Ключ к истине, — улыбнулся я и пояснил, когда она вопросительно изогнула брови. — Зелье, которое поможет нам спустя несколько часов выведать у вашего отца любые секреты.

Аннабель улыбнулась довольно и хищно, а я внезапно подумал: демон. Я смотрю на демона. А он смотрит на меня в ответ глазами невинной девушки, и скалится, и вынашивает свои планы, сидя где-то там, внутри, готовый без колебаний использовать её тело для чего угодно...

— Что с вами, мистер Сандерс? Вы побледнели.

— Всё в порядке. Мне пора идти. Я буду у вас в половину десятого. Помогу с допросом.

— Благодарю, — игриво улыбнулась мне Аннабель. Демон. Или демонша. Интересно, у этих существ вообще есть пол?..

Через три часа, ровно в обозначенный срок, я стоял в кабинете Питера Кейтона в окружении двух белокурых девушек, одинаково тревожно взиравших на сидевшего в кресле мужчину. Питер вперил взгляд в одну точку и явно не видел никого из нас троих.

— Мистер Кейтон? — нарушил тишину я.

Питер не вздрогнул, не сфокусировал взгляда.

— Да, — ровно и бесстрастно произнёс он.

Я улыбнулся, бросая ободряющий взгляд на девушек.

— Всё хорошо. Он готов. Можете задавать вопросы.

— Что тебе известно о рукописи нашего прадеда? — тотчас спросила Аннабель.

— Она погубит моих дочерей, если кто-нибудь обнаружит её. В ней содержатся страшные сведения. Опасные... для людей.

— Ты когда-нибудь видел её?

— Да.

— И читал?

— Нет.

— Где она сейчас?

— Я не знаю.

Аннабель ошарашенно обернулась ко мне. Потом снова к отцу.

— Что значит, не знаешь? А кто знает?

— Никто. Моя жена знала, но она умерла.

— И она не сказала тебе??..

— Нет. Не имела права. Только моя дочь, Аманда, могла узнать, но она была ещё слишком мала.

Аманда вздрогнула при этих словах. Аннабель скосилась на сестру.

— Что?

— Ничего, — качнула головой Аманда, хмурясь. — Просто пытаюсь вспомнить, не говорила ли мне матушка чего-нибудь подобного... но нет. Нет. Это было бы важно — я бы запомнила.

Аннабель ещё мгновение пристально изучала сестру, потом медленно перевела взор на Питера.

— Ты сказал, что видел рукопись. Когда? Где?

— Давно. Лет пятнадцать назад.

— Где? — с нажимом повторила Аннабель.

Питер молчал.

— Где?!

— Я не помню, — хрипло выдавил он.

— Что значит, не помнишь?! — взъярилась белокурая демонша.

— Не помню... — повторил он, и руки его начали мелко подрагивать.

Аннабель устремилась к столу и, перегнувшись через него, прокричала Питеру прямо в лицо:

— Где ты — видел — рукопись?!!

— Я не помню-у-у-у!!!!... - взвыл Питер, отшатываясь от неё. Ножки кресла скрипнули по паркету, и в следующий миг раздался оглушительный грохот. Питер исчез из виду, Аманда вскрикнула, и мы одновременно бросились к столу.

Питер, рухнувший вместе с креслом, к нашему появлению уже успел кое-как выбраться из объятий злополучной мебели и теперь, поднявшись на колени, с суеверным ужасом смотрел на Аманду. Я не был уверен, узнавал ли он её: действие зелья ещё должно было длиться, однако кто знает, как такая встряска подействовала на него.

Питер протянул дрожавшую руку к Аманде, и та тотчас опустилась на колени возле него, ловя его ладонь в свои.

— Прости, — прошептал Питер, и теперь уже было видно, что он и впрямь узнаёт дочь. Но разум его ещё не окончательно освободился от влияния зелья, и потому в глазах его сожаление мешалось с безумием. — Я мог спасти тебя... Я мог... я должен был... у-У-У-У!!!!.. — взвыл он так резко и внезапно, что Аманда едва не отшатнулась от него, выпуская его руку. Питер сник, опуская голову на пол, и, всхлипывая, простонал: — Да простят меня боги... я должен был... убить ребёнка...

Я едва расслышал эти сбивчивые бормотания, но Аманда, сидевшая ближе, разобрала всё превосходно.

— Убить ребёнка?.. — непонимающе выдохнула она. И резко выпрямилась, натягиваясь струной. — Меня??.. Ты должен был убить — *меня*???

— Не вас, — тихо ответил я, мрачняя.

Вот это да, Питер. Вот это да.

Аманда обернулась ко мне с тёмным неверием в глазах.

— Что вы знаете? Да говорите же!..

Я качнул головой.

— Мне нечего сказать, мисс Кейтон.

Питер был прав: Аманде не стоило знать, почему он так стремился выдать её замуж. "Беременность освободит её от проклятья... Оно перейдёт к её старшей дочери..." И теперь я отчётливо понимал, какой именно план лелеял он в своих мыслях. Питер хотел избавить от проклятия не только Аманду. Он был намерен освободить весь её род.

Вот это да, вновь невольно промелькнуло в голове, видимо, взамен всех неспособных сейчас оформиться в слова мыслей. Не знаю, сумел бы Питер исполнить то, что задумал, но если да... меня передёрнуло. Даже для меня, повидавшего всякое, человек, способный убить безвинного младенца, казался страшнее любых демонов.

— Забудьте о том, что он сказал, мисс Кейтон, — проговорил я мрачно. — Это бред, вызванный остаточным действием зелья. Мистер Кейтон никогда никого не убивал. Его слова не имеют никакого отношения к действительности.

Аманда смотрела на меня неверяще, подозрительно.

— Какой смысл вам покрывать его? — спросила она наконец.

— Я не покрываю его. Я сказал вам правду. Я видел это много раз. Спустя ещё пару минут он впадёт в забытьё и очнётся через несколько часов без каких-либо воспоминаний о произошедшем.

— То есть, сейчас я уже не могу задавать ему вопросы? — напомнила о своём присутствии Аннабель.

Взглянув на неё и встретив её злобный жадный взор, я вновь невольно вспомнил о том, что передо мной не было ни Аннабель, ни Аманды. Только чужие. Демоны в их обличье. И впрямь, какой смысл был в том, чтобы покрывать Питера перед ними?..

Тем не менее на попятную я, разумеется, уже не пошёл.

— Нет, к сожалению, не можете. Он ещё в состоянии ответить вам, но сказанному уже нельзя будет безоговорочно верить.

Аннабель поджала губы.

— Жаль. Он ведь знает что-то. Как так вышло, что он не сказал правды?

Я пожал плечами.

— По-видимому, этим секретом он очень не хотел делиться. И это нежелание проявилось даже на уровне подсознания.

— Что если попробовать опоить его ещё раз?

Я качнул головой.

— Не думаю, что будет какой-то эффект.

Аманда поднялась с колен и воззрилась на меня.

— Значит, найдите способ получить этот эффект, — отчеканила она. — Иначе им займётся Орден, и тогда, боюсь, мы больше никогда не увидим нашего отца.

Интересно, к чему всё это представление, неожиданно подумалось мне. Ведь он никакой не отец для них — какое им до него дело? Зачем делать вид, будто он им небезразличен? Или это обязательное условие пребывания в чужом теле — заставлять людей вокруг думать, будто перед ними по-прежнему тот же человек?..

— Вы можете не играть передо мной так старательно, мисс Кейтон, — сказал я

спокойно. — Я знаю, что произошло. Я знаю, кто вы теперь.

Мгновение она взирала на меня неверяще и даже раздражённо.

— Знаете, кто я?.. — переспросила она свирепо. В глазах её мелькнули недобрые молнии. — В ваших же интересах убраться отсюда побыстрее, мистер Сандерс! Не вынуждайте меня показать вам, кто я!!..

Что-то в её тоне заставило меня подчиниться.

— Что насчёт оплаты? — обратился я к Аннабель уже на пороге.

Она махнула рукой.

— Получите. Теперь и правда лучше идите.

Я послушно ретировался, не желая попадать под горячую руку новоиспечённой демонше.

Уже подходя к дому, вспомнил о том, что ночевать мне опять предстояло в одиночестве: прошло уже два дня, но Акко по-прежнему не вернулся. Где он был сейчас?.. Не попал ли в передрагу?.. Конечно, глупо было переживать за кшахара — всё-таки не котёнок какой, сам с кем хочешь разберётся. И тем не менее я беспокоился. Ведь Акко никогда прежде меня не оставлял.

Я вошёл в тёмный дом, наощупь поднялся по лестнице, распахнул дверь в спальню — и застыл на пороге. Но всего лишь на миг — а потом бросился к постели и обхватил ладонями плоскую кшахарскую морду.

— Акко... родной... вернулся... — бормотал я, неуклюже обнимая его и забывая о том, что он был не в восторге от подобных телячьих нежностей. Впрочем, был ли?.. К Аманде он вон как ластился.

Акко ворчливо высвободился из моих объятий и, покрутившись, снова устроился на одеяле, закрывая глаза. Но меня ему было не провести. Я присел рядом и потрепал его шею.

— Стало быть, ты меня простил? — спросил осторожно.

Акко буркнул что-то в ответ.

— Я знаю, что они сделали с ней, — тихо продолжил я. — Белинда рассказала.

Акко открыл глаза и подозрительно уставился на меня.

— Они... обратили её, — воспользовался я удачным словом колдуньи. — Сделали одной из них. Такой же, как эти, в балахонах.

Акко уркнул, не то соглашаясь, не то уточняя, что же я думал по этому поводу теперь. Я печально скривил губы.

— Мне правда жаль.

Кшахар устало прикрыл глаза и сложил голову на одеяло. Я рассеянно гладил его по шее.

— Белинда обещала узнать, можно ли сделать что-нибудь, — сказал я спустя какое-то время, тихо, задумчиво. — Что-нибудь, чтобы вернуть душу обратно в её тело.

Акко уныло проворчал что-то. Смысла я, разумеется, не понял, но тон его меня не обнадёжил.

— Что ты вообще знаешь об этом? — спросил я, хотя и понимал, что вопрос останется без ответа. — Откуда ты знал, что они собираются сделать с ней?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Акко поднял на меня жёлтые глаза, но был не в силах изъясниться, и потому снова опустил голову.

В этот момент нас потревожил стук в дверь.

— Кого там ещё принесло? — недовольно поморщился я, поднимаясь.

А когда распахнул дверь, даже почти не удивился.

— Мисс Кейтон.

Кажется, это была Аннабель. Да, совершенно точно — Аннабель: она вошла, демонстративно не спрашивая разрешения, будто находилась в своём доме, а я был её слугой, и уверенно произнесла без предисловий:

— Мне нужно, чтобы вы продолжили поиски в особняке.

Я не сразу понял, что она имела в виду, а когда понял, с сомнением заломил бровь.

— Какие такие поиски?

— Не притворяйтесь идиотом. Поиски, для которых вас наняла Глэдис.

— Вот именно. Глэдис. Или вы думаете, что в случае её развода с Питером тоже сумеете откромсать для себя кусочек таинственного состояния?

Аннабель фыркнула.

— Какого такого развода, мистер Сандерс? Уже больше месяца прошло. Вы заметили какие-нибудь подвижки в этом деле?

— Не интересовался, — ответил я, хмурясь. Но ведь она была права: даже притом, что я и впрямь не любопытствовал по этому поводу, слухи и признаки назревающего скандала всё равно бы не прошли для меня стороной.

Аннабель улыбнулась.

— Глэдис не настолько глупа, чтобы разводиться с моим отцом. Что она может получить? Пресловутую часть его состояния? Зачем, если живя в его доме, она и так имеет всё что её душе угодно? Мистер Сандерс, признаюсь, я удивлена, что вы так легко поверили в подобные её мотивы.

— Вы не представляете себе, какие мотивы порой толкают людей на куда более странные поступки. Но раз Глэдис не собирается подавать на развод, то зачем ей было всё это? И для чего она искала тайник?

— Не она, — снисходительно пояснила Аннабель. — Тайник нужен Ордену, мистер Сандерс. И всю эту игру с разводом, запрятанными документами, да даже с газетой Глэдис вела исключительно по моей очень настоятельной просьбе, — закончила она с усмешкой.

Меня вдруг озарило.

— Вы пытались отвлечь внимание Питера от Аманды?

— Именно. И нам это вполне удалось. В другой ситуации, возможно, он и сам принял бы сопровождать мою сестрицу, да и избавлением её от недуга занялся бы куда настойчивей.

— Вам известно, как он собирался сделать это?

— Нет, — пожала плечами Аннабель. — А вам?..

— Тоже нет.

— Жаль. А, впрочем, какая разница. Ритуал мы-таки провели, и теперь меня больше ничто не интересует. Почти ничто.

— Кроме рукописи вашего прадеда?

Она улыбнулась.

— Верно. С вами приятно иметь дело, мистер Сандерс. Особенно когда вы не упрямятствуете по пустякам и не пытаетесь ставить мне палки в колёса.

— Что такого ценного в этой рукописи? Я имею в виду, если Питер наотрез отказался говорить о ней даже под воздействием зелья...

— В ней — всё. Вся возможная информация о свойствах нашей крови и о том, как

правильно использовать её.

— Использовать для чего?

— А вот это уже не ваше дело. Так что же? Готовы возобновить поиски? Учитывая, что тайник может находиться в доме где угодно, я ещё раз удвою гонорар, обещанный вам моей мачехой. Четверть получите уже сейчас, а оставшееся — в случае, если дело увенчается успехом.

Четыре сотни. Одна из которых — сейчас, независимо от исхода дела. Чёрт, как же заманчиво... Но связываться с Орденом, несмотря ни на что, у меня не было никакого желания. Даже за такие деньги — нет, ни за что.

— Вы ещё не выплатили мне предыдущий гонорар, а уже сулите следующий, леди Аннабель, — лениво заметил я.

Аннабель презрительно скривила губы и, вынув из-под плаща пачку купюр, протянула мне.

— Будете пересчитывать?

— Нет, что вы.

Деньги исчезли в моём кармане так же быстро, как появились из её.

— Что ж, тогда замечу, что сумма уже включает аванс за поиск рукописи. Приступайте, как только сможете, мистер Сандерс.

Я опешил.

— Я ещё не дал вам согласия на это дело!

Она рассмеялась.

— Что, будете ломаться, как девчонка? Бросьте. Я предложила вам баснословные деньги. Вы и сами знаете, что отказываться глупо.

— Я не стал бы отказываться, но... — я вынул деньги обратно и отсчитал сотню, лихорадочно соображая, что сказать в своё оправдание. — Быть может, Глэдис не сообщила вам, однако несколько недель назад Питер признался, что рукопись хранится не в особняке.

Аннабель усмехнулась.

— Разумеется, Глэдис сообщила, — снисходительно отозвалась она. — Но отчего вы так уверены, что Питер сказал правду? На мой взгляд, он просто попытался сбить вас со следа.

Знаю, подумал я обречённо. Знаю, но всё же... не хочу я снова связываться с вами, леди Аннабель. Не хочу. Мне вполне хватило того, что вы уже сделали с моей жизнью. Меня никто никогда не шантажировал, я никогда не поступался своими принципами ради чужой прихоти, и я всегда считал себя разумным человеком с грамотным взглядом на мир. Я был свободен от всего: от чужого мнения, от власти самовлюблённых толстосумов, от глупых страстей и предрассудков. И что же? Какая-то девчонка врывается в мою правильную жизнь и одним махом переворачивает всё с ног на голову. Посягает на мою свободу, на безопасность, даже на ход моих мыслей. Ну вот какая, скажите, мне польза оттого, что я видел этот ваш проклятый ритуал? Никакой. Совершенно. Мне жилось спокойнее, когда я не верил во всю эту религиозную чушь.

Нет уж, к чертям собачьим эти ваши интриги. Мне привычнее нормальные люди с обычными проблемами: семейными склоками, жадной наживы, стремлением к власти. Этих я понимаю. С этими я могу совладать.

Я протянул ей купюры.

— Возьмите, леди Аннабель. Боюсь, что я не смогу вам помочь. Найдите себе какого-

нибудь сыщика: у них с поисками дело обстоит куда лучше, чем у меня.

Аннабель сощурилась.

— То есть, вы отказываетесь? — уточнила она.

— Да.

Я боялся, что она вновь разозлится и будет мне угрожать. Но Аннабель лишь пожала плечами и взяла деньги из моих рук.

— Что ж, жаль, мистер Сандерс. Мне было бы приятнее, если бы вы сделали это.

Ну уж делать этой стерве приятное — последнее, к чему я стремлюсь.

— Всего хорошего, леди Аннабель, — сказал я и, лишь дождавшись, когда она выйдет, захлопнул дверь без всяких сожалений.

Стоит нам почувствовать, что человеку не за что нас уважать, — и мы начинаем почти что ненавидеть его.

Люк де Клапье Вовенарг

Она вернулась через несколько часов, и, признаться, вновь увидев её на пороге, я внутренне содрогнулся, не ожидая ничего хорошего.

— Что-то забыли, леди Аннабель?

Девушка лишь едва повела бровями, холодно глядя на меня.

— Моя сестра была здесь?

— Ох, — нет, ну надо же, я снова ошибся. — Мисс Кейтон.

Аманда не стала подтверждать очевидное.

— Чего Аннабель хотела от вас на сей раз? — голос её звучал холодно и отстранённо, но без презрения. Видимо, она старательно держала себя в рамках приличия, понимая, что грубостью не добьётся от меня желаемого, чем бы оно ни являлось.

Я повёл плечами, пропуская её внутрь и закрывая дверь.

— Просила продолжить поиски рукописи в особняке.

— И вы согласились?

— Нет.

На лице её мелькнуло удивление.

— М-м. Жаль.

— Вам жаль? — в свою очередь удивился я. — Не думал, что вы захотите лишний раз видеть меня в своём доме, мисс Кейтон.

— Разумеется, не захочу! — совершенно неожиданно для меня сорвалась она. — А чего ещё вы ждёте от меня?.. Вы предали меня, обманули моё доверие, растоптали собственные принципы — да что там, у таких, как вы, и нет никаких принципов вовсе, одни только красивые слова и ложь, ложь во всём... — она осеклась, когда я уже собирался остановить поток её эмоциональных обвинений, и нахмурилась: — Впрочем, неважно. Я пришла не к вам.

Мои брови поползли вверх.

— Не ко мне? — я насмешливо улыбнулся, прежде чем понял, о ком она говорила. Улыбка сползла с моего лица. — О. Гм.

— Я хочу увидеть Акко.

— Не думаю, что это возможно... — начал я, собираясь напомнить ей о том, что Акко не ладил с демонами, поселившимися в обездушенных человеческих телах, но не успел.

В этот момент что-то большое и чёрное пронеслось по лестнице и, едва не сбив меня с ног, застыло в полуметре от Аманды, вытягивая шею и пристально изучая её лицо.

Аманда не двигалась, встречая взор кшахара и позволяя ему рассмотреть её. Лишь

спустя полминуты она робко улыбнулась и тихо прошептала:

— Это я, Акко.

И, к моему невероятному изумлению, кшхар стремительно подался к ней, утыкаясь мордой в её плечо и позволяя Аманде обнять его за шею.

— Эй! — возмущённо и в то же время напуганно воскликнул я. — Акко, отойди от неё! Она же...

Я осёкся, так и не решившись бросить ей в лицо слово "демон". Всё-таки... бред. Это такой бред.

Аманда подняла на меня серые глаза, полные гнева и презрения.

— Что — я, мистер Сандерс? Вы уже второй раз за сегодня утверждаете, будто знаете, что случилось со мной. Так кто я, по-вашему? Вы считаете, теперь я одна из них?..

Я растерялся.

— Гм... думаю, да.

Аманда презрительно фыркнула.

— Нет.

Что-то в очередной раз перевернулось во мне в это мгновение. В душе всплеснулся странный порыв: податься к ней, потрогать, убедиться, что она говорит правду... я не сделал этого, разумеется, но ошеломления с лица стереть не мог. Аманда заметила это и рассмеялась.

— О, только не говорите, что это имеет для вас какое-то значение, мистер Сандерс! Вы отдали меня им, вы смотрели, как они проводят надо мной ритуал, и не сделали ничего, чтобы остановить их — и теперь вы думаете, будто я поверю в ваши угрызания совести?..

— Может быть, вы не поверите, но они есть, — неожиданно для себя признался я.

— Говорите, что хотите, мистер Сандерс. Мне до вас больше нет дела, так же, как и вам никогда не было его до меня.

— Аманда... — начал я, но она демонстративно отвернулась, игнорируя даже моё фамильярное обращение.

Извинения, которые я хотел было промямлить, застряли у меня в горле.

— Акко, дружок, прогуляешься со мной? — тем временем ласково спросила она, и кшхар, не колеблясь, радостно дёрнул сложенными крыльями, выражая согласие. Аманда, к моему удивлению, поняла его верно. Когда только успела научиться?..

— Ну вот и отлично. Пойдём.

— Куда это? — тоном строгого отца поинтересовался я.

— Не ваше дело, — ответила Аманда.

— Ещё как моё!.. Да что вы себе позволяете!.. Акко!!..

Кшхар удостоил меня такого взгляда, что трудно было не понять: не отпусти я его сейчас, рисковал снова потерять друга.

Я обречённо вздохнул.

— Хорошо, идите, — проговорил уже мягче, хотя это никого и не интересовало. — Можно хотя бы узнать, когда он вернётся?

— Через несколько часов, — ответила Аманда не оборачиваясь.

Остановившись на ступенях, я наблюдал, как Акко вновь удаляется от меня по залитой лунным светом улочке. Он шёл рядом с ней — шёл, переваливаясь на своих неприспособленных для длинных прогулок лапах, и кончики его сложенных крыльев волочились по земле, оставляя в пыли неровные полосы. Аманда смеялась и что-то тихо

говорила ему, и хотя слов разобрать я не мог, я ощущал разительное отличие её тона от того, которым она всего минуту назад обращалась ко мне.

Они так и исчезли из виду, вышагивая подле друг друга, а я... я стоял один на пороге своего дома и думал, что ещё никогда моя жизнь не казалось мне такой омерзительной и опостылевшей, как в это мгновение. Какой же дьявол дёрнул меня связаться с этой семейкой?.. За что судьба так безжалостно посмеялась надо мной?..

Проклятье.

Нечестное, совершенно не заслуженное мной проклятье.

В отчаянии пнув ногой перила, я резко развернулся и, шагнув через порог, злобно захлопнул за собой дверь.

Когда вернулся Акко, я не знаю, но утром, проснувшись, я обнаружил его лежавшим в гнезде из одеяла в привычном для него углу.

— Ну что, хорошо погулял вчера со своей подружкой? — поинтересовался я холодно, и Акко, притворявшийся спящим, спустя пару мгновений всё же открыл глаза и посмотрел на меня.

Выражение его морды было укоризненным. Вот уж не знаю, как он это делал: по мне так у ящериц экспрессии в мимике вообще не должно быть. И тем не менее укоризну в его глазах сейчас я читал без сомнений.

Натянув через голову рубашку, я хмуро скосился на него.

— Ну и что ты так смотришь? Ты даже не знаешь толком, кто она теперь. Не одна из них? Я не знаю. Она может утверждать, что хочет, но Белинда всё рассказала мне про суть этого ритуала, и я видел, что происходило с её глазами, когда...

Акко фыркнул и сладко потянулся, раскрывая крылья, тут же занявшие почти всё свободное пространство.

Я помолчал немного, разглядывая его.

— Ты правда так думаешь?

Акко невинно уставился на меня, словно не понимая мой вопрос. Я вздохнул.

— Что она — не такая, как все эти ненормальные. Что она не начнёт вдруг лазать по стенам или сжигать наш дом ради какого-то каприза...

Акко поднялся на все четыре лапы и внимательно уставился на меня. Потом медленно и неуклюже качнул головой, всего один раз. Этот жест был не слишком удобен для него, очевидно, и потому он крайне редко прибегал к нему — только для того, чтобы сказать мне что-нибудь действительно важное. И сейчас, удержав его взгляд ещё на пару мгновений, я наконец сдался.

— Что ж, хорошо. Одной проблемой меньше.

Акко недовольно проворчал что-то и повернулся, чтобы я надел на него седло.

— А это что такое? — хмыкнул я, снимая с чешуи присохшую траву.

Хотя нет, не траву, понял спустя секунду. Водоросль. От ехидства я, разумеется, не смог удержаться.

— Ты, что же, рыбу ей ловил? Или жемчуг добыть пытался?

Акко небрежно фыркнул.

— А, нет, наверное, вы купались при луне, — продолжал подначивать я. — Очень романтично.

Акко оставался на вид невозмутимым, только хвостом дёрнул, но я-то знал, что это — верный признак его раздражения. Беззлобно усмехнувшись, я потрепал его по шее.

— Ладно, кавалер чешуйчатый, полетели завтракать. У нас с тобой работа через пару часов, если уже не помнишь.

В том, что Акко помнил, я, впрочем, не сомневался: память у кшхаров хорошая. Дельце было бросовым и недорогим, работы предполагалось всего на пару часов, и тем не менее, когда вчера знакомый старого клиента попросил меня об услуге, я согласился, почти не раздумывая. Не все так щедры на масштабные затеи, как треклятый Орден, а жизнь между тем продолжается, и средства к существованию нам нужны, как всегда.

Как я и предполагал, работёнка оказалась ерундовой. К обеду мы уже управились с ней, а после я решил заглянуть к Белинде — сказать ей, что расспрашивать о противодействии ритуалу было уже бессмысленно.

Вчера вечером я окончательно утратил понимание того, что произошло с Амандой, но она была жива и, кажется, вполне невредима. Во всяком случае, Акко считал её таковой и, похоже, больше не злился на меня за произошедшее.

Что касается самой Аманды, то она взирала на меня с таким презрением, что сейчас не казалась мне исключением из своей полоумной семейки. Связываться ни с кем из Кейтонов мне больше не хотелось, и это в полной мере относилось и к Аманде. А раз так, то какое мне вообще дело до всяких там ритуалов?..

Белинда в ответ на моё заявление сдержанно промолчала, однако я всё же различил удивление на её лице. Почему-то это отозвалось во мне раздражением.

— Что не так?

Она качнула головой и ненатурально улыбнулась.

— Всё в порядке, Эдж.

— Тебя что-то удивляет?

Белинда повторила свой жест.

— Нет. Ну, разве что немного. Когда ты рассказывал мне обо всём позавчера, мне показалось, будто ты тревожишься об этой девушке.

Я помолчал немного. Передёрнул плечами.

— Мне было не по себе оттого, что я чувствовал свою вину в этом происшествии. Но сейчас я убедился, что ничего страшного с ней не случилось, так о чём теперь мне тревожиться? Аманда мне не сестра и не подруга, и она едва ли жаждет видеть меня в своей жизни, так что какого чёрта мне тревожиться о ней?

Конец предложения получился неожиданно злобным. Белинда, не выдержав, улыбнулась уголками губ, и это отчего-то разозлило меня ещё больше.

— Ох, только не смотри так, будто ты понимаешь что-то!.. — воскликнул я. — Вы, женщины, всегда мните себя такими проницательными... полагаете, будто знаете всё и обо всех...

— Обо всех — не думаю, но с тобой мы знакомы давно, Эдж. И я знаю тебя: ты злишься только тогда, когда понимаешь, что серьёзно напортачил.

— Что ж, — огрызнулся я, — да, я напортачил, но всё уже обошлось. Акко верит, что душа Аманды осталась при ней, все счастливы, что ещё нужно?

Белинда только улыбнулась той самой улыбкой, которая ясно говорила: "я знаю что-то, чего не знаешь ты".

Я обречённо вздохнул. Нет, я очень ценил Белинду, но иногда она становилась просто

невыносимой. Особенно когда пыталась вести себя, как загадочная и умудрённая опытом женщина.

Вечер для меня прошёл скучно и незаметно. Посетителей, слава богам, на этот раз не было, и в особенности, разумеется, я радовался отсутствию в своей жизни кого-нибудь из Кейтонов.

Где-то за четверть часа до полуночи меня разбудила чья-то возня. Я приоткрыл глаза и увидел, как Акко отчаянно пытается протиснуться на улицу сквозь окно. Раму, которой полагалось скользить кверху, по-видимому, опять заклинило, и проём был слишком узким, а отодвинуть створку дальше Акко не мог.

— Погоди, сейчас помогу, — пробормотал я, нехотя выбираясь из постели.

Акко, к моему удивлению, вздрогнул, будто его застали на месте преступления, и уже в следующий миг я понял, почему.

Мой кшхар собирался вовсе не на охоту. В его зубах было неуклюже зажато седло.

— Так-с, — я грозно скрестил руки на груди и шагнул к нему. — И куда это мы направляемся? Не слишком ли зачастили со свиданиями, голубки?

Акко попытался изобразить невинность — мол, что такого, но на меня это впечатления не произвело.

— И чего она от тебя хочет? А ты в самом деле ей веришь? Ты понимаешь, что теперь она, вполне вероятно, работает на Орден? Ты ведь знаешь, что от них ничего хорошего не стоит ждать?

Кшхар, рассыпаясь в обилии интонаций, урчал в ответ на мои вопросы так же беспрерывно, как я задавал их. Седла из зубов он при этом не выпустил и маленькими шажками пятился назад, в то время как я властно наступал на него. Весьма быстро, благодаря размерам комнатки, он упёрся задом в стену, и отступать ему стало больше некуда.

Я грозно навис над ним.

— Ну, и что ты скажешь в своё оправдание?

— Урр-рырх! — выразительно высказался он.

Я нахмурился, стараясь скрыть невольную улыбку.

— Всё ясно, — веселье моё, впрочем, быстро сошло на нет. Я присел напротив кшхара и вынул седло из его зубов. Акко сидел тихо и не сопротивлялся. — Ты ведь понимаешь, дуралей крылатый, что с Орденом шутки плохи, правда?

Акко активно забурчал, протестуя. Видимо, пытался сказать, что к Ордену их встречи не имеют никакого отношения.

— Это ты так думаешь. Но ты понятия не имеешь, кто она теперь. Демоны или нет, не посмотри на Аннабель: по уверениям всех, кто знал её, она никогда не проявляла себя такой сумасшедшей стервой, пока над ней не провели ритуал. Так откуда тебе знать, что сейчас творится в голове у Аманды?

Акко явно был со мной не согласен. Крылья его задёргались, хвост несколько раз ударил об пол. Я сжал губы.

— Дуралей, — снова повторил, не зная, что ещё сказать. — Не пушу тебя никуда.

Это заявление привело Акко в истовую ярость. Он ощерился, потом схватил седло и устремился к окну, замирая у слишком узкой для него щели. Р-раз! — и он двинул носом по стеклу, давая понять, что если я не выпущу его в ту же минуту, он расколошматит моё окно к чёртовой бабушке.

— Эй! — грозно возмутился я. — А ну, успокойся! Мне тут ещё спать, между прочим! И без тебя ущерба в доме хватает — проклятая гарь всё не выветрится никак...

Акко в нетерпении забил хвостом.

— Ну и что мне с тобой делать? — спросил я.

Акко весьма недвусмысленно продемонстрировал мне свою версию ещё раз. Правда, уже чуть мягче, но всё так же решительно.

— По крайней мере, скажи, куда вы собираетесь.

Акко посмотрел на меня снисходительно и хитро: я, мол, говорить не умею, как я тебе скажу? Я улыбнулся с ласковой угрозой.

— Ну, брось. Вариантов немного. К морю?

Подавленный согласный урк.

— Ну, вот видишь. Куда именно? К расщелине? К смотровой площадке? К маяку?

На последний вопрос я получил утвердительный ответ и удовлетворённо улыбнулся. Маяк, значит. Что ж.

Мы с Акко всегда любили это место: стоявший на возвышении, довольно близко, но всё же как будто отдельно от города, старый и уже заметно осыпавшийся от времени, маяк был заброшен лет пятьдесят тому назад. Кто-то из властителей города тогда признал его существование затратным и нецелесообразным и был совершенно прав: порта в Виндсхилле не было из-за неприступности обрывистых скал вокруг, а дальше, в ледяном море, корабли тоже не ходили. Так или иначе, маяк был оставлен без дела, скалистый берег вокруг него стал необитаем, и мы с Акко, бывало, проводили длинные летние вечера, уплетая у подножия каменной башни сытный ужин и любуясь столь редкими для Виндсхилла красивыми закатами.

Всё бы ничего, но сейчас — не лето и не вечер. А зимой площадка, на которой стоял маяк, продувалась безжалостными ветрами, и что могло заставить девицу устремиться туда посреди ночи, я себе не представлял.

Впрочем, с Акко своими сомнениями я решил не делиться.

— Ладно, — сообщил примирительно, подёргав оконную створку и распахивая её настежь. — Лети уж.

Акко благодарно уркнул и, выскользнув наружу, тотчас исчез из виду.

Я обернулся и бросил взгляд на уютную постель, лишь печально вздыхая. Вот верно говорят, все мужчины как дети. И к кшахарам, похоже, это тоже относится. А мне теперь, вместо того, чтоб видеть десятый сон под одеялом, придётся тащиться к маяку — присмотреть за наивным и влюблённым младшим братом...

Мне повезло: маяк был куда ближе к нашему дому, чем к особняку Кейтонов, а поскольку Акко, как истинный джентльмен, встречал даму сердца у порога её дома, мне хватило времени, чтобы добраться до места и постараться спрятаться так, чтобы кшахар не учуял меня с очередным неудачным порывом ветра. Чертыхаясь и проклиная обвалившиеся кое-где ступени, я взобрался на верхнюю площадку маяка и устроился там, скрываясь и от ветра, и от прозорливых взглядов. Надеюсь, замёрз я достаточно, чтобы Акко случайно не обнаружил меня по теплу. Впрочем, насколько мне было известно, способности кшахара не доходили до того, чтобы видеть — как угодно — сквозь толстенные каменные стены, так что об этом аспекте своей маскировки я не слишком уж беспокоился.

Прошло, наверное, минут десять, прежде чем я увидел их силуэты на фоне пелены облаков, слегка подсвеченных рассеянным сиянием луны. Надо отдать должное, для первого раза мисс Кейтон держалась в седле весьма сносно, хотя и Акко, конечно, был крайне осторожен: за те две минуты, что они приближались, я не заметил ни одного резкого поворота, ни одного слишком быстрого движения. Он нёс её бережно, словно принцессу.

Я ожидал, что они приземлятся на площадку возле маяка, но вместо этого Акко вдруг взял ниже и нырнул за скалы, к пенившемуся внизу морю.

Вот интересно, подумал я. И что они там забыли?

Прошла минута, затем другая. Пять, десять минут, но они всё не появлялись. Я уже начал беспокоиться ёрзать на месте, размышляя, стоит ли спуститься и проверить, всё ли в порядке, как вдруг Акко со своей хрупкой наездницей взмыли над кромкой обрыва и в несколько кшахаровых шагов плавно приземлились недалеко от подножия маяка. Аманда неуклюже сползла на землю, и даже издали было видно, что она порядком вымоталась с непривычки.

— Прости, дружок, — донёсся до меня её мягкий голос, и я увидел, как она нежно треплет Акко по голове. — Устала немного.

В какой-то миг у меня промелькнула мысль, что эти их встречи и впрямь были донельзя невинными, и Акко исключительно из нежных чувств возил девушку у себя на спине; но факты говорили против этого. Почему ночью? И почему здесь, за обрывом, у острых скал, где, упав она вдруг — несомненно разбилась бы насмерть?

И следующая фраза Аманды лишь подтвердила мои опасения.

— Всё запомнил? Не перепутаешь? — спросила она и вдруг прильнула к кшахару, обвивая руками его шею. — Ох, Акко, мне так страшно... но я верю тебе. Правда верю.

Больше она не сказала ни слова. Спустя несколько минут она вновь взобралась в седло, и Акко, очень плавно поднявшись в воздух, понёс её куда-то в сторону города. Очевидно, домой.

Что ж, это значит, и мне пора возвращаться. Нельзя позволить Акко догадаться, что я был здесь.

Бывают в жизни положения, выпутаться из которых можно только с помощью изрядной доли безрассудства.

Франсуа де Ларошфуко

Ложиться в постель взмыленным от бега и пахнувшим улицей не было смысла: это бы только зародило в голове кшахара ненужные подозрения. Поэтому, оказавшись дома, я сбросил плащ, стянул с кресла старый плед, а из бара — бутылку дешёвого бренди и, укутавшись потеплее, уселся на ступени у входа.

Акко появился спустя минут пять и, заведев меня, свернул вниз и приземлился у входа. Взор его был вопросительным и немного тревожным.

— Вернулся? — констатировал я равнодушно.

Акко подобрался ближе и, взобравшись по ступеням, ткнулся мордой мне в локоть.

— Да не злюсь я, — мой тон был и впрямь безразличным, но Акко почему-то упрямылся и не отставал. Передёрнул крыльями, уркнул и снова ткнулся в меня носом.

Я отставил бутылку, из которой успел лишь немного хлебнуть для запаха, и стиснул чешуйчатую шею одной рукой.

— Ну, чего ты? Сказал же, что всё в порядке. Просто не спалось. За тебя волновался.

Акко фыркнул, словно говоря, что уж это-то было просто нелепо. Однако здесь я и впрямь не солгал, и потому нахмурился и качнул головой.

— Зря смеёшься. Я почти уверен, что её интерес к тебе отнюдь не бескорыстен.

Да что там, уверен — я знаю наверняка.

Акко пробурчал что-то невнятное, но тут мне уже было сложно разгадать его аргументацию. Может, он хотел сказать, что и сам знает, но всё же помогает ей... почему?.. Чем она так зацепила его — обыкновенная избалованная девчонка из богатой семьи, искусственная и надменная, как и все остальные?..

Что ж, да, признаюсь, я и сам чувствовал, что слова, которые я подбирал в своих мыслях, в действительности имели к Аманде Кейтон мало отношения. Избалованная? Без матери, с полоумной сестрой и отцом-извращенцем? Да нет, вряд ли. Искусственная?.. Перед моими глазами вдруг вспыхнул её образ — такой, какой я видел её на приёме, выдавая себя за лорда Уимбли. Чёрт возьми, да во всей той комнате Аманда была самой настоящей из всех...

— Эй!.. — я очнулся от размышлений, когда Акко, перегнувшись через мои колени, ловко схватил в зубы начатую бутылку бренди и тараном устремился в приоткрытую дверь, своим натиском распахивая её настежь.

— А ну, стой!.. Вот морда бессовестная...

Сделать ещё хотя бы глоток Акко мне так и не позволил, хотя я, признаться, и боролся-то за трофей исключительно для виду. Затея моя уже удалась, крылатый друг ничего не

заподозрил, а лишний спирт в венах теперь только привёл бы меня к ещё более странным и ненужным мыслям, чем те, что минутою назад занимали мою голову.

Не знаю уж, что там задумала Аманда на пару с моим кшхаром, но думать о ней как о несчастной жертве и жалеть её, подобно сердобольному Акко, я уж точно не собирался.

Следующий день прошёл беспокойно, но почти незаметно. Акко вёл себя, как истинный паинька, и это не могло не настораживать меня. С каждым часом я всё чаще ловил себя на том, что слежу за каждым его движением, ожидая, что он вот-вот умыкнется прямо из-под моего носа и со всех ног помчится исполнять коварные замыслы Аманды.

Этого не случилось, по крайней мере, до самого вечера. Мы вместе поужинали, как обычно, заказав с собой горячие свёртки в одной из любимых таверн; потом я принялся читать свежую вечернюю газету, а Акко, к моему удивлению, устроился рядом и тихо примостил голову мне на колени.

Какое-то время я ещё пытался делать вид, что читаю, но в конце концов не выдержал и, отложив шуршащие листы, склонился к кшхару.

— Эй. Что с тобой?

Он поднял на меня безмолвный взор, печальный и как будто извиняющийся за что-то, чего я не мог понять. У меня вдруг отчаянно кольнуло в груди.

— Что такое, дружок?.. — я скользнул пальцами по его голове, глядя на него со всем вниманием, на которое был способен.

Знаю, даже если бы захотел, Акко не смог бы мне ответить, но что-то подсказывало мне, что он не стал бы в любом случае. Я раздосадованно сжал губы.

Ну вот и у него появились от меня секреты. Стоило мне всего лишь раз ошибиться... даже не обмануть его — просто недоговорить. Обойти вниманием всего одну деталь, которая корбила и меня самого, но на которую я сознательно решил не обращать внимания, поскольку не видел для себя иного выхода.

Меня ведь вынудили. Загнали в ловушку. Поставили в тупик.

Акко тихо уркнул и отвернулся, снимая голову с моих колен. Покрутился немного, улёгся, потом снова встал и вновь принялся кружить на одном месте, не в силах выбрать позу, которая успокоила бы его. Взгляд на часы — помилуйте, кто бы знал, что кшхары способны разбираться в движении стрелок. Снова возня.

Я посмотрел на часы следом за Акко. Половина девятого. Сдержать вздох было трудно.

— Ты снова собираешься к ней? Рановато сегодня.

Взгляд Акко сделался виноватым. Чёрт, что бы они ни задумали, исполнение плана явно было назначено на этот вечер.

Я спустился с кресла и уселся на колени, оказываясь на одном уровне с кшхаром. Тихо и как можно мягче спросил:

— Я могу чем-то помочь?

Акко удивлённо замер на мгновение; потом очнулся и медленно мотнул головой.

Нет.

Ясное и очень твёрдое нет.

Мне сделалось горько. Я отвёл глаза.

— Что ж. Раз торопишься — лети.

Я поднялся и снял с крючка седло. Обернулся, встречая настороженный взор кшхары.

— Ну, что? Помочь пристегнуть или сами справитесь?

Акко ещё мгновение взирал на меня, потом тихо выдохнул через ноздри и понуро приплёлся к моим ногам. Не говоря ни слова, я закрепил седло на его спине и подёргал стропы для надёжности. Отступил.

Акко виновато смотрел на меня.

— Иди, — проговорил я. И повторил настойчивей: — Иди, чёрт возьми, не заставляй меня нервничать!

Акко вдруг подался ко мне и, кажется, хотел было ткнуться мордой мне в живот — жест невыносимый в отношении меня и оттого ещё более пугающий — когда внизу вдруг отчётливо раздался стук в дверь. Акко вздрогнул и замер на полпути, взгляды наши на миг встретились. Стук настойчиво повторился.

— Я открою, — тихо сообщил я, словно пытаюсь сказать, что беседа наша ещё не окончена, что я вернусь и ожидаю ещё увидеть его здесь; но в то же время я хорошо понимал: не увижу.

Момент прощания был упущен безвозвратно, но может, это было и к лучшему.

Мне не хотелось думать, почему Акко прощался со мной *так*.

Спустившись вниз и распахнув дверь, я обнаружил на пороге мальчишку-оборванца, из тех, которые с удовольствием готовы доставить какую-нибудь малозначимую записку за гроши. За этим, собственно, он и оказался здесь, и, уточнив:

— Вы — мистер Сандерс? — протянул мне свёрнутую в трубочку бумажку и был таков.

Не предчувствуя ничего хорошего, я развернул записку.

"Любезный мистер Сандерс, — значилось в ней. — Поскольку Акко не сумеет внятно объяснить вам всё сам, эта обязанность лежит на мне как на человеке, чью последнюю волю он великодушно согласился исполнить".

Прочтя это, я невольно вздрогнул. Последнюю волю??.. Что значит...

"Я не стану раскрывать вам все подробности дела, которое ему поручила, однако не сомневаюсь, что оно займёт у него несколько дней, а может быть, и недель. Не беспокойтесь о нём, на сколько бы он ни задержался. Даю вам слово, что всё это время он будет находиться в безопасности и вернётся к вам целым и невредимым. Не сомневайтесь, не в моей привычке нарушать данные обещания, и тем более я не нарушу того, которое, я знаю, станет последним".

Последняя воля, последнее обещание... холодный тон, ни грамма сожаления и даже шпилька в мой адрес на последних словах.

Что ж, чёрт меня дерит, кажется, я знаю, что за план приготовили на сегодня Акко и Аманда.

Снова взмыленный и задыхающийся от спринтерской пробежки, на этот раз я едва успел скрыться в старой башне, прежде чем был бы замечен кем-нибудь из главных действующих лиц готовившегося представления.

Когда я наконец добрался до верхней площадки и устроился во вчерашнем наблюдательном пункте, берег уже не был пуст: в десятке шагов от маяка, хрупкая и решительная, в хлопающем на ветру плаще, стояла Аманда.

Акко не было видно, но я не сомневался, что он был где-то неподалёку. Не сомневался и в том, что это именно он снова принёс её сюда.

Разглядывая Аманду в ожидании надвигающегося действия, я не смог сдержать усмешки, снисходительной, но в то же время не лишённой и одобрения. Какова всё-таки девчонка... смелая. Решительная. Да и не глупая совсем. Мотивы её действий, правда, пока были мне не до конца понятны, однако уже то, что она решилась на подобный спектакль...

Размышления мои были прерваны показавшимися гостями. Я понял, что они появились, прежде чем сам увидел их: Аманда заметно напряглась и натянулась струной, устремляя взгляд к единственной ведущей на площадку тропинке.

— Странное место ты выбрала для встречи, сестричка, — послышался голос Аннабель, и теперь я увидел её, как обычно окружённую немногочисленной свитой. Сейчас возле неё шагало трое бледнолицых в рясах.

— Я выбрала его не случайно, — ответила Аманда. — И, надеюсь, скоро вы поймёте, почему.

Аннабель бросила заинтересованный взгляд на маяк, но не стала задавать вопросов.

— Что ж, мы здесь и слушаем тебя. Ты сказала, у тебя хорошие новости?

— Думаю, да, — Аманда вздохнула и, собравшись с силами, произнесла: — Энни, я знаю, где находится рукопись.

Аннабель издала ликующий возглас.

— Молодец! Тебе удалось расколоть его?..

Аманда качнула головой.

— Отец не знает. И не знал никогда. Мама никогда бы не рассказала ему об этом. Она могла передать тайну только мне. Только той, кому она передала дар крови.

— И?.. — с нетерпением поторопила её Аннабель.

— И я вспомнила, как в детстве она рассказывала мне сказку. О тайной комнате, в которой хранилось важнейшее сокровище нашего рода...

— Где, Мэнни?? Ну, не тяни уже!..

Аманда улыбнулась.

— В её родовом замке, Энни, где же ещё?.. Правда, точного места я не знаю. Не отложилось в памяти.

— О, ничего, — довольно протянула Аннабель. — Вместе мы без труда разыщем его, правда?

Аманда помолчала мгновение. Потом качнула головой и тихо ответила:

— Нет.

Аннабель моргнула, видимо, полагая, что ей послышалось.

— Что?..

— Нет, Энни, — повторила Аманда. — Я сказала вам, где рукопись, чтобы вы зря не пытали отца... он не знает и не мог знать, и вы только зря сгубили бы его жизнь.

— Я не хотела, чтобы они пытали его, ты ведь знаешь! — защищаясь, воскликнула Аннабель.

Аманда безразлично повела плечами.

— Может быть. Но что вы сделаете со мной, когда найдёте рукопись?

Аннабель сделала шаг к сестре, и Аманда, будто её тень, отступила назад.

На шаг ближе к обрыву.

— Мэнни, не будь упрямой идиоткой, — в голосе Аннабель послышалось раздражение. — Я уже говорила тебе, и я могу повторить теперь, при них: никто ничего не сделает *с тобой*. Всё, что мы сделаем, когда отыщем записи, мы сделаем вдвоём, вместе.

Твоя кровь — это дар. Ты можешь получить всё, Мэнни, понимаешь? Всё. Могущество, какое не снилось и королям. Силу. Смысл существования. Слуг, таких, как они, — Аннабель презрительно повела рукой в сторону своей свиты, — сколько захочешь. Сотни. Тысячи.

Аманда печально качнула головой.

— С каких пор ты стремишься властвовать над ними, Энни? Ты ведь никогда не хотела *такого* смысла в своей жизни.

— Значит, была глупа. Так же, как сейчас глупа ты. Впрочем, это неважно. Придёт время, и ты поймёшь... и тогда я встану подле тебя и помогу тебе подняться на вершину. Пока же я буду просто охранять тебя от тебя самой.

— Нет, Энни, — проговорила Аманда, медленно, отчаянно и обречённо.

Это финал, понял я. И был прав.

— Прости, но уже никогда... не будешь.

И с этим Аманда вдруг резко обернулась и, не колеблясь ни секунды, сорвалась с места, решительно устремляясь к кромке скал, за которыми в непроглядной тьме бушевало всеильное море.

— МЭННИ!!!.. — крик Аннабель, полный искреннего ужаса, прорезал пространство вокруг.

Она бросилась вслед за сестрой, но расстояние, разделявшее их, ей было уже не преодолеть. Ей — но не одному из бледнолицых.

Впервые я наблюдал со стороны, на что были способны эти создания, и увиденное заставило меня заледенеть от безотчётного ужаса.

Быстро. Невозможно, почти неуловимо, так, что даже глазу было почти не различить его движений.

Аманда прыгнула в бездну, раскрывая руки, будто птица — крылья. Бледнолицый преследователь, не успевая затормозить, с воем сорвался за ней.

Мгновения.

Всплеск.

Ещё один, чуть более тяжёлый.

Вой оборвался, уступая место зловещей тишине.

— МЭННИ-И-И!!!!...

Аннабель рухнула на колени в нескольких шагах от обрыва, не в силах заставить себя приблизиться и посмотреть вниз. Безудержный рёв вырвался из её груди — не злость и разочарование, но только боль, и ужас, и отчаянное неверие. Она согнулась пополам, корчась на камнях, бессознательно царапая руками собственную грудь, и рыдала. Рыдала.

И даже мне, знавшему, что всё увиденное только что было не более, чем прекрасно разыгранным спектаклем, — даже мне стало искренне жаль её.

Кем бы ни была Аннабель, что бы она ни была намерена сделать со своей сестрой, она никогда не желала ей зла. По-своему, исходя, быть может, из неверных предпосылок, она всё же стремилась только спасти Аманду.

Один из бледнолицых подступил к обрыву и равнодушно взглянул вниз.

— Темно, — заключил он. — Ничего не видно. Хотя... кажется, что-то мелькает. Бьётся о скалы на волнах.

Аннабель издала полный мучения звук и подняла голову, взглядывая на подчинённого с ненавистью.

— И что ты стоишь?! Лезь вниз! Оба лезьте!!..

Бледнолицый обернулся к ней с выражением презрения.

— Что вы сказали?

— Лезьте вниз!! — в исступлении повысила голос Аннабель. — Она может быть ещё жива... достаньте её и поднимите сюда! Сейчас же!

— При всём уважении, — последнее слово бледнолицый выплюнул так, что было очевидно: ни о каком уважении речи и не шло, — это безумие. Если бы там возможно было выжить, Раанхыш уже стоял бы перед нами сейчас.

— Этот идиот сорвался вниз, а я требую от вас спуститься!..

— В темноте по отвесным влажным скалам? Лезьте сами, дорогая леди Аннабель.

— Ты посмеешь не подчиниться моим приказам?! — взъярилась белокурая девушка.

— Посмею, — невозмутимо осадил её собеседник. — И не сомневайтесь, Совет оправдает меня.

— Ты рискуешь навсегда лишиться нас единственной, кто обладает даром крови!! Да Совет разорвёт тебя прямо в зале суда!..

— В вас говорит не разум, а родственная кровь, леди Аннабель. Вы поймёте, что я прав; возможно, уже завтра утром. Тогда и поговорим.

С этим бледнолицый развернулся и, кивнув второму, всё это время стоявшему молчаливо и недвижимо, будто статуя, направился прочь.

Аннабель осталась сидеть на холодных камнях.

Ещё долгие минуты я слышал её всхлипы, и рыдания, и имя сестры, которое в сотый раз неразборчиво срывалось с её губ. В какой-то миг она подползла к обрыву и, преодолевая ужас, всё же заглянула вниз. Сначала лишь на миг, потом, спустя минуту, ещё раз, уже более решительно. Что она видела там, мне не было известно, однако в последующие минуты Аннабель ещё несколько раз смотрела вниз, будто с надеждой и страхом одновременно.

Не знаю, сколько мы просидели вот так, запертые каждый в своей темнице. Конечности мои затекли, и я то и дело пытался поменять позу, при этом не поднимаясь во весь рост. Конечно, маловероятно, что Аннабель могла сейчас заметить меня, как и вообще что-нибудь вокруг, но рисковать я не решался.

В какой-то момент, когда я в очередной раз отчаянно ёрзал на холодных каменных плитах, меня заставил вздрогнуть резкий возглас, донёсшийся снизу:

— Чёрт! Сандерс...

Я резко нырнул вниз, прежде чем понял, что увидеть меня в последние полминуты она не могла: пытаюсь изменить положение, я пригнулся, полностью скрываясь от взглядов с берега. Осторожно приподнявшись, я выглянул наружу и увидел, как Аннабель, подскочив с места, почти бегом устремляется в сторону города.

Только теперь я понял, что за мысль озарила её, пусть и поздновато для спасения уже кого бы то ни было. Если даже вездесущие бледнолицые демоны не стремились лезть вниз по скользкому обрыву за чем-то крайне важным для них, то у Аннабель и впрямь оставался единственный разумный выход: попросить помощи у того, кто был способен добраться куда угодно благодаря крыльям кшахара.

Аннабель быстро скрылась из виду. Для верности я выждал ещё пару минут, потом принялся спускаться и сам. Когда я наконец вышел из башни, берег был безмолвным и пустынным. Я огляделся вокруг, убеждаясь, что другим нежданым свидетелям спрятаться было негде; потом подошёл к обрыву и, третьим за сегодняшнюю ночь, заглянул вниз.

Не знаю, что там видели Аннабель и этот её непокорный прислужник, но перед моим

взором сейчас не было ничего, кроме тёмных, недружелюбных скал и почти неразличимых волн далеко внизу. Немного постояв так и ещё раз оглядевшись для успокоения, я вновь обернулся к обрыву и прокричал:

— Акко!

Ответом мне была тишина.

— Ну, бросьте, оба. Я знаю, что вы там. Можете выбирать. На берегу не осталось никого из тех, кого вы не желали бы видеть.

Я подождал минуту, другую, делая скидку на то, что Аманде было всё ещё непривычно взбираться в седло.

Но прошло время, а из стыллой темноты так никто и не появился. Ни звука — лишь завывание ветра и мерный шум невидимых волн.

— Акко, чёрт тебя дери!! Не заставляй меня нервничать!!

Молчание.

Холод расползся по моей спине в тот миг, когда я уже начал верить, что ответа не будет. Что я ошибся, и что Аманда действительно оказалась достаточно храбра и безумна, чтобы покончить с собой. Что никакого Акко там, внизу, никогда и не было.

— Если вы сейчас же не выползете из какой бы то ни было норы, в которой вы прячетесь, я отправлюсь прямиком в Орден и расскажу Аннабель о том, что вы провернули!! Она наймёт какого-нибудь удальца с кшахаром и весьма быстро убедится, что где-то там, под обрывом, есть пещера...

Докончить с угрозами я не успел.

В нескольких метрах внизу, чуть правее, от стены отделилась крылатая тень, и спустя всего пару секунд Акко приземлился прямо передо мной, глядя с явной укоризной и неодобрением.

— Плевать мне, что ты думаешь! — заявил я одновременно разозлённо и радостно, обхватывая локтем его шею в искреннем порыве. — Слава богам, я оказался прав. Теперь давай, тащи меня к ней. Давай-давай! — грозно повисил голос я. — Или, по-твоему, я позволю ей просто так украсть у меня друга?

Акко шумно выдохнул, всем своим видом показывая, что он думает о моих намерениях, однако, окинув взглядом берег, всё же покорился. И то верно: находиться здесь лишнюю минуту не стоило. То же самое, кстати, относилось и к их укрытию, однако прежде всего нам с Амандой стоило прояснить некоторые принципиальные вопросы. На мой взгляд, они не терпели отлагательств.

— *Вы его знаете?*

— *Я знаю его так хорошо, что не разговариваю с ним уже десять лет.*

Оскар Уайльд

Это была не пещера, а какое-то издевательство. Я говорил, что мне было неудобно на маяке? Беру свои слова обратно. Как Акко высидел здесь всё это время без возможности пошевелиться, я даже боялся себе представить.

— Какой же вы всё-таки мерзавец, — поприветствовала меня Аманда, распластавшаяся в узкой щели, куда мне даже залезать не хотелось. Акко удерживал меня в воздухе напротив девушки, и её лицо качалось передо мной в такт взмахам кшахаровых крыльев.

— Чем же, мисс Кейтон, я не угодил вам на этот раз? А не кажется ли вам, что сегодня главная злодейка здесь — вы? Подумать только, до чего вы довели сестру своим представлением, не говоря уже о вашей бессовестной попытке украсть у меня кшахара.

— У меня не было выбора!.. — огрызнулась Аманда. — Они пытали бы отца до тех пор, пока он бы не сознался... или не отдал концы в их жутких подвалах, — при этих словах девушку заметно передёрнуло, и мне показалось, что о сказанном она знает не понаслышке.

— Хорошо, допустим вы дали им ложный след. Но зачем было разыгрывать самоубийство? Бойтесь, что, раскусив ваш обман, они не постесняются упрятать в подвалы и вас саму?

— Нет, просто... — она резко осеклась и отчаянно тряхнула головой. — Впрочем, неважно. Вас это не касается.

— Ещё как касается, — заверил её я. — Потому что Акко я вам не отдам, ни на день, ни тем более на неделю.

Акко протестующе забурчал, но я, словно не слыша его, продолжил:

— Мы с моим кшахаром команда. Мы работаем вместе. Так что, выбирайте сами: либо вы нанимаете нас обоих, либо — ни одного.

— Я не стану нанимать трусливого подонка, который уже предал меня однажды!! — взъярилась Аманда, забывая о необходимости подбирать слова. Я повёл плечами, стараясь сдерживать раздражение, и ледяным тоном процедил:

— Что ж, тогда и Акко вам не видать как своих ушей.

— Акко — не ваша марионетка! Он вправе сам решать, что ему делать!

Я злобно оскалился.

— О, нет, дорогуша — вы ошибаетесь!.. Я его хозяин, и если я прикажу ему — по-настоящему прикажу — он будет делать так, как я ему сказал!!..

Акко подо мной ощутимо дрогнул и зашипел разъярённо и неверяще. Я украдкой погладил его по шее, надеясь, что у него достанет сообразительности не делать ничего такого, что сейчас же изобличило бы мой блеф. Да, конечно, я блефовал — не было у меня

никакого способа приструнить кшахара. И ни у кого не было. Но ведь он понимал, для чего я сказал это, верно?.. Да неужели я мог потерять его вот так, отдав этой самонадеянной девчонке?.. Наверное, Акко почуял моё состояние, поскольку дальше свирепствовать он не стал.

Аманда молчала, разглядывая меня с ненавистью и презрением.

— Сколько вы хотите?

— О, любезная мисс Кейтон, я ведь даже не знаю, в чём состоит суть вашего дела, — сладко улыбнулся я.

Так-то лучше, дорогуша. Нечего зариться на того, кто принадлежит только мне.

Аманда сжала зубы.

— Я дам вам четыре сотни, как только мы вернёмся в Виндсхилл. Ваше содействие мне не потребуется — только Акко, а он согласился помочь мне, не требуя ничего взамен, — каждое слово её сейчас буквально сочилось ядом, но мне было плевать.

Мне было всё равно, что она думает обо мне, или что кто-нибудь ещё когда-либо обо мне думал. Они все, все совершенно одинаковы. Все полагают, будто им позволено что угодно на этом свете, будто благодаря одному своему происхождению они могут забирать всё, что захотят, у таких, как я.

Но вы, мисс Кейтон, позарились на слишком дорогое. Мне плевать, что за очередную интригу вы задумали и как собираетесь использовать моего кшахара в своих безумных играх, но точно я знаю одно. Я никому не позволю отнять у меня самое близкое, единственное по-настоящему дорогое мне существо во всей Вселенной. Никто, никогда не сумеет разлучить меня с Акко.

Этой же ночью, спустя всего час, мы сели в поезд, вновь увёзший нас прочь из Виндсхилла. Никакой поклажи, никаких приготовлений. Сейчас Аманда выглядела куда более решительной, чем в первый раз, когда сбегала со мной в ночи. Её тёмное платье было перемазано грязью, глаза мрачно поблёскивали, черты заострились и застыли неприступной каменной маской на бледном осунувшемся лице.

Она недвижимо вглядывалась в тёмное окно вот уже больше часа, явно не намеренная поддерживать светскую беседу с нежеланным попутчиком. Акко устроился на диване рядом со мной, но мне казалось, что сделал он это исключительно из нежелания злить меня попусту: всё то время, что Аманда смотрела в окно, Акко смотрел на неё, неотрывно.

Я же блуждал взглядом по очередному купе, похожему на все прочие, в которых мне довелось путешествовать в последний месяц, и периодически задумчиво останавливался то на кшахаре, то на девушке, сидевшей напротив.

Надо признать, план она продумала превосходно и воплотила его тоже на высоте. Заподозрить в увиденном заранее спланированный спектакль было трудно — слишком невероятным, даже безумным казался такой её шаг. Броситься с тридцатиметрового обрыва, доверившись чутью и быстроте реакции кшахара, мог бы я, знавший Акко годами — но она?.. Для этого нужно было обладать недюжинной смелостью или, правильнее сказать, безрассудством.

— А что вы бросили в воду? — спросил я вдруг, и Аманда, вздрогнув, непонимающе взглянула на меня.

— Что?..

— Ну, вместо себя. Ведь было два всплеска. Камень, вероятно? Это самый разумный вариант. Не всплывёт и не вызовет подозрений... Вероятно, Акко держал его наготове и, выпустив в нужный момент, затем поймал вас?

Несколько мгновений Аманда молча смотрела на меня, явно не желая разговаривать, но по-женски демонстрировать мне свою обиду тоже, видимо, не хотела.

— Да. Именно так, — наконец выдавила она из себя и тотчас вновь отвернулась к окну.

Однако я отступить был не намерен. Я уже получил, что хотел, я сидел в купе рядом со своим кшахаром и воевать с Амандой дальше теперь не видел смысла.

— Вам повезло, что никто не успел заглянуть вниз, прежде чем вы скрылись в той щели.

— Да. Повезло.

— Но в целом, у вас был превосходный план.

Она резко обернулась ко мне.

— Чего вы хотите от меня, мистер Сандерс?

Я обезоруженно улыбнулся и пожал плечами.

— Хочу, чтобы вы перестали видеть во мне врага. Пусть вам не верится, но я ещё могу оказаться вам полезным.

Аманда раздражённо сощурилась.

— Давайте расставим всё по местам, мистер Сандерс. Я не испытываю никакой радости оттого, что мне приходится путешествовать вместе с вами. Однако без Акко мне не справиться, и если вы являетесь неизбежным приложением к нему, я готова терпеть ваше присутствие при условии, что вы не станете больше со мной заговаривать или любым другим способом напоминать мне о своём существовании. Мне не нужна ни ваша помощь, ни тем более ваши попытки вновь втесаться ко мне в доверие. Мне было достаточно одного раза. Я никогда более не стану доверять человеку, который однажды предал меня.

Я усмехнулся и изогнул бровь.

— Да, я вижу. Аннабель вы тоже не доверяете, не так ли? Она ведь и впрямь не знает о том, что всё произошедшее было спектаклем.

— Разумеется, не знает. Она... — Аманда нахмурилась и в отчаянии отвернулась к окну. — Она не ведаёт, что творит.

— Но кому же тогда вы верите, мисс Кейтон?

Она помолчала мгновение.

— Акко. Я верю Акко.

Кшахар встрепенулся, потом соскользнул с моего дивана, взобрался к ней и бережно ткнулся мордой ей в плечо, утешая. Аманда обернулась и с мягкой улыбкой потрепала его по голове.

— Я так понимаю, мы едем искать рукопись, — продолжил я, словно и не памятуя о её недавней тираде.

Аманда с ненавистью взглянула на меня.

— Разумеется. Однако если вы намерены послать весточку в Орден, спешу вас разочаровать: места назначения я вам не раскрою, а когда мы прибудем, у них уже просто не хватит времени, чтобы последовать за нами.

— Собираетесь её уничтожить?

— Уничтожить, — отрешённо согласилась Аманда. — Но сперва я надеюсь найти в ней способ спасти Аннабель.

— Спасти от чего?

— А вы не понимаете?.. — Аманда обожгла меня взглядом. — Энни сходит с ума, мистер Сандерс. Чужая кровь делает это с ней. Ритуал, кажется, оказался неспособен убить её, равно как и меня, однако защиты у Аннабель, похоже, оказалось недостаточно, чтобы оградить её разум так же, как и мой.

— Значит, ритуал всё же убивает, — тихо заключил я, и Аманда непонимающе сощурилась.

— Всё же?.. Мистер Сандерс, что вы вообще знаете об Ордене? — спросила вдруг она.

— Подозреваю, что почти ничего.

Я сделал паузу, но Аманда молчала, видимо, ожидая, что я продолжу.

— Мне говорили, что чужая кровь убивает человека, разрывая связь между телом и душой и оставляя тело свободным для демона. Что потом эти создания не могут жить в человеческом теле достаточно долго, и когда тело рассыпается в прах, они тоже умирают. Однако, что из всего этого правда, я не знаю до сих пор.

— Всё.

Голос Аманды был тихим и каким-то опустошённым, и меня отчего-то пробрала дрожь. А она вдруг отвернулась к окну и горько вздохнула.

— Подумать только... вы связались с Орденом, даже не представляя себе, кто они, и вы позволили им провести надо мной ритуал, сути которого не понимали.

— Что вам так дался этот ритуал? — не выдержал я. — На мой взгляд, он не сделал с вами ничего плохого.

Аманда обернулась ко мне, и глаза её вспыхнули негодованием.

— Я не знаю, что он со мной сделал, — с холодным гневом процедила она.

Снова отвернулась, и между нами ненадолго воцарилось молчание. Прервала его, к моему удивлению, на этот раз она сама.

— Вы убогий человек, мистер Сандерс, — да, начало не обнадеживающее, подумалось мне. Но Аманда, по-прежнему не глядя на меня, продолжала: — Вы готовы пойти на всё ради денег, и в этой жизни для вас нет иных ценностей, кроме пачки купюр. Что они дают вам? Счастье?

— Возможность жить, — поправил я её холодно. — В отличие от вас, мисс Кейтон, мне приходится зарабатывать на жизнь своими руками.

— Ох, как же вы все любите попрекать нас этим!.. — тотчас вспыхнула она в ответ. — Вы думаете, в нашей жизни нет никаких проблем? Они есть, однако вы не видите их, не хотите видеть. Вы, мистер Сандерс, искренне считаете, что судьба поступила с вами нечестно, не дав вам шанса родиться сразу королём; вы полагаете, что вам позволено обозлиться на весь мир за это. И прикрываясь такой обидой, вы способны оправдать в себе всё: и ваше презрение к людям, и подлые аферы, за которые вам платят, да что там — даже предательство, если заплачено и за него... — она осеклась и вдруг пренебрежительно махнула рукой, отворачиваясь к окну. — Впрочем, неважно. Вы никогда не поймёте. Вы слишком бесчувственны, чтобы понять.

— О, да неужели! — взорвался я наконец. — Ну же, давайте, расскажите мне ещё о моих недостатках! Вы ведь только их во мне и видите, не так ли, мисс Кейтон?!.. По-вашему, я ничего не понимаю в жизни?!.. По-вашему, я совершенный идиот?!..

Аманда обернулась, и от её взора меня почти физически обожгло льдом.

— Нет, мистер Сандерс, вы отнюдь не идиот, — процедила она медленно, пристально глядя на меня, и затем продолжила, вбивая слова безжалостно, будто гвозди: — Вы

эгоистичный и беспринципный лжец, который незаслуженно ставит себя выше остальных. У вас нет ни образования, ни устремлений, ни интересов помимо наживы — у вас нет ничего, но не оттого, что вы бедны, а потому, что вы заносчивы, подлы и бездушны. Вы ломаете людям судьбы, но хуже всего то, что вы делаете это даже не из ненависти. Человека, который ненавидит, ещё можно понять. А вот что испытываете вы, мистер Сандерс? Полное и совершенное безразличие?

— Что вы сами испытываете к людям, которые вам не знакомы?

— Уважение, по меньшей мере, — заявила Аманда уверенно.

— Уважение? — рассмеялся я. — Как же можно уважать того, кого даже не знаешь?

— А как можно слепо презирать его?.. Я сейчас говорю не о том уважении, которое мы обычно выказываем старшим или любимым. Я говорю о необходимости видеть во всех людях по меньшей мере равных себе. Никто не заслуживает, чтобы с ним обращались, как с пылью под ногами, никто — по крайней мере, до тех пор, пока сам не докажет обратного.

— Вам ещё нужны эти доказательства, потому что вы молоды и наивны, — улыбнулся я снисходительно. — Мне они не нужны. Я и так неплохо знаю людей, мисс Кейтон. Знаете, кого они напоминают мне больше всего? Насекомых. Маленьких мерзких тараканов, которые всю свою жизнь копошатся в отбросах, стремясь найти кусочек получше для себя. У каждого из них непрестанно возникают какие-нибудь амбиции и желания, маленькие или большие, все равно; и их мыслишки каждую минуту вращаются в голове лишь вокруг того, как бы достичь своего. Но если посмотреть сверху на всё это общество, мельтешащее, хаотичное, равнодушное и злое, что вы увидите?.. Я вижу насекомых. И, уж простите, я не могу их уважать.

Аманда отвернулась.

— И вместо этого вы их презираете, и оттого кажетесь самому себе важнее и выше. Но чем вы сами отличаетесь от остальных, мистер Сандерс? Что даёт вам право так возвышаться над всеми вокруг?

Я только пожал плечами.

Нет, у меня не было за плечами какой-нибудь удобной слезливой истории, которая оправдывала бы в глазах святош такое моё понимание жизни. Я не остался сиротой. Мне не нужно было отправлять все свои сбережения на лечение больного отца или матери. Я не воевал и даже не был когда-нибудь несправедливо обманут кем-то, кому я верил. В моей жизни вообще не происходило ничего выдающегося за всю четверть века, которую я провёл на этой земле, но может быть, именно это, в конечном счёте, и привело меня к тому, как я жил и как видел мир через призму всего, что успел узнать о людях.

— Я отличаюсь лишь тем, что смотрю на всё объективно, — ответил я наконец. — Вы видите мир в розовом свете, мисс Кейтон. Вы полагаете, будто во всех людях можно найти что-то хорошее, а я полагаю, что нет. Для меня достойные люди — это, скорее, редкое исключение, чем правило. И моё, как вы называете, презрение к миру берёт своё начало в опыте, который подсказывает мне, что люди чаще всего оказываются хуже ожиданий, даже если изначально не ждать ничего хорошего от них.

Аманда вскинула голову и с вызовом посмотрела на меня.

— Что ж, и чем я оказалась хуже ваших непритязательных стандартов? — спросила она, и я не стал скрывать улыбку.

— Вы — ничем. Признаюсь, я ожидал увидеть в вас изнеженную и надменную высокородную девицу, а вместо этого нашёл девушку храбрую, решительную и, что скрывать,

неглупую. Так что, в моём понимании, вы — как раз то самое редкое исключение из правил.

Аманда выглядела ошарашенной, будто совсем не ожидала подобного комплимента от меня. Я усмехнулся.

— Ну, что такое, мисс Кейтон? Вы полагали, будто я вообще не способен замечать хорошее в людях, или просто ожидали, что я стану воевать с вами из принципа? Но я ведь говорил уже, что вам не нужно видеть во мне врага. Если Акко так страстно желает помочь вам, то можете не сомневаться, что я буду на его стороне, а значит, и на вашей.

Аманда изучала меня ещё несколько мгновений, а потом, отвернувшись к окну, будто мимоходом произнесла:

— Если и есть в вас ещё что-то небезнадёжное, то это только одно, мистер Сандерс.

Она сделала паузу, и я снисходительно задал вопрос, которого она ждала:

— И что же?

Её ответ, признаюсь, предсказуемый, всё же смутил меня, сорвавшись с её губ.

— Ваша искренняя любовь к Акко.

Будь у меня собака, такая назойливая, как совесть, я бы её отравил. Места она занимает больше, чем все прочие внутренности, а толку от неё никакого.

Марк Твен

До секретного места назначения мы добрались к вечеру следующего дня. За это время не произошло ничего примечательного: хвоста за нами ни я, ни Акко не обнаружили, да и внутри нашего маленького отряда, кажется, на какое-то время воцарилось молчаливое перемирие. Я больше не пытался подначивать мисс Кейтон, а она старалась не демонстрировать открыто свою неприязнь и даже норовила избегать неподобающих с точки зрения света односложных реплик.

Секретное место для меня таким уж секретным не оказалось: признаюсь, ещё там, у маяка, когда Аманда упомянула родовое поместье их матери, я сразу подумал, что поиски следует начинать где-нибудь на землях графства Рейнервилль.

До графской резиденции добирались в нанятом у станции экипаже, однако где-то спустя полчаса Аманда велела кучеру притормозить и обернулась ко мне:

— Ваша остановка, мистер Сандерс.

Я непонимающе возрился на неё.

— Простите?..

— Вы сходите здесь. Это трактир, перебьётесь здесь пару часов, а потом отправитесь следом за мной. На ужин можете не тратиться — я дождусь вас в поместье.

— Ну и зачем все эти метания? — изогнул бровь я.

Аманда поджала губы.

— Затем, что я не могу заявиться в дом своего дяди одна в сопровождении мужчины. Одно дело бежать с вами неузнанной и совсем другое — подставить под удар свою репутацию здесь, где каждый лакей знает меня. Вы прибудете спустя пару часов как приглашённый мною гость, вас разместят и пригласят на ужин.

— Хорошо, мисс Кейтон, — я снисходительно улыбнулся и ударил ладонью по потолку, привлекая внимание сидевшего на крыше кшахара. — Акко, идём!

Аманда, кажется, была недовольна тем, что с Акко придётся расстаться, однако прибыть в поместье с принадлежащим мне кшахаром она не могла и потому была вынуждена смириться.

Два часа прошли крайне скучно, учитывая, что ужинать мы не стали в предвкушении бесплатной кормёжки в графском поместье. Зато когда мы наконец добрались до места, разместили меня весьма быстро — комнату уже успели подготовить по распоряжению Аманды — и предложили проследовать на ужин, как только я буду готов. Готовиться мне было особенно не к чему, да и не с чем — даже запасной рубашки и той не было в моём распоряжении.

Поэтому, лишь оглядев комнату, я отправился следом за лакеем в столовую, где, как оказалось, меня уже ждала Аманда в сопровождении какой-то сухонькой старушки — не то экономки, не то камеристки, сейчас явно исполнявшей здесь роль блюстителя девической репутации.

Я улыбнулся, и Аманда, поднявшись из-за стола, с гостеприимной улыбкой подала мне руку. Склонившись, я вежливо поцеловал её пальцы.

— Рада видеть вас, мистер Сандерс, — и ни следа бывшего презрения в голосе, лишь учтивость и радушие гостеприимной хозяйки. — Вы хорошо добрались?

— Замечательно, спасибо, — ответил я не без издёвки в голосе, которую, впрочем, Аманда проигнорировала.

— Что ж, это превосходно. В таком случае, прошу за стол.

Мы ужинали втроем, из приличия поддерживая натянутую беседу о какой-то ерунде наподобие погоды, урожая и состояния местных дорог. Несколько раз я намеренно пытался поддеть Аманду, стремясь вывести её из этого фальшивого и оттого шаткого равновесия, которое она изображала с того самого момента, как я переступил порог столовой.

Нет, ну а что? Меня откровенно раздражало её лицемерие. Уж лучше бы глядела на меня волком и бросалась по-детски обидными фразами, как во все последние дни. А это... Сладкая, будто мёд, но насквозь лживая учтивость больше подошла бы какой-нибудь искусственной светской твари — но только не ей.

Аманда не отреагировала на мои попытки ни разу, вызывая в душе одновременно и досаду, и какое-то странное уважение к её неожиданной выдержке. После ужина, так же вежливо со мной распрощавшись, она удалилась в свои покои, а меня уже знакомый лакей проводил обратно в комнату, отведённую мне.

Вот и всё. Ни разговоров, ни объяснений, почему мы приехали искать рукопись именно сюда. Впрочем, не думаю, что Аманда вообще собиралась со мной этим делиться, так что, подозреваю, выяснять всё придётся мне самому.

В окно тихо постучались, и я с радостью впустил в комнату Акко.

— Привет! Как ты? Тебя покормили? — уточнил я, поскольку перед ужином попросил не размещать кшахара в конюшне со всяким лошадиным сбродом, а отвести на кухню и там как следует попотчевать. Посмотрели на меня несколько странно, но перечить гостю, разумеется, не стали.

Акко довольно облизнулся, чем убедил меня в добросовестности здешних слуг, и с размаху запрыгнул на широкую кровать.

— Э-э, нет, погоди, — осадил его я. — Сначала слетаем на разведку.

Акко вопросительно взглянул на меня, и я пояснил:

— Осмотрим дом, дружище. Мало ли, как события повернутся. А если нас здесь Орден отыщет? Знать местность не помешает.

Кшахар принял серьёзный вид и согласно уркнул.

— Ну вот и отлично. Тогда на взлёт.

За полчаса мы пару раз обогнули дом, изучили расположение подсобных строений, сделали круг над садом и ещё один, большой, по границе поместья, запоминая ведущие прочь дорожки и возможные укрытия.

Уже возвращаясь обратно, я заметил свет в окне, в крыле противоположном тому, где располагалась моя комната.

— Давай туда, Акко, — приказал я, и кшахар, вопросительно уркнув, завис над крышей

какого-то сарая. — Ну, чего ты? Давай же. Проверим, всё ли в порядке у мисс Кейтон.

Объяснение явно было для кшахара сомнительным, да и для меня, признаться, тоже. Сам не знаю, что хотел там увидеть — наверное, просто было любопытно, ведёт ли она себя так же гордо и отрешённо в моё отсутствие.

Недовольно поворчав, Акко всё же поднёс меня к окну и замер, складывая крылья и уже привычно цепляясь за камни мощными когтями. Я с осторожностью высунул голову и взглянул внутрь сквозь прозрачные тюли.

Аманда сидела у зеркала в нижнем платье и неизменных перчатках, волосы её были распущены, и та самая старушенция — мадам Сольи, как мне представили её за ужином — медленно расчёсывала густые белокурые локоны.

— Выглядишь усталой, деточка, — услышал я сквозь приоткрытое окно.

— Это с дороги, — ответила Аманда, почему-то не удивляясь такому фамильярному обращению.

— Да нет, вообще, — возразила старушка. — Бледна совсем и, кажется, похудела... уверена, что ничего не случилось?

— Всё в порядке, Жанетт.

— Почему тогда приехала сюда, так скрытно и совсем без поклажи? Да ещё типа странного с собой привезла.

— Он не странный, — ухватилась за второй вопрос Аманда, чтобы не отвечать на первый. — Он частный сыщик, и он здесь, чтобы помочь мне найти кое-что.

— А всё ж таки смотрит он на тебя подозрительно.

"Кто — я??" — недовольно пронеслось у меня в голове.

— Мы с ним не слишком ладим, — сдержанно ответила Аманда. — Но мне нужна помощь Акко — его кшахара — так что пришлось и хозяина взять с собой.

— Не слишком ладите, говоришь? — по-старчески усмехнулась Жанетт. — Ну, он-то, кажется, поладить очень хочет.

— Он пусть хочет... что хочет, — неизысканно выразила свою мысль Аманда, хмурясь.

Старушка посуровела.

— Обидел тебя чем-нибудь?

— Можно сказать и так. Предал, — тихо проговорила Аманда. И внезапно бурные, пропитанные чувствами слова полились из неё рекой. — Я ведь доверяла ему, Жанетт, понимаешь? Правда доверяла. Надеялась на его принципы, о которых он говорил с такой напускной важностью, поверила, что у такого человека, как он, вообще могут быть моральные убеждения...

Жанетт слушала девушку, не перебивая, а я с неожиданной жадностью прильнул к окну, впитывая в себя каждое слово, сказанное Амандой. Что было так важно в этом для меня?.. Признаться, я и сам не знаю. Мне ведь всегда было наплевать, что они думали обо мне, разве не так?..

— ...впрочем, я сама виновата. Я должна была понять ещё с той, первой встречи. Он обманывал меня, весьма искусно заманил в ловушку, безо всяких сожалений выдал тем, от кого я пыталась сбежать. И эта его постоянная надменность — почему она не остановила меня?.. Почему я не уяснила всё ещё тогда, когда очнулась в поезде, обуреваемая отчаянием и страхом, а он всем своим видом с небрежностью демонстрировал мне своё превосходство?.. Но знаешь, няня... В самом деле, он — ничто. Эгоистичный трус. Пустое место. Без своего кшахара, без Акко, он ничего из себя и не представляет...

Я неожиданно дёрнулся, как от удара, и едва не вылетел из седла.

— Что??.. — прошипел злобно и неверяще. — Да что... да как она смеет...

Акко нырнул вниз, решительно утягивая меня прочь от окна, но я отвесил ему возмущённую затрещину.

— А ну, назад! Живо!..

Кшахар нехотя повиновался.

— ...невероятно милый, добрый и надёжный, — говорила Аманда, и я от удивления даже приоткрыл рот: надо же, как быстро сменилось настроение у нашей капризной принцессы. Вот только о ком она говорила? Ведь явно же не обо мне... — И он всё-всё понимает, куда лучше отдельных людей, да и в верности и порядочности превзойдёт многих. Подумать только, в первую нашу встречу мне казалось, что бояться следует именно его. Как же я ошибалась...

Могу поспорить, в эту минуту я видел, как мой кшахар гордо поднимает голову и весь прямо-таки лучится счастьем. Идиот!.. Нашёл, чем гордиться... Тоже мне, экспертное мнение — сопливая девчонка, донельзя обиженная собственной же доверчивостью. Конечно, она будет винить во всём меня. Это ведь я обманул и предал её, а не она сама оказалась достаточно глупа, чтобы довериться... Что-то больно кольнуло внутри, моментально озлобляя меня ещё больше. Да, она была глупа!.. Потому что нельзя, чёрт подери, верить каждому порядочно выглядящему незнакомцу!.. И она сама виновата... И... и я не знаю, отчего так мерзко и погано на душе.

Аманда всё говорила и говорила, а я продолжал слушать — будто загипнотизированный. Зачем?.. Не знаю. Какой смысл слушать, если мне всё равно?.. И почему мне не всё равно?.. Почему, чёрт возьми, так обидно и... больно?..

— ...он помог мне уладить несколько мелких проблем, и тогда, наверное, я начала думать, что могу доверять ему. Что я поняла принцип его жизни, что я могу рассчитывать на него, если буду играть по его правилам. Что за достойную плату он станет моим надёжным защитником, и верным спутником, и... — Аманда тряхнула головой, отчего волнистые локоны рассыпались по её плечам. — Но он не ценит и не признаёт ничего, понимаешь, Жанетт? Ничего на свете. Он презирает всех и каждого вокруг, не имея ни заслуг, ни чести, ни какой-нибудь исключительной морали — ничего, что позволяло бы ему хоть отчасти оправдать то высокомерие, с каким он ставит себя выше всех без разбора, не утруждая себя даже попыткой узнать тех, кого презирает... как такое вообще возможно?.. Как же можно так относиться к людям?..

"А как можно быть такой светлой и наивной душой?!.. — злобно парировал я про себя. — Верить в неперемное благородство каждого, равнять всех вокруг по себе... когда-нибудь этот бред и погубит вас, дорогая мисс Кейтон..."

— Что тебя больше задевает милая? — спросила Жанетт серьёзно. — То, что он поступил неблагородно с тобой, или же то, каков он в принципе?

Аманда нахмурилась, не до конца понимая суть её вопроса. Я тоже не слишком понял, к чему она клонит, поэтому просто продолжал молча наблюдать, из последних сил сдерживая клокочущее внутри раздражение.

— Я не знаю, — ответила девушка наконец. — Мне казалось, я видела в нём нечто большее, Жанетт. Ты знаешь, я всегда стремилась искать в людях лучшее, и мне казалось, что в нём я нашла... многое. Честность. Верность принципам. Способность к состраданию. Но я ошибалась во всём. В нём нет ничего, он безжалостный, бесчувственный мерзавец,

эгоистичный, беспринципный лжец...

— В тебе сейчас говорит твоя обида.

— Не спорю, — ответила Аманда и запнулась. — Но разве я не имею права испытывать обиду и боль от предательства того, кому верила?..

— Ты имеешь право на любые чувства, деточка. Вопрос в том, куда они тебя приведут. Чего ты хочешь? Простить его или навсегда вычеркнуть из своей жизни?

— Мне нужна помощь его кшахара, так что не думаю, что последнее сейчас возможно.

Старушка улыбнулась уголками губ.

— Возможно всё. Вопрос не в этом. Так чего ты хочешь?

Аманда нахмурилась.

— Я не думаю, что смогу простить его, — проговорила она медленно. — Да и какая, собственно, разница? Ему, несомненно, наплевать на моё мнение, как и на любое другое.

— Ему не наплевать, — уверенно возразила Жанетт.

А я внезапно разозлился.

"Да ты-то что понимаешь, старая стерва?.. — прокричал я у себя в голове. — Да, может, мне и не всё равно, потому что я ещё ни разу не предавал клиента, не заключал контрделку..."

— Он сам не хочет признавать этого, но в глубине души он чувствует свою вину перед тобой и сильно раскаивается в том, что сделал.

Аманда чуть прищурилась, встречая в зеркале взгляд старушки.

— Ты всегда неплохо разбиралась в людях, няня, — проговорила она тихо. — Но в этот раз, боюсь, ты ошибаешься.

— Акко, снимайся, — едва слышно процедил я, и кшахар, явно обрадовавшись, исполнил моё требование моментально и бесшумно.

С меня было довольно. Я больше не хотел слышать ничего из того, что ещё могла сказать Аманде эта проклятая старуха. Потому что, чёрт возьми, она была права: я не хотел признавать свою вину, свою жестокую ошибку — не хотел, потому что не видел смысла. Кому, к чертям, это было нужно?.. Мне — нет. Чтобы потом неделями бесплодно глотать себя и кусать локти?.. Это самое тупое и бессмысленное занятие, которое может придумать человек.

Раскаяние... кому вообще оно нужно, если тот, кого ты предал, всё равно никогда не простит тебя?..

Следующим утром после завтрака я, с молчаливого согласия Аманды, последовал за ней сквозь череду извилистых коридоров. Следом за мной, не спуская с моей спины цепкого взгляда, тенью плыла Жанетт, облачённая в строгое тёмное платье с белым воротничком. В руках у неё было начатое вязанье — она явно вознамерилась сопровождать Аманду неотрывно, где бы та ни остановилась. Впрочем, ту же настойчивость собирался проявить и я. Если уж девушка планирует привлечь к делу Акко, то я должен знать, в чём это самое дело заключается. По крайней мере, так я старался объяснить самому себе это неожиданное рвение, с которым сейчас упрямо шагал в нескольких шагах позади Аманды.

Она добралась до конца коридора, в котором её поджидали высоченные дубовые двери, и уверенно распахнула створки. Моему взору предстала огромная библиотека. Куда больше, чем в особняке Кейтонов в Виндсхилле — эта поистине была внушительной и достойной

графского дома. Высокие узкие окна по обеим сторонам; через восточные сейчас лился непривычно щедрый солнечный свет, окрашивая в тёплые цвета паркет, бархатные дорожки и высоченные стеллажи, сплошь уставленные книгами.

К одному из таких стеллажей и подошла Аманда, задумчиво проводя пальцами по корешкам; Жанетт же невозмутимо опустилась в кресло и тут же занялась своим вязанием, нацепляя на нос большие круглые очки в тонкой оправе.

Мне так и хотелось спросить, что собиралась искать Аманда — ну не рукопись же хранилась здесь на одной из полок, в самом деле?.. Однако гордость пересилила любопытство, и я решил, что, понаблюдав, без лишних вопросов пойму всё сам.

Пока же я подошёл к одному из стеллажей — всего в нескольких шагах от девушки — и принялся изучать названия, начертанные на корешках. Похоже, я оказался в секции научной литературы: по крайней мере, среди толстенных томов преобладали исторические труды, иногда попадались какие-то биологические или медицинские талмуды с заковыристыми названиями, перевести которые на человеческий язык я был не в силах.

Моё внимание привлёк тоненький корешок коричневой кожи, затесавшийся между двумя объёмистыми сочинениями неизвестных мне авторов. Настолько тоненький, что даже название на нём умещать не стали, но зато изобразили золотым тиснением такой знак, мимо которого мой взгляд просто не мог скользнуть, не зацепившись. Осторожно я вытянул книжицу наружу и улыбнулся удивлённо и обрадованно.

"Дж. Дж. Боуфорд. Кшахары: история и современность", — значилось на ней.

Недолго думая, я отступил к свободному креслу и тотчас углубился в чтение. Первые главы были посвящены именно истории, и я забыл обо всём, проглатывая страницу за страницей.

— Мисс Кейтон, а вы знали, что, оказывается, цивилизованный мир узнал о кшахарах всего каких-то четыре века назад, когда была открыта Северная Аркания? Тогда же, собственно, их и завезли в Старый Свет. А до этого никто и понятия не имел об их существовании.

Аманда, вначале поглядевшая на меня недоумённо, заметила книгу в моих руках, а потом пренебрежительно изогнула губы.

— Разумеется, знаю, мистер Сандерс. Любой мало-мальски прилежный школьник знает о подобных фактах истории.

Нет, ну вот почему она не упустит случая указать мне, насколько выше она стоит?.. Мне стало до жути обидно. Любой школьник... далось ей это моё образование!..

— Знаете, мисс Кейтон, я, конечно, университетов не заканчивал, но уж стандартные семь классов у меня имеются, — буркнул я и, уже и сам не понимая зачем, добавил: — Я, если хотите знать, даже в воскресную школу ходил до двенадцати лет. И пел в церковном хоре.

Аманда бросила на меня краткий удивлённый взор, но тотчас отвела глаза, хмурясь.

— Нет, я не хочу знать, мистер Сандерс.

Я, признаюсь, обиделся ещё больше.

— Почему же не хотите?

— Потому что мне нет до этого дела, — равнодушно повела плечами Аманда. — Какая разница, кем вы были тогда, мистер Сандерс? Я вижу вас тем, кто вы есть сейчас, и то, что у вас было правильное детство, лишь ещё раз доказывает, что люди способны испортить в жизни всё что угодно. Даже самих себя.

Только чувство собственного достоинства в тот момент заставило меня остаться на месте и, безразлично фыркнув, уткнуться взглядом в книгу, не различая страниц. В действительности мне хотелось вскочить и броситься прочь из библиотеки. Хлопнуть дверью, забрать Акко и больше никогда не появляться в этом доме, где царят лишь высокомерие, и надменность, и дорожные ковры, и извечная несправедливость.

Я, разумеется, остался. Ещё с полчаса я листал страницы увлечённой меня книги, до тех пор, пока Аманда, спустившись с приставной лестницы, разочарованно не прислонилась к стеллажу.

— Ничего, — проговорила она. — Неужели придётся искать по всей библиотеке?..

— Что именно ты ищешь, деточка? — спросила Жанетт к моему удовольствию. Я уже давно хотел узнать ответ на этот вопрос.

Аманда повела плечами.

— Старую книгу со сказками, которую любила читать мне мама.

Надо сказать, выражение лиц у нас с Жанетт было примерно одинаковым. Книгу сказок?..

— Она была большая, красивая, со множеством иллюстраций — в общем, настоящая. Но здесь множество книг, которые я помню, а вот её нет.

Жанетт поморщилась, вспоминая что-то.

— Кажется, я припоминаю, о которой ты говоришь. Книга золотых сказок, так она называлась?..

— Золотая книга сказок, — поправила Аманда, обнадёженно кивая. — Большая, тёмно-синяя, с золотым тиснением на обложке.

— Да-да-да... — забормотала Жанетт. — И что же, её нет вот здесь, на детских полках?

— Нет, — снова опечалилась Аманда. Очевидно, она надеялась, что няня подскажет ей, где искать сокровище её детства.

— Я могу помочь вам с поисками, если пожелаете, мисс Кейтон, — вновь подал голос я, поднимая глаза от книги.

Аманда недоверчиво взглянула на меня, словно размышляя, не затеял ли я какой-нибудь очередной подвох. Я смотрел на неё в ответ с невинной полуулыбкой и хорошо скрытым торжеством. Ну?.. Быть может, по-вашему, я ничего из себя и не представляю, но помощь-то моя вам очень даже нужна... Ещё несколько секунд колебаний, и Аманда наконец неуверенно кивнула.

— Была бы вам очень благодарна.

"Да!.."

— А я могу посмотреть в комнатах, — предложила Жанетт, поднимаясь с кресла. — Вдруг пару лет назад я читала её Кэти, да так и оставила где-нибудь в спальне... — старушка уже даже сделала шаг, но вдруг осеклась, осознавая, что таким образом оставит нас с Амандой наедине. Растерявшись, она застыла на месте и неуверенно взглянула на девушку, но Аманда лишь махнула рукой.

— Не беспокойся, няня. Иди. Ты права, комнаты тоже стоит осмотреть. Эта книга очень нужна мне, и чем скорее мы найдём её, тем лучше.

Жанетт бросила на меня предостерегающий взгляд, и я не удержался от широкой невинной улыбки.

— Я не позволю себе неучтивости в ваше отсутствие, мадам Соли. Слово джентльмена. Старушка хмуро кивнула и направилась к выходу.

— Коим вы не являетесь, — не преминула тихо заметить Аманда, когда дверь за Жанетт уже закрылась.

Я не ответил на её очередную колкость и, отложив собственное увлекательное чтение, подошёл к стеллажам.

— Откуда мне лучше начать?

— Я не знаю, — ответила Аманда. — Всё равно. Полки с детской литературой я уже осмотрела, здесь нет того, что мне нужно. А где ещё можно искать книгу сказок, я ума не приложу.

— Почему именно эта книга?

Аманда бросила на меня уничижительный взгляд.

— Не ваше дело, мистер Сандерс.

— Что ж, не хотите — не говорите, — с нарочитым небрежением ответил я.

Делая вид, что изучаю корешки книг на полках, я искоса взглянул на Аманду. Красивая. Даже когда изображает из себя этакую ледяную королеву. Пальцы, затянутые в чёрное кружево, скользили по полкам следом за её взглядом, когда она просматривала названия одно за другим. А потом, в какой-то момент, Аманда скосила взор на меня, и, застуканные друг другом, мы оба вздрогнули и поспешно отвернулись в разные стороны.

Поиски продолжались в молчании ещё около часа. Затем Аманда, закончив с очередным стеллажом, обессиленно опустилась в кресло.

— Я не знаю, где ещё искать. Её нет ни среди детских книг, ни в приключениях. Я даже дамские романы просмотрела — вдруг кто-то в спешке положил её вместе с тем, что читал сам.

— Если следовать этой логике, ваша книга может быть где угодно, — заметил я, подходя ближе и занимая соседнее кресло. — Но прежде чем искать дальше, думаю, нужно узнать, как обстоят дела у Жанетт.

Аманда взглянула на меня неодобрительно.

— Мадам Соли для вас, мистер Сандерс.

— Да, да, конечно, — не стал спорить я.

И вправду, Аманде было незачем знать, что имя Жанетт укрепилось в моих мыслях ещё вчера, когда, вернувшись после нашей с Акко разведки, я несколько часов лежал в постели без сна, размышляя о подслушанном разговоре. Вопреки разумному, каждое слово Аманды прочно засело внутри, впиваясь шипами в душу и не давая покоя. Действительно ли она верила в то, что говорила, или же, хотя бы отчасти, её слова были продиктованы обыкновенной женской обидой?.. И это её заявление, что я ничего из себя не представляю без Акко... да неужели она и вправду считала так?..

— Вы в самом деле будете злиться на меня вечно, мисс Кейтон? — тихо спросил я после недолгого молчания.

Она непонимающе подняла на меня глаза. Кажется, хотела отпустить очередную колкость, но потом передумала.

— Ваш поступок — не то, что можно легко забыть, мистер Сандерс.

— Я знаю.

Тихо и серьёзно, без капли сарказма. Аманда чуть сощурилась, изучая меня, и я наконец решился.

— Простите меня, мисс Кейтон, — выговорил я, опуская голову. — Я знаю, что предал ваше доверие. Я знаю, что вам сложно понять мотивы этого поступка, да я и сам не горжусь

сделанным выбором. Мне в любом случае пришлось бы идти на жертвы, но я эгоистично решил, что проще пожертвовать вами. Однако я... я правда сожалею об этом сейчас.

Я замолчал и замер, не решаясь поднять глаза. Чёрт возьми, мне нечасто в жизни приходилось извиняться искренне, и я всегда ненавидел такие моменты. Прошла, наверное, целая минута, но Аманда всё молчала. Не выдержав, я всё же поднял голову и поймал её настороженный взор.

— Чего вы хотите от меня, мистер Сандерс? — спросила она, и доверия в её голосе не было вовсе.

— Прощения? — предположил я.

Аманда выпрямилась в кресле.

— Вот уж нет — не прощения!.. Чтобы такой, как вы, извинялся перед кем-то?.. Нет уж, я никогда в это не поверю. Вы выследили нас с Акко, вы увязались за мной сюда, вы всё время исподтишка стремитесь выяснить мои дальнейшие планы... вы всё ещё работаете на Орден, мистер Сандерс?.. Ждёте, когда я доберусь до рукописи, чтобы навести их на мой след?..

— Нет, я не работаю на Орден, мисс Кейтон. Клянусь вам. Нет.

Аманда скривила губы.

— Ваши клятвы недорогого стоят, мистер Сандерс.

Я обречённо вздохнул.

— Пожалуй, в этом вы правы, — неожиданно не стал спорить я, отворачиваясь к окну.

Чёрт, да зачем я вообще полез к ней с этими извинениями?.. Развёл тут сентиментальщину. Думал. Слова подбирал.

— Забудьте, мисс Кейтон, — бросил я, поднимаясь и вновь направляясь к стеллажам.

Названий перед собой я, разумеется, не видел, даже цвета корешков с трудом различал. Всё застлало пеленой раздражения и разочарования. Однако не прошло и минуты, как двери библиотеки распахнулись, и радостный голос Жанетт огласил во всеуслышание:

— Аманда, деточка! Я нашла её! Она здесь!

Единожды солгавший, кто тебе поверит?

Козьма Прутков

Аманда подскочила с места, Жанетт же поспешила ей навстречу, прижимая к груди огромную книгу, неся её бережно, будто младенца. Я заинтересованно приблизился к столу, куда старушка водрузила тяжёлый том, и, глядя поверх женских плеч, убедился, что книга была в точности такой, как её описывала Аманда.

Девушка, в свою очередь, оглядела обложку и благодарно обернулась к старушке.

— Няня, спасибо! Что бы я без вас делала...

Спустя ещё минуту в библиотеке можно было наблюдать идиллическую картину: Жанетт вязала, устроившись чуть поодаль, я уткнулся в свою тонкую книженцию о кшахарах, старательно делая вид, что читаю, Аманда же, склонившись над столом, листала необъятный том. Впрочем, чем больше я наблюдал за ней, тем больше мне казалось, будто она делает это лишь для вида: девушка, несомненно, хорошо знала, где находится то, что она искала среди этих страниц. Тем не менее Аманда несколько раз задерживалась то на одном развороте, то на другом, с ностальгической улыбкой перечитывая какие-то строки или разглядывая иллюстрации. Дойдя до последних страниц, она сосредоточилась и переместила том к себе на колени. Пара минут беззвучного шевеления губами — а затем Аманда захлопнула книгу и поднялась, обнимая её так же, как Жанетт четверть часа назад.

— Няня, ещё раз спасибо. Я так скучала по этой книге. Она... она напоминает мне маму.

И хотя я был уверен, что вовсе не по этой причине девушка потратила полдня на поиски сборника сказок, последние слова её показались мне весьма искренними.

— Прощу извинить меня, — тем временем продолжила она, — я пойду к себе. Отдохну перед обедом.

С этим Аманда покинула библиотеку, а я, выждав секунд десять, тоже поднялся, сжимая в руках недочитанный труд о кшахарах.

— Я, пожалуй, тоже пойду. Не возражаете, если возьму это с собой? Обещаю вернуть её в целости и даже на нужную полку.

Жанетт посмотрела на меня неодобрительно, но явно не из-за книги: слишком очевидным было моё желание поспеть за мисс Кейтон, скрывшейся в коридоре. Впрочем, провожать меня до моей комнаты на месте старушки тоже было бы нелепо, а потому, не найдя других вариантов, она просто кивнула, поджимая губы.

— Конечно, мистер Сандерс. Чувствуйте себя как дома.

Я откланялся и поспешил в пустовавший уже коридор. Стараясь ступать мягко, прибавил ходу: всё-таки Аманда могла отправиться и не к себе, и найти её тогда мне оказалось бы весьма трудно.

Мне повезло. Я вынырнул из-за угла как раз вовремя, чтобы увидеть, как девушка скрывается в одной из комнат, и тогда, уже совсем бесшумно и осторожно, подобрался к дверям. Те были прикрыты, но неплотно, и сквозь узкую щель мне было видно, как Аманда, склонившись над столом, быстро переписывает что-то из раскрытой на последних страницах книги. Я улыбнулся. Что ж, замечательно. Значит, важное нечто и впрямь крылось в самом тексте, а не было, скажем, вложено между страниц. А поскольку Аманда делает копию, то таскать с собой книгу она явно не собирается, и выяснить, что именно интересовало её среди этих сказок, для меня не составит большого труда.

Неслышно я отступил назад к ближайшей — тоже пустовавшей — комнате и затаился там, ожидая ухода Аманды. Ждать пришлось недолго: всего через несколько минут она выскользнула наружу и, к моему несказанному удовольствию, книги у неё в руках уже не было.

Что ж, дорогая мисс Кейтон. Посмотрим, что такое вы искали среди воздушных замков и сказочных принцесс.

Я вышел из кабинета спустя четверть часа, и в моём кармане покоилась точно такая же, как у Аманды, копия нужного текста. В том, что это был именно он, сомневаться не приходилось: слишком уж очевидным было послание. С другой стороны, спрятано оно было весьма достойно: та же Жанетт, например, наверняка сотню раз читала эти нехитрые строки, но, держу пари, даже не предполагала, что в них кроется нечто настолько значительное. Для непосвящённого это была не больше чем безыскусная сказочная зарисовка, набросанная материнской рукой на странице для заметок. А кому из посвящённых пришлось бы в голову искать подсказку именно здесь?..

Дойдя до собственной комнаты, я прикрыл дверь и, уже в спокойствии, развернул бумажку и вновь перечитал нацарапанные наспех строки.

*На свете есть принцесса,
Красива, как луна.
Да только в сердце с детства
Хранит секрет она.*

*В ней магия по венам
Струится, словно яд,
И силой драгоценной
Волхвы владеть хотят.*

*Принцесса ищет выход.
Он есть, хоть непростой:
Бежать туда, где детство
Прошло в глуши лесной,*

*И выйти за калитку,
И сделать сто шагов,
И там за серым камнем*

Найти грехи волхвов.

*Ещё две сотни дале,
Там кузница стоит.
В её остывших недрах
Дальнейший путь лежит.*

*Бесстрашно опустившись
К невидимому дну,
Пойдёт принцесса долго
Сквозь бездны глубину.*

*Откроются все двери,
К спасенью путь таков.
И будут люди-звери
Свободны от волхвов.*

Закончив читать, я невольно улыбнулся. Что ж, кто здесь "принцесса" и "волхвы" — вполне ясно. То, что сказка прямо указывает нужный путь, тоже не вызывает сомнений. Лично у меня осталось только два вопроса: отправилась ли уже Аманда отсчитывать свои сто шагов от калитки и, главное — зачем ей всё-таки понадобился мой Акко?..

Ответ на первый вопрос я получил весьма быстро: достаточно было только выйти через двор за пределы поместья, чтобы увидеть, как невдалеке между деревьев мелькает девичий силуэт. Шажки у Аманды, по-видимому, были совсем крохотными: до туда, где она бродила, едва ли набралось бы даже семьдесят метров. Я усмехнулся и зашагал в её сторону, отсчитывая про себя.

Аманда услышала меня, когда между нами оставалось шагов десять, и вздрогнула, поднимая голову.

— Мистер Сандерс? Что вы здесь делаете?

— Я насчитал восемьдесят пять, — заметил я, подходя к ней. — Быть может, стоит пройти чуть дальше?

Аманда недоумённо моргнула, а потом нахмурилась раздосадованно и раздражённо.

— Следили за мной? — и тут же, не дожидаясь ответа, продолжила: — Я, кажется, уже говорила вам, что ваша помощь мне не нужна. И ваше назойливое присутствие тоже. И если вы не прекратите следовать за мной по пятам, я буду вынуждена... — она запнулась на миг, но тут же нашлась: — я буду вынуждена придумать вам какое-нибудь фальшивое задание и приставить к вам мадам Соли в качестве надзирательницы, дабы вы были заняты целый день и не имели времени лезть не в своё дело!

Я усмехнулся и скрестил руки на груди.

— И это вся благодарность за то, что я пытаюсь помочь?

— Я не верю в то, что вы будете делать что-то бескорыстно, мистер Сандерс, — процедила Аманда. — И потому повторяю последний раз: держитесь от меня подальше.

Я пожал плечами и, обернувшись, демонстративно отсчитал ещё пятнадцать шагов.

— Достаточно далеко, мисс Кейтон?

— Нет, недостаточно. Будет лучше, если вы отправитесь куда-нибудь, где не станете

попадаться мне на глаза.

— В особняк? — предположил я, оглядываясь вокруг.

— В Виндсхилл.

Я усмехнулся и двинулся обратно, останавливаясь всего в паре шагов от неё.

— Нет. Это не обсуждается. Пока Акко здесь... да, кстати, зачем он всё-таки вам потребовался? Я перечитал послание дважды, но так и не понял, где именно вам может помочь кшахар.

Аманда замерла.

— Что вы перечитали??..

— Вашу сказку о принцессе и волхвах. А иначе зачем, по-вашему, я считал шаги от калитки?

Она несколько мгновений смотрела на меня, хмурясь. Я подступил ближе, заставляя её вздрогнуть.

— Зачем вам Акко, мисс Кейтон?

Аманда молчала.

Я сделал ещё шаг к ней, оказываясь теперь непозволительно близко и заставляя её смотреть на меня снизу вверх. Аманда горделиво вздёрнула подбородок, но не отступила ни на полшага.

— Если вы не ответите мне сейчас, я обещаю вам, что заберу Акко и сегодня же покину поместье. Я не стану отдавать своего кшахара в ваши руки, не зная, что вы намерены делать с ним. Подозреваю, что Акко может оказаться излишне доверчив в вашем отношении.

Губы Аманды дрогнули от внезапного гнева.

— Вы, что же, полагаете, будто я способна причинить ему вред??.. Я — не вы, мистер Сандерс. Я не предаю близких мне... существ.

— Я тоже, именно поэтому и стою здесь сейчас, — парировал я, прежде чем до меня дошёл смысл её аналогии.

"Я не предаю близких..." Но что же, неужели она полагала, будто сумела стать небезразличной мне за то недолгое время, что мы были знакомы до той роковой ночи? Из-за чего — из-за того лишь, что я мило улыбался и за приличные деньги исполнял её поручения?..

— Чёрт, до чего же вы наивны, мисс Кейтон, — бросил я, лишь потом соображая, что говорю вслух.

Аманда напряглась и сощурилась.

— Неужели?

— Неважно, забудьте. Вы не ответили на мой вопрос.

— И не отвечу до тех пор, пока вы не объяснитесь.

Я вздохнул. Упрямая девчонка... что ж, но мне ведь не сложно.

— Я всё думал, почему вы так сильно злитесь на меня за то происшествие на озере. Любой на вашем месте затаил бы ненависть и желание отомстить, но в вас я видел скорее... обиду, чем жажду возмездия. И только теперь я понял... вы полагаете это чем-то личным, не так ли? Будто я предал вас, как друга... как близкого мне человека. Но ведь мы не были друзьями, мисс Кейтон. Вы были моей клиенткой, и да, в этом свете я чувствую свою вину перед вами, потому что не привык нарушать свои принципы в отношении заказчиков...

— Да что же вы заладили: клиенты, принципы!.. — воскликнула Аманда, и я с удивлением заметил яркий румянец на её щеках. — Вам вообще знакомо понятие чести,

мистер Сандерс??. Чести, честности, совести, наконец... Хоть чего-нибудь, что отличает человека от шакала, готового загрызть любого, кто слабее его...

— Прекратите уже называть меня трусом, мисс Кейтон!.. Я, кажется, пытался извиниться перед вами...

— Мне не нужны ваши извинения, если вы не способны даже понять, за что именно просите прощения!..

В порыве раздражения и гнева я вдруг шагнул к ней и сжал её запястья в своих ладонях, рывком притягивая её ближе к себе. Аманда вскрикнула, но я не отпустил её. Мы стояли совсем близко друг к другу, лишь на расстоянии двух стиснутых кулачков, замерших в моих руках. Её серые глаза казались такими большими.

— Я прошу прощения за то, что обманул вас и выдал вашей сестре, когда вы так верили мне, — процедил я, глядя ей в глаза и чеканя каждое слово. — В то время как вы возлагали на меня свои наивные девические надежды и видели во мне своего спасителя, я был всего лишь чужим человеком, которого загнали в безвыходную ситуацию и вынудили сделать весьма нелицеприятный выбор. И на будущее, мисс Кейтон, дам вам один совет: не стоит так доверчиво относиться к незнакомцам и уж тем более ожидать от них честности, верности или чего ещё вы там ждали от меня...

— Я ничего от вас не ждала, — сдавленно прошептала Аманда, но даже мне было очевидно, что слова эти были совершеннейшей ложью. Сейчас она неожиданно выглядела совсем маленькой девочкой, сломленной, потерянной и каким-то неясным мне образом раненной в самое сердце. Что-то странно дрогнуло у меня внутри, и я, отпустив её, протянул пальцы, чтобы поправить выбившийся белокурый локон.

— Ну, бросьте, — прошептал я куда мягче, чем прежде, в неожиданном стремлении утешить её.

— Не прикасайтесь ко мне, — выдохнула она тихо, но отчётливо, застыв будто изваяние и не сводя с меня своего пронзительного серого взора.

Я замер на полпути, а потом отступил от неё, опуская руки. Аманда наконец ожила и, резко развернувшись, зашагала прочь от меня, явно не разбирая направления.

— Уходите. Не хочу видеть вас, мистер Сандерс.

— Боюсь, что придётся, — возразил я. — Уже время обеда.

— Вот и идите. Я не голодна.

Она продолжила упрямо шагать прочь от поместья. Я нагнал её и, старательно избегая непрошенных прикосновений, встал у неё на пути.

— Мисс Кейтон, вам нет смысла тратить время на поиски в этом месте. Здесь вы ничего не найдёте.

— Найду или нет — это не ваши проблемы, — она попыталась обойти меня, однако я вновь перекрыл ей путь. Аманда поджала губы и воинственно скрестила руки на груди. — Могу я хотя бы поинтересоваться, почему вы так решили?

— Поинтересоваться — можете, — улыбнулся я. — И я даже удовлетворю ваше любопытство, как только вы изволите наконец удовлетворить моё.

Мгновенное замешательство.

— О чём вы?

— Зачем вам нужен Акко, мисс Кейтон?

Аманда скривила губы, словно признавая своё поражение.

— Я сама не уверена, что он будет мне необходим.

— А если всё же будет, то — зачем?

Она вздохнула.

— Я очень смутно помнила содержание сказки до тех пор, пока не прочла её сегодня. В голове был лишь образ принцессы, которая на крыльях спускается в бездну, чтобы открыть двери и отыскать волшебный свет... Не знаю, почему — видимо, так я представляла себе эту историю в детстве.

— И вы решили, что кшахар понадобится вам, чтобы стать вашими крыльями?

Аманда кивнула.

— Да. Для этого, и ещё... — она опустила глаза, — потому что рядом с Акко мне не так страшно.

Я вдруг представил себя на её месте: храбрая и решительная, но всё же такая беззащитная, запутавшаяся, слишком неопытная для всех испытаний, свалившихся на её голову... и — совсем одна.

— Мисс Кейтон... Акко вы можете верить.

Она странно посмотрела на меня.

— Я знаю.

На мгновение между нами воцарилось молчание.

— Вы тоже обещали мне ответ, мистер Сандерс.

— Ах, да. Конечно. Это не здесь.

— Что — не здесь?..

— То место, которое вы ищете. Вы разве видите где-нибудь серый камень?

Аманда невольно огляделась.

— Нет, не вижу, но... столько времени прошло. Быть может, его забрали. Или он совсем небольшой, и его засыпало листвой...

— Его просто здесь нет, мисс Кейтон.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что если вы сделаете ещё две сотни шагов прямо, то убедитесь, что там не стоит никакой кузницы. Даже шалаша не найдёте, мисс Кейтон. Только чистое поле.

Аманда нахмурилась, но в глазах её теперь читалось согласие.

— Вы правы. Я не помню в этой стороне никаких построек. Вот только откуда это известно вам?

Я небрежно передёрнул плечами.

— Мы с Акко ещё вчера провели разведку местности. Как вашим сопровождающим нам стоит быть готовыми защитить вас, а искать пути отступления, несомненно, всегда лучше заранее.

Аманда смотрела на меня с неясной смесью чувств на лице.

— Почему мне не хочется верить в искренность ваших слов, мистер Сандерс?

Я рассмеялся.

— Наверное, потому что вы делаете успехи в искусстве недоверия незнакомцам, — ответил я беззлобно. Мне вдруг захотелось коснуться её руки, но я быстро подавил в себе странное желание. — Что ж, буду рад, если научу вас хотя бы этому. Вы так неопытны, так беззащитны перед этим миром, Аманда; вы пытаетесь в одиночку противостоять могущественному противнику, против которого даже я не решился бы идти; и в этой ситуации вам просто необходимо уяснить, что доверчивость для вас сейчас практически тождественна гибели.

Щёки Аманды вновь оттенились неожиданным румянцем, а я запоздало сообразил, что вслух назвал её по имени. И *этак* смутило её? Или было в моих словах ещё что-то?.. Да нет, вроде бы, ничего.

Чёрт, какая же она всё-таки... трогательная. Невинная и впечатлительная, будто ребёнок. Мне вдруг вспомнилось, как именно этого я ожидал от её сестры, когда та впервые появилась в моём кабинете и уверенно вступила со мной в игру на равных. Да, Аннабель оказалась истинной стервой, но Аманда...

— Думаю, нам и впрямь лучше поторопиться на обед, мистер Сандерс.

Тихий, чуть смятенный голос вырвал меня из очередной пучины в высшей степени странных размышлений. Я встрепенулся и поймал взор, в котором впервые за последние дни не увидел невыносимого ледяного презрения. Не сумев ответить ничего внятного, я растерянно кивнул и молча поспешил следом за Амандой.

Мне оставалось только гадать, что же в моих словах наконец оказалось верным.

Лучший способ узнать, можете ли вы доверять кому-то — это доверять ему.
Эрнест Хемингуэй

Этим вечером Аманда, устроившись в кресле у камина, уже в сотый раз перечитывала строки, которые мы оба за это время успели выучить наизусть. Мы были наедине в небольшой гостиной: посвящать Жанетт в подробности своих поисков Аманда не хотела, а вот мою помощь — наконец-то — разумно сочла нелишней.

— Не понимаю, — вздохнула она наконец, хлопывая книгу и вглядываясь в огонь. — Где же мы ошибаемся? Мы ведь проверили все три калитки и даже главные ворота. Нигде нет ничего похожего, а ближайшая кузница, по словам слуг, находится в пяти километрах отсюда.

— Это наводит на мысль, что мы ищем не там, где нужно, или же просто не замечаем чего-то очевидного, — откликнулся я и, склонившись над спинкой её кресла, протянул руку к книге. — Вы позволите, мисс Кейтон?

— Да, пожалуйста.

Она устало подала мне тяжёлый том и натянула плед повыше, закутываясь с плечами. Я опустил в соседнее кресло и раскрыл книгу на уже зачитанном до дыр послании. Перевернул пару страниц вперёд, потом обратно — Аманда уже делала это раз двадцать за последние полчаса, но я всё ещё надеялся, что сумею найти что-то, не замеченное ею. Осторожно поднял книгу за корешок и поболтал ею в воздухе, пробегаясь пальцами по страницам, так что если бы что-то было заложено между ними, оно непременно бы выпало. Однако единственным, что мне удалось обнаружить, был кусочек давно засушенного кленового листа.

— Ничего, — констатировал я бесцветно и вздохнул, опуская книгу на колени и раскрывая на форзаце. — Кажется, придётся идти самым утомительным путём.

— Думаете, есть смысл просматривать всё?

Я повёл плечами, переворачивая первый, плотный лист. Не сразу, но я заметил, что вместе с ним захватил и тоненький листик, за давностью лет слипшийся с предыдущим.

— Если мы не понимаем, что означает эта подсказка, значит, не видим чего-то важного, — подцепив край прилипшего листа ногтем, я осторожно отделил его. — Это может быть что угодно. Приписка на полях к другой известной вам сказке или...

Я осёкся на полуслове, потому что в тот самый момент обнаружил именно то, что искал. И увиденное заставило меня рассмеяться от неожиданности.

— Что такое, мистер Сандерс? — нахмурилась Аманда, выпрямляясь в попытке разглядеть заинтересовавший меня разворот.

— *"Дорогой Вонни от бабушки. Да хранят тебя Боги от ошибок твоих предков"*, — процитировал я написанное таким знакомым округлым и витиеватым почерком, на изучение

которого мы бесплодно потратили несколько часов кряду сегодня. — Кто такая Вонни, мисс Кейтон? И кому, если не вам, предназначалась эта сказка?

— Вонни, — ошеломлённо выдохнула Аманда, уже стоя рядом со мной и вглядываясь в ровные, начертанные наискось строки. Потом подняла на меня растерянный взор. — Ивонна. Это...

— Ваша мама, — закончил я за неё, вспоминая, как однажды упоминал это имя Питер.

— Да, — подтвердила Аманда и как-то резко побледнела. — О, боги, но неужели это значит...

— Что вы отправили Орден искать рукопись в правильное место? — я поднялся, захлопывая книгу, теперь ставшую ненужной. — Мисс Кейтон, как далеко отсюда родовое поместье вашей матери?

Аманда потерянно качнула головой.

— Я не знаю.

Я удивился.

— Не знаете?

— Я бывала там совсем ребёнком. Я не помню где оно.

— Может быть, кто-то из прислуги знает?

— Прислуги графа Рейнервилль? — Аманда качнула головой. — Нет. Даже няне едва ли это известно — она пришла в нашу жизнь уже после смерти мамы.

— Что ж, — я задумчиво потёр подбородок. — Мы можем попытаться отыскать сведения о семейных землях по имени рода...

— Можем, но сколько времени уйдёт на это? Нет, мистер Сандерс, боюсь, выход у меня только один.

— И какой же?

— Спросить у отца.

Мои брови поползли вверх.

— Вернуться в Виндсхилл?.. Раскрыть себя?.. После того, как вы провернули такой грандиозный план по инсценировке собственной смерти?..

Аманда улыбнулась, польщённая не то моим невольным комплиментом, не то собственной маленькой победой: ведь её замысел был вполне очевидным, однако я не сумел сразу о нём догадаться.

— Мне нет необходимости раскрывать себя, мистер Сандерс. Всё, что мне нужно — выдать себя за Энни.

Я запнулся всего на мгновение.

— Действительно, это выход. Главное при этом — не натолкнуться на саму леди Аннабель.

— Маловероятно, — поджала губы Аманда. — Не сомневаюсь, что она и её приспешники давно на пути к нужному поместью. А может, уже и рыщут вокруг...

— Не думаю, — возразил я спокойно и, замечая, как дрожат руки девушки, вдруг поймал её ладонь и сжал в своих пальцах. Аманда вздрогнула. — Мисс Кейтон, ещё не всё потеряно. Вы дали им верное направление, но они не знают тех подробностей, что известны нам. Если верить сказке, вход в тайник находится где-то под кузницей в четырёх сотнях шагов от поместья... Не думаю, что Ордену удастся быстро обнаружить его, даже если они поспешили с выездом на место.

— Разумеется, они поспешили. Что могло задержать их?

— Поиски вашего тела, например, — мягко заметил я и добавил, поймав её смятенный взор: — Я видел Аннабель там, на берегу. Она не была намерена отступить. Она... любит вас, мисс Кейтон, несмотря на все её безумства и недостатки.

— Я знаю, — прошептала Аманда и вздёрнула подбородок, отнимая у меня руку и оправляя юбки. — И именно поэтому я тоже не намерена отступить. Я не позволю Ордену забрать её у меня навсегда.

— Что ж, тогда, думаю, нам не стоит задерживаться. В путь?

Аманда встретила мой ободряющий взгляд, и в её глазах отразилась неуверенная благодарность. Улыбка тронула уголки её губ, когда она храбро расправила плечи.

— Да, мистер Сандерс. В путь.

Снова поезд, который со дня знакомства с Амандой превратился для меня едва ли не в дом родной. Столько, сколько за последние месяцы, я не путешествовал, наверное, и за всю свою жизнь.

Уже была глубокая ночь; возле перрона, куда нас доставил немного встревоженный графский кучер, нам пришлось прождать не меньше полутора часов, прежде чем в безлюдной глуши раздался тяжёлый отзвук колёс и вой паровозного гудка. Порядком отставший от расписания поезд шёл не совсем в ту сторону, куда нам было нужно, но до рассвета нам было с ним по пути, и потому мы без раздумий заняли одно из пустовавших купе в вагоне первого класса. Да, что говорить, к их комфорту я тоже привык весьма быстро.

Несмотря на поздний — или ранний уже — час, Аманда не смыкала глаз, вглядываясь куда-то в черноту за окном. О чём она думала, догадаться было несложно, однако я не торопился лезть к ней с разуверениями и фальшиво воодушевлёнными речами. Вместо этого я просто рассматривал её, отмечая, что несмотря на крайне малое время, уделённое сборам, Аманда успела не только сменить платье на новое, куда более подходящее для дальней дороги, но и привести в порядок причёску: копна её золотистых волос сейчас была стянута в аккуратный пучок у самой шеи. Я вдруг подумал, что Аманда, в отличие от Аннабель, всегда носила волосы убранными, что придавало толику милой строгости её девическому лицу. И, кажется, уже не в первый раз я признался себе, что находил её красивой — именно красивой, а не вызывающе смазливой, как её сестрицу, хотя такое заявление, наверное, звучит глупо, учитывая, что Аманда и Аннабель — близняшки.

Затем мои мысли плавно приняли другой оборот, который в тот момент почему-то не казался мне странным. Я думал, как удивительно, что мы с Амандой провели столько времени рядом, скитаясь по просторам королевства в неизменном уединении дорогих купе, но отчего-то по-прежнему знаем друг о друге так немного. Нет, это совсем не было удивительным, если рассуждать трезво: мне не нужно было знать лишнего о своих клиентах и уж тем более не стоило делиться с ними подробностями о себе.

Вот только кем теперь была для меня Аманда?.. Клиенткой? Неформальной знакомой? Возлюбленной моего крылатого друга?.. Да — той, ради которой он был готов ринуться на край света, утягивая меня за собой в пучину чужих трагедий, интриг и семейных тайн...

Наверное, мне не стоило ввязываться во всё это. Нет, даже не так: знай я наперёд, что ожидает меня несколько дней спустя, я бы совершенно точно исчез со сцены этого театра как можно быстрее. По крайней мере, тот, прежний я, который был уверен в неколебимости циничных законов этого мира, тот я, который точно знал, чего хотел, и который всегда

ставил превыше всего личный интерес и собственную безопасность.

Однако я, который нёсся в том безмолвном купе навстречу неизвестности, был уже всего на каплю, но другим. Я знал, что значит совершить непоправимую ошибку. Я помнил, каково это, чувствовать, что твой лучший и единственный друг ненавидит тебя за то, что ты сделал. Я ещё не забыл, каково в глубине души и самому презирать себя за свой выбор...

Нет, второго шанса на ошибку у меня не было. А потому я знал точно, как поступлю и где окажусь дальше.

Я буду там, где Акко.

— Мисс Кейтон.

Она вздрогнула, открывая глаза и взглядывая на меня тем самым затуманенным взором, какой бывает только в первые мгновения после пробуждения. Я улыбнулся, подавая ей руку.

— Доброе утро. Прошу прощения, что разбудил вас, но нам пора сходить.

Всего миг, но её взор уже прояснился, и она с удивлением взглянула в окно.

— Я всё-таки задремала. Вот уж не думала, что смогу уснуть.

— Вам стоило отдохнуть, — сказал я, помогая ей подняться.

Мы сошли с поезда на широкий перрон, где, к моему удивлению, толпилось довольно много народу. Впрочем, хоть сам город был небольшим, именно здесь сходились сразу три крупные ветки железной дороги, а потому имевшийся крытый вокзал не пустовал почти никогда. Мне вспомнилось, что благодаря достроенному недавно южному направлению теперь городку и окружающим его землям прочили бурный рост и светлое будущее.

Не знаю, что там с будущим, но разница с ютившимися на отшибе поселениями вроде Виндсхилла уже сейчас была очевидна: не успел наш поезд отбыть и скрыться из виду, как к соседнему перрону уже подоспел другой, шедший в противоположную сторону. Со всей этой суматохой, шумом, обилием чемоданов, тюков и разномастных лиц мог сравниться разве только сам столичный вокзал, хотя и тот не казался таким живым и непрестанно меняющимся — возможно потому, что был куда просторнее, а может, потому, что поезда там не сновали туда-сюда по простирившимся в обе стороны рельсам, а приставали в тупики возле перронов так же надёжно, как корабли встают на якорь в порту.

Аманда, казалось, тоже не осталась равнодушна к открывавшемуся зрелищу и оживлённо оглядывалась вокруг. Вон там два сошедших с поезда пассажира шумно бранились по непонятной для окружающих причине; тут сухонький дедок волок за собой тележку, нагруженную настолько, что казалось, она втрое больше него самого. Впереди, в десятке шагов от нас, трое мальчишек носились по перрону, играя в салки, в то время, как две дородные дамы — не то няньки, не то бабки, не разберёшь — так увлеклись разговором, что не замечали ничего вокруг. Мальчишки шныряли меж пассажиров, навлекая на себя неодобрительные взоры, а то и ругательства, перемахивали через островки чьей-то поклажи, взбирались с ногами на лавки — в общем, вели себя в высшей степени недостойно и весело. Я ухмыльнулся, невольно вспоминая собственное детство, и такие же немудрёные забавы, и похожие как две капли воды вытертые пальтишки, и извечно коротковатые или, напротив, подвёрнутые по три раза штаны.

Украдкой я скоился на Аманду, но не смог понять её отношения к происходившему. Казалось, неодобрения в её взоре не было, Впрочем, как и подобной моей ностальгии. Что неудивительно: они с сестрой росли в тишине богатых домов, окружённые чистыми

скатертями, правильными игрушками и строгими рамками условностей и приличий. То, что я видел сейчас на лице Аманды было, скорее, похоже на тревожность, и это насторожило меня.

— Что-то не так? — спросил я тихо, склоняясь к ней чуть ближе.

Быть может, дело вовсе не в детях. Она заметила кого-то из знакомых? Или боится наткнуться на Орден? Или...

— Опасно бегают, — ответила Аманда, рассеивая мои опасения. Я облегчённо усмехнулся.

— Да бросьте. Это ведь мальчишки. Мы все такими были в...

Договорить я не успел.

Один из мальчишек, неудачно перепрыгнув через очередной мешок, поскользнулся и потерял равновесие. К несчастью, он был слишком близко к краю платформы, и в какие-то доли мгновения, наблюдая, как он судорожно вскидывает руки, пытаясь удержаться за воздух, я с ужасом понял, что сейчас произойдёт... а в следующий миг увидел, как Аманда вцепляется в рукав его пальто и рывком утягивает пацанёнка прочь от опасного обрыва.

Дальнейшее было похоже на короткие безмолвные вспышки, холодными лезвиями взрезавшие мой разум.

Аманда ведь стояла здесь, со мной. Всего миг назад она была рядом, а теперь держала ребёнка там, в десяти шагах от меня.

Напряжённая тишина, расползающаяся вокруг, и взгляды, устремляющиеся к месту происшествия, будто притягиваемые магнитом. Всё больше и больше взглядов, и наконец даже две сцепившиеся языками няньки останавливаются и оборачиваются, ища источник напряжения. Одна из них охает и бросается к ребёнку, который теперь прижимается к Аманде, будто к родной матери.

И — серые глаза, полные растерянности и ужаса, находят мои.

Взор Аманды привёл меня в чувство лучше хлесткой плети. Я бросился вперёд, расталкивая начинавших толпиться вокруг зевак, жаждавших обсудить подробности едва не случившегося несчастья. Гудок приближавшегося паровоза подлил масла в огонь.

— Во! Гляди-ка, и поезд тут как тут...

— Да, точно не успел бы выбраться...

— Вот был бы ужас...

Дородная дама тем временем кое-как оторвала мальчишку от застывшей в запоздалом шоке девушки и теперь рассыпалась в благодарностях.

— Хвала небесам, что вы оказались рядом, мэм... Да как же... и ведь не уследишь за этими проказниками... Не знаю, как вас благодарить...

— Никак. Не стоит, — бормотала в ответ Аманда, смотревшая вокруг пустым взором, будто и вовсе не видела сейчас реальности.

— Какое счастье, что у моей жены оказалась хорошая реакция, — вклинился я, беря Аманду за руку и улыбаясь нервно теребившей ребёнка даме. — Это такая удачная случайность, что она стояла здесь, рядом...

Сказав это, я не выдержал и мимолётно огляделся вокруг: не возразит ли кто, не ткнёт ли в Аманду пальцем с яростным криком: "Демон!!"... Но никто, по-видимому, не заметил того, что медленно и с леденящим ужасом сознавал сейчас я: Аманда, как самые настоящие монстры из Ордена, преодолела десяток метров меньше чем за секунду.

Подошедший поезд остановился, скрипя колёсами, и со ступеней соскочили

проводники в тёплых шинелях.

— Не толпитесь! Не толпитесь! Посадка через две минуты!

Несмотря на предупреждения кондуктора, сейчас помогавшего сойти на платформу какой-то пожилой даме из числа прибывших пассажиров, нянька засуетилась, хватая своего подопечного за шиворот.

— Давай, давай, скорее!.. А то ещё опоздаем из-за тебя... Ещё раз спасибо вам, мэм, сэр... прошу прощения за спешку, но это наш поезд...

"Иди уже скорее, жаба языкастая", — раздражённо поторопил я её про себя.

Едва избавившись от её общества, я потащил безвольную Аманду подальше от места событий, прочь от любопытствовавшей и позабавленной толпы. Добравшись до вокзала, отыскал глазами дорожную забегаловку и увлёк девушку за собой, находя самый уединённый и тихий столик в углу.

Спустя пять минут перед нами опустили две порции заказанного мною кофе. Аманда взглянула на потёртую чашку, взяла её в обе ладони и медленно поднесла к губам.

— Спасибо, — проговорила она наконец спустя ещё минуту.

Услышав её голос, такой человеческий и привычный, я, кажется, немного пришёл в себя. И потому всё же решился задать ей банальный, но очень волновавший меня вопрос.

— Вы в порядке?

Аманда неуверенно повела плечами.

— Не сейчас, хорошо? — она взглянула прямо на меня, и столько смятения и тревоги было в её глазах, что я невольно нахмурился. Впрочем, тут же постарался разгладить лицо в ободряющей улыбке:

— Разумеется.

Наш следующий поезд отходил почти через час, и всё это время мы провели в молчании. Так же молча поднялись в вагон и закрылись в купе, молча дождались, пока поезд тронется, и спустя минут десять впустили постучавшегося в окно Акко.

Когда я убедился, что тревожный взгляд Аманды не менялся даже от ласковых приставаний кшахара, я решился заговорить ещё раз.

— Мисс Кейтон, что произошло?

Она подняла на меня глаза и, помолчав ещё немного, наконец тихо ответила:

— Вы ведь видели, что.

— Я видел, но не уверен, что понимаю всё верно.

Во взоре Аманды наконец проступил страх — первая понятная мне эмоция за весь прошедший час.

— Я не знаю, как сделала это, — прошептала она. — Я пыталась повторить это раз десять за последний час, но... я не знаю, как это получилось. Такое ощущение, что те действия вообще... не были моими. Мистер Сандерс, я... я становлюсь одной из них...

Такая потерянная. Такая хрупкая... У меня появилось желание пересесть к ней и обнять, чтобы хоть как-то утешить. Но, во-первых, всё оставшееся место на её диване занимал Акко, а во-вторых, это было странным желанием. Станным и очень глупым.

— Мисс Кейтон... вы боитесь?

— Разумеется, я боюсь! — воскликнула она. — Что если мы не успеем найти рукопись?.. Что если они доберутся до неё раньше?.. Если я не найду способ исцелить нас с Аннабель... Если я сойду с ума прежде, чем успею понять, как сделать это...

— Аннабель тоже начинала с проявления таких вот... способностей? — спросил я.

— Нет, — Аманда качнула головой. — То есть, я не знаю. Я никогда не видела, чтобы она двигалась так или делала ещё что-то столь же неестественное...

— Я слышал, как она шипела, так же, как они.

Чуть помедлив, Аманда кивнула.

— Да. Да, пожалуй.

— Почему они делают это?

— Что, шипят? Не знаю. Кажется, это связано с тем, что демон приспособливается к жизни в новом теле, постепенно осваивает контроль. И речь даётся им труднее всего. Вы, может быть, не заметили, но новообращённые обычно и вовсе не способны разговаривать...

Мне припомнились те двое, которых я повстречал первыми несколько недель назад, возвращая ещё незнакомую мне Аманду в Виндсхилл из столицы. И действительно, говорил со мной тогда только старший из них; младший же выражал свои мысли исключительно нечеловеческим шипением.

Демоны... Безумная выдумка, нелепое суеверие, которое тем не менее с каждым днём всё необратимее захватывало в свои неосязаемые лапы мою реальность. Демоны. Аманда. Её кровь. Не её — чужая...

— Вы не станете одной из них, — тихо, но уверенно произнёс я, всё отчётливее ощущая необъяснимое стремление утешить её, будто это могло убедить и меня в том, что я не сходил с ума, что всё это действительно происходило с нами.

Аманда подняла на меня глаза с удивлением и надеждой.

— Почему вы так думаете?

— У меня есть неопровержимое доказательство, — я выдавил из себя улыбку и кивнул в сторону мирно свернувшегося подле неё кшахара. — Акко рядом с вами. А этих существ, кем бы они ни были, он на дух не переносит.

— Кто знает, может быть, он скоро отвернётся от меня, — проговорила Аманда, но Акко, резко подняв голову, рыкнул и мотнул головой.

Аманда усмехнулась и потрепала его по носу.

— Спасибо, малыш. И всё же... что если я тронусь рассудком так же, как Аннабель?

Акко фыркнул и оскалил зубы.

— Думаешь, этого не может случиться?

Акко ещё раз убеждённо рыкнул и опустил голову ей на колени.

Я вдруг подумал, что завидую ему — нет, конечно, не потому, что он мог претендовать на её нежные ласки, но потому, что она в самом деле верила ему. Верила так же, как когда-то мне, вот только я утратил её доверие безвозвратно... Признать все эти размышления полоумным бредом я просто не успел: Аманда посмотрела на меня, и всё вдруг выветрилось из моей никчёмной головы, оставляя внутри абсолютно пустое пространство.

— Мистер Сандерс... — она запнулась на мгновение, но потом всё же продолжила: — Я не знаю, может быть, я делаю глупость, что снова прошу о чём-то вас... но вы единственный человек, который знает о произошедшем так много, и мне больше некого просить. Если вдруг со мной что-то случится, если я не смогу продолжать поиски, если сойду с ума или... или умру...

— Ох, что за пессимизм, мисс Кейтон?

— ...то прошу вас, пообещайте, что закончите начатое за меня и сделаете всё возможное, чтобы помочь Аннабель.

Несколько мгновений я смотрел на неё внимательно и молча. Дьявол, да во что я

ввязываюсь?.. Кто мне эта Аннабель, чтобы посвящать свою жизнь её спасению?.. Да, мне — никто. Вот только она сестра Аманды, и после такой просьбы можно не сомневаться, что Акко упрётся несуществующим рогом, но заставит меня выполнить волю девушки...

— Она щедро заплатит, если вам всё удастся, — продолжила Аманда уже менее уверенно, видя мои колебания. — Просто скажите ей, что я обещала это вам...

Акко открыл глаза и взглянул на меня с настороженностью и явным непониманием.

— Мисс Кейтон!.. Помилуйте, — вымученно улыбнулся я. — Разумеется, я сделаю это. И не беспокойтесь: я быть может, не тот человек, которому вы всецело доверяете, но тут есть кое-кто, кто проследит, чтобы я исполнил вашу просьбу наилучшим возможным образом.

Аманда улыбнулась, взглядывая на Акко, и вновь перевела взор на меня.

— Я бы хотела доверять вам, мистер Сандерс, — сказала она, и, к моему невероятному удивлению, эти её слова вдруг отозвались неясной надеждой в моей душе. — Я хотела бы когда-нибудь снова суметь сделать это.

Правило "лучше поздно, чем никогда" работает только в тех случаях, когда не слишком поздно.

Макс Фрай

До Виндсхилла мы добрались ближе к вечеру. Аманда намеревалась не мешкая направиться домой, но я остановил её, прежде чем она выпорхнула из купе, будто встревоженная птица.

— Распустите волосы, мисс Кейтон.

Она недоумённо взглянула на меня, однако спустя миг её взор отразил понимание.

— А вы наблюдательны, мистер Сандерс, — отозвалась она с едва заметной улыбкой на губах.

— Работа обязывает.

Аманда потянулась к заколкам и, вынув их, тряхнула головой. Золотые волны мягко легли на её плечи.

— Так лучше? — осведомилась она, а я вдруг растерянно замер, наблюдая, как переливаются в неярком свете густые локоны и как преображают они строгие красивые черты её лица.

— Лучше, — наконец выдавил я из себя, мысленно проклиная собственное замешательство. — Ещё бы платье сменить, только, наверно, взять его негде.

— Сойдёт и так, — уверенно возразила Аманда. — Главное вести себя, как она, и тогда сомнений ни у кого не возникнет. Ведь меня все считают мёртвой.

— Скорее, пропавшей без вести, — мягко поправил её я, удивляясь, как меня коробит от слова "мёртвая", произнесённого ею вслух.

До особняка Кейтонов мы добрались без происшествий. Составлять компанию Аманде во время разговора с отцом мне, очевидно, не стоило, и потому я решил использовать выдавшееся свободное время, чтобы навестить собственный дом и, как минимум, отыскать себе свежую рубашку.

На Шэрринг-стрит было пусто и тихо. Даже света в окнах в такой час было почти не сыскать: здешним жителям ночное освещение не по карману. Я прошёл по безлюдной, будто вымершей улице к узенькой дверце своих апартаментов и, отперев её, шагнул внутрь.

Запах гари внутри, к моему удовольствию, уже почти выветрился, а вот копоть со стен, разумеется, никуда не делась. Стараясь не перемазаться, я наощупь пробрался в кабинет и прошёл к столу в поисках лампы.

Позади скрипнула половица.

Я резко обернулся, хватаясь за висевший на поясе револьвер, но — слишком поздно.

Чёрное дуло, почему-то так отчётливо различимое во мраке, смотрело прямо мне в грудь.

— Руки вверх, мистер Сандерс, — произнёс незнакомый мне голос. — И без глупостей. "Вот те на, — пронеслось в голове. — Кажется, не стоило отпускать Акко..."

Мои ладони послушно поднялись кверху.

— Кто вы? Что вам нужно? Если вас послал кто-то из моих клиентов, то смею заверить...

— Ваши клиенты меня не интересуют, — отрезал он и тут же продолжил: — Выложите револьвер на полку и верните руки в прежнее положение.

"В прежнее положение?.." — я бы хмыкнул вслух, наверное, если бы ситуация позволяла. Нет, ну кто, скажите, изъясняется подобным языком?..

— Могу я узнать, что вам нужно? — спросил я, выполнив его указание.

В конце концов, если бы хотел меня убить, сделал бы это сразу, не тратя времени на разоружение. Нет, этот незваный гость явно хотел поговорить.

— Знаете, мистер Сандерс, — произнёс незнакомец, явно игнорируя мой вопрос, — говорят, что преступники всегда возвращаются на место преступления. Но есть ещё одна, более очевидная, на мой взгляд, истина: кем бы ни были люди, они всегда возвращаются домой.

— С этим не поспоришь, — не стал возражать я.

— Я ждал вас целых три дня, — продолжил мой собеседник, — ждал только для того, чтобы задать один вопрос, и будет лучше, если вы сразу на него ответите. Не испытывайте моё терпение, поверьте, вам не стоит делать этого.

— Я с удовольствием отвечу на ваш вопрос, как только вы зададите его, мистер...

— Дадлоу, — соизволил представиться он и повелел: — Зажгите лампу.

Когда комната осветилась, я с нарочитой беспечностью опустил в кресло, разглядывая гостя снизу вверх. Пусть не думает, будто я боюсь наставленного на меня револьвера. А правда это или нет, неважно... Впрочем, к моему удивлению, оружие он вдруг опустил и, скользнув рукой в карман, бросил на стол три фотокарточки.

— Расскажите мне, что вам известно об этом человеке.

Я бросил взгляд на верхний снимок.

— Жаль разочаровывать вас, но ничего. Я никогда его не видел.

— Ложь.

Я нахмурился и взял карточки в руки, чтобы рассмотреть внимательнее. Надо сказать, снимки впечатляли. Чёрно-белые, они тем не менее были весьма качественными, и я мог с уверенностью сказать, что передо мною — изображения трупа. Мужчина, чуть старше сорока на вид; лысая голова, круглое лицо, впалые глаза, брыли, как у бульдога. Левая сторона черепа рассечена, будто по ней ударили чем-то острым и тяжёлым. На второй фотокарточке — тот же труп, только в полный рост, лежащий на столе и раздетый до пояса. Тело, когда-то явно бывшее более плотным, но быстро исхудавшее: дряблая кожа на руках и животе, впадины между рёбер. И, наконец, на третьей — он же, перевёрнутый на живот. По спине, вдоль всего позвоночника тянется странная, некрасивая татуировка... Приглядевшись, я вскрикнул и бросил карточки на стол.

— Дьявол, что это?!..

Не татуировка. Совершенно точно нет. По фотографии разобрать было сложно, и всё-таки я почти не сомневался, что однажды видел похожее повреждение на коже живого человека...

На руках Аманды.

— Что это? — повторил я тише, взглядывая на Дадлоу и неожиданно сознавая: — Этот человек — из Ордена?..

Тот неприятно сощурился, скулы его напряглись.

— Не играйте со мной, мистер Сандерс. Вы прекрасно знаете, кто он и откуда!

Вот уж честно, не имею понятия...

— Вы убили его!!.. — револьвер в руках моего собеседника опасно взметнулся.

— Я???.. Убил?!..

— Вы столкнули его с обрыва у заброшенного маяка!!.. — руки Дадлоу дрожали, и чёрное дуло устрашающе колебалось. Лишь бы случайно не спустил курок...

А потом меня вдруг осенило.

— Так это тот самый?.. Который бросился за Аmandой?.. Его ведь вытащили из воды, так?

— Разумеется, так, — процедил Дадлоу сквозь зубы. — Потому что кто-то столкнул его туда, и у меня есть все основания полагать, что это были вы.

— А второе тело нашли? — быстро осведомился я со всей серьёзностью.

Мой вопрос предсказуемо поставил Дадлоу в тупик.

— Второе?..

— Тело девушки. Она прыгнула с того самого обрыва, и за ней сорвался этот человек, пытаюсь её остановить, — я бережно сложил фотокарточки в стопку и продолжил, пристально глядя на Дадлоу. — Я никого не убивал. Хотя, не стану отрицать, действительно был на маяке в ту ночь. Вот только откуда вам об этом известно?

— Поведали добрые люди, — пробормотал Дадлоу и махнул револьвером: — Повернитесь и разденьтесь до пояса.

— Что?.. — холод пробежал по моей спине. Он ведь не собирается убивать меня, так?.. Хотя просьба раздеться в свете планируемого убийства звучит странно: едва ли ему мог настолько приглянуться мой потрёпанный наряд...

— Раздевайтесь, я сказал!.. Хочу увидеть вашу спину.

До меня наконец дошло.

— Я не один из них, — облегчённо произнёс, расстёгивая жилет.

— Вот это мы сейчас и проверим.

Я стянул через голову рубашку и встал так, чтобы свет от единственной лампы лучше освещал мою кожу.

— Убедились?

— Пожалуй, — в его голосе облегчение почему-то смешалось с досадой. — Одевайтесь.

Я надел обратно рубашку и обернулся. Дадлоу ещё несколько мгновений с сомнением глядел на меня, потом опустил револьвер и тяжело рухнул в кресло.

— Расскажите мне, что произошло. Я хочу знать, как погиб мой... этот человек.

— Ваш брат? — сочувственно закончил за него я, опускаясь напротив, а Дадлоу вдруг резко поднял глаза, и лицо его дрогнуло.

— Мой сын, — глухо произнёс он.

Я удивлённо поднял брови, потом невольно снова взглянул на снимок. Жертве на вид было не меньше сорока; самому же Дадлоу едва ли перевалило за сорок пять.

— Не верится, да? — горько усмехнулся мой собеседник. — Ему было девятнадцать. Всего каких-то четыре месяца назад он был юным, бесшабашным и таким красивым...

— Как такое возможно?.. — тихо пробормотал я, и Дадлоу поднял на меня отчаянный

взор.

— Я надеялся, что вы расскажете мне. Честно говоря, я ожидал, что вы окажетесь одним из них, потому что иначе я не представлял себе, как вы могли бы одолеть его, совладать с его... способностями.

— Логичный довод, — поспешил согласиться я. — А почему вообще вы подозревали меня?

— Эта странная девушка, которая явилась в управление и забрала труп Дэйва прямо со стола нашего патологоанатома, сказала мне, чтобы я не закрывал дело и указала на вас как на преступника.

— Так вы детектив? — невольно вырвалось у меня.

Дадлоу лишь кивнул и продолжил:

— Она сказала, будто видела, как вы столкнули его. Я поверил ей — боль за сына сделала меня готовым принять любую версию, лишь бы найти виноватого. Но теперь... Она ведь тоже настойчиво расспрашивала меня, нашли ли только одно тело и хорошо ли обыскали скалы вокруг. Она не уточняла, кого ещё мы должны были там обнаружить, и, разумеется, не отвечала на вопросы о том, что сама делала на месте преступления... с такой свитой, какая сопровождала её, знаете ли, никто не решился бы проявлять настойчивость в расспросах.

— Понимаю, — участливо кивнул я, хотя в самом деле понимал немного.

Аннабель указала на меня как на преступника??. Чёрт побери, зачем?.. Да и как вообще она могла узнать, что я был там — ведь я совершенно уверен, что она не видела меня ни разу?..

— Она настойчиво рекомендовала мне арестовать вас, как только вы объявитесь, даже сообщила мне ваш адрес, — продолжил между тем Дадлоу. — Не знаю уж, чем вы ей так насолили.

Если бы я сам понимал, подумалось мне. Аннабель не могла знать, что я был в ту ночь на маяке, и тем не менее она дала наводку городскому детективу с тем, чтобы меня задержали и...

Задержали.

Догадка озарила меня столь резко, что я подскочил в кресле, заставляя Дадлоу нервно наставить на меня револьвер.

— Не нужно, детектив, — повёл ладонью я. — Мне только необходимо проверить кое-что...

С этим я устремился в холл, прихватывая с собой единственную зажжённую лампу.

— Что вы ищете? — спросил Дадлоу, наблюдая, как я лихорадочно шарю руками по захлавленной поверхности придверного комода.

— Записку, — отозвался я, сгибаясь и осматривая пол вокруг.

Но "предсмертная" записка Ааманды, которую я — точно помню — бросил на комод, перед тем как схватить пальто и устремиться на маяк, просто канула в неизвестность. А вернее сказать, в руки одной очень хорошо знакомой мне блондинки.

Значит, Аннабель подумала, будто я мог отправиться на поиски вместе с Акко. Что я могу знать что-нибудь... И попробовала задержать меня, чтобы я не добрался до места первым.

— Что вы вообще знаете об этой организации? — вновь подал голос Дадлоу, замечая, что я застыл, как изваяние. — Что они делают там с людьми? Что они сделали с моим

сыном?

— Они отдали его демону, — отозвался я в задумчивости, но меня вывел из ступора ошеломлённый возглас детектива:

— Что??!..

Я обернулся и взглянул в растерянные глаза.

— Простите, мне жаль, что это произошло именно с вашим близким.

— Что значит, отдали демону?! Хотите сказать, они там приносят в жертву людей?!

— Можно считать и так. Они проводят специальный ритуал, после которого человек перестаёт быть самим собой. Он умирает, потом вновь возрождается к жизни, но уже лишённый собственной души, место которой занимает демон. Из-за этого они начинают так быстро стареть, странно двигаться и общаться... Вы ведь наблюдали всё это, не так ли?.. Это нечеловеческое шипение, невероятную скорость...

— Да, — подавленно кивнул Дадлоу, прислоняясь к стене. — Да...

Мне внезапно стало жаль его.

До сих пор орденские марионетки казались мне безликими, неживыми, будто и впрямь были всего лишь куклами, одинаковыми взаимозаменяемыми пешками на шахматной доске. Но теперь я смотрел на Дадлоу — этого неплохого, наверное, человека из правильного, обыкновенного мира — я смотрел на него и понимал, что каждая иссохшаяся марионетка в сером балахоне ещё совсем недавно была живым существом. Молодым, сильным, весёлым парнем или девчонкой, с мечтами, с будущим и с целой жизнью впереди.

А потом, всего через несколько месяцев, всё, что оставалось от этой светлой, беспечной жизни — убитые горем близкие да серый труп с ввалившимися рёбрами и обезображенной чёрными отметинами спиной.

— Он приходил домой, — прошептал Дадлоу, но будто не мне, а себе самому. — Хотел ещё младшенького забрать к себе, но только я не позволил. Отослал его к тётке, подальше отсюда... Теперь точно знаю, что не зря.

— Не зря, — подтвердил я тихо.

— Мне нужно было и Дэйва остановить, вытащить его из этой передраги... Когда всё только началось, когда эти страшные отметины на его спине ещё так не проявились... я должен был отвести его к Харрису, быть может, тот сумел бы найти лекарство...

— Лекарства нет, — всё так же тихо ответил я. — Мы тоже ищем его, но пока безуспешно.

Дадлоу резко вскинул на меня глаза.

— Вы тоже?.. — переспросил он и сощурился с сочувствием: — Вы тоже потеряли кого-то в этом Ордене?

— Нет, — качнул головой я. — Пока ещё... нет.

— Следите за его спиной, — с неожиданно искренней заботой посоветовал мне Дадлоу. — Пока пятна не поднялись выше лопаток, у вас ещё есть время... потом они начинают распространяться быстрее. Всего неделя — и ваш друг начнёт стареть буквально у вас на глазах.

...Дадлоу оставил меня в сильнейшем смятении чувств. Ещё с четверть часа я стоял недвижимо, вглядываясь в пространство, и только теперь, казалось, начинал по-настоящему сознавать весь ужас происшедшего. Так, будто воочию увиденные следы на спине несчастного, когда-то именовавшегося Дэйвом, дёрнули внутри меня какой-то страшный спусковой крючок.

Это могло случиться с Аmandой — с этой хрупкой, но такой решительной девушкой, упрямо бросавшейся в неизвестность в надежде найти спасение для себя и сестры.

И я был рядом с ней всё это время — рядом, но не вместе. Я наблюдал за поворотами её судьбы безучастно, равнодушно стоя в стороне — так же, как наблюдал десятки других драм, мне безразличных. Это было нормальным, нет, это было единственно правильным и верным — не впутываться в чужие проблемы и беды, смотреть со стороны, а лучше — свысока. Знать, когда вступить в игру и когда выйти из неё, получив собственную выгоду, и — чёрт возьми, не лезть, не совать нос, куда не стоит... Главное, лучшее правило моей жизни. Наплевать на всё, что не касается тебя.

Однако теперь уже слишком поздно. И не стоит лгать самому себе — бесполезно сваливать всю вину на неожиданно ставшего сентиментальным кшахара. Я сам по уши увяз во всей этой истории, я сам не сумел остаться в стороне. Я нарушил собственные правила, я стал *причастен*, я начал ощущать себя обязанным этой обманутой девушке, в чью судьбу вмешался, когда не должен был...

Знакомое хлопанье крыльев заставило меня очнуться от размышлений. Акко приземлился возле ступеней и с нетерпеливым урчанием качнул плоской головой, призывая меня поторопиться.

— Сейчас дружок, — вздохнул я. — Дай мне ещё минуту. Я так и не успел сменить одежду.

Сила женщин в слабостях мужчин.

Вольтер

Аманда ждала нас у калитки чёрного хода, и лицо её светилось смесью волнения и торжества.

— Получилось? — мягко улыбнулся я, оглядывая её, и Аманда кивнула.

— Без сучка без задоринки. Правда, отец был несколько обескуражен тем, что слышал от Аннабель один и тот же вопрос по второму разу за выходные, но, похоже, моей эксцентричной сестре в последнее время и не такие странности сходят с рук.

— Хорошо.

Я не произнёс больше ни слова, только предложил ей руку, и мы направились в сторону ближайшей широкой улицы, чтобы поймать кэб. Было уже снова промозгло, дул неизменный для Виндсхилла колючий ветер, и, забравшись внутрь экипажа, мы оба невольно вздохнули от облегчения.

— Премерзкая погода у нас здесь, не так ли? — заметил я и бледно улыбнулся. — Я, наверное, даже рад, что нам вновь приходится отсюда уезжать.

Аманда изогнула бровь.

— Вы даже не спрашивали, куда мы направимся.

— Какая разница? Севернее Виндсхилла ничего нет, так что смею надеяться, что в пункте назначения будет приятнее и теплее.

— И опаснее, учитывая, что Орден, похоже, отправился туда ещё вчера.

— Они наверняка будут искать в самом поместье, а нам нужно найти верное место снаружи. Постараемся не лезть на чужую территорию, и всё будет превосходно...

— Что с вами, мистер Сандерс? — вдруг спросила Аманда.

— Что?..

— Вы на себя не похожи.

— Плохо замаскировался, наверное, — неудачно пошутил я.

Аманда не смеялась. Её серые глаза, казалось, пронизывали меня насквозь.

— Что-нибудь произошло?

— Нет.

Она явно не поверила, но предпочла промолчать.

Очередной наш поезд отходил ровно в полночь. Привычный скрип колёс, гудок, лязг тяжёлых дверей, захлопываемых проводниками.

— Долго нам ехать? — поинтересовался я наконец.

— Если не придётся ждать на развилке, то будем на месте уже следующей ночью.

— Что ж, будем надеяться, нам повезёт.

До перепутья мы должны были добраться к рассвету. Уже через полчаса после отбытия

Аманда задремала: видимо, сказала усталость нескольких дней, проведённых в бесконечных поисках и переездах. Я же никак не мог уснуть — всё смотрел на её нежное милостивое лицо и думал, думал, думал.

Что происходило с ней? Прав ли был Акко, считая, что она была иной, чем остальные? Или же только в деталях всё виделось по-другому, но при этом её ждал такой же, как и остальных, страшный и неотвратимый конец?..

Последняя фраза, сказанная Дадлоу, не давала мне покоя. Пока отметины не достигнут лопаток, ещё есть время... Но как узнать, насколько плохо всё было с ней?..

В какой-то момент я бесшумно сполз с дивана и опустился на колени подле дремавшей Аманды. Её дыхание было тихим и ровным во сне. Несколько локонов выбивались из-под щеки, где была спрятана одна затянутая в кружево ладошка; вторая свободно покоилась на диване. Чёрное, будто траурное кружево обхватывало её пальцы, надёжно скрывая их от чужих глаз.

Я осторожно взял руку девушки и развернул к себе ладонью. Аманда не пошевелилась. Какое-то время я тоже не шевелился, потом скользнул пальцами под просторный рукав-колокольчик и осторожно потянул вниз тонкое кружево, обнажая перед своим взором чудно нежную кожу. Ниже, ниже... и вот они, страшные демонские метки на её руках.

Не такие большие, как мне казалось — только на запястьях и немного выше, и, признаться честно, не такие уж страшные. Действительно немного похоже на чёрные вены, но не жуткие, а изящные и тонкие, как и вся она. Я бережно коснулся одной пальцем и проследил её снизу вверх.

Аманда вздрогнула и проснулась.

— Что?..

Придя в себя и осознав происходившее, она резко отдернула руку и села, широко раскрывая глаза.

— Мистер Сандерс... что... что вы делаете?..

Я, к своему невероятному удивлению, почувствовал, как обдаёт жаром кончики ушей.

— Простите, мисс Кейтон. Не знаю, о чём я думал.

Аманда вдруг взглянула на собственное запястье и нахмурилась.

— По-моему, раньше они были заметнее. Или мне кажется?

— Не знаю. Может быть. Мне сложно судить, я видел их всего раз и в полутьме...

— Неважно, — Аманда, будто очнувшись от наваждения, резко натянула перчатку и стрельнула в меня неодобрительным взором. — Постарайтесь больше так не делать.

Я честно старался.

Но мысли о том, что время безжалостно утекало сквозь мои пальцы каждую минуту, пока мы тряслись в этом поезде, не давали покоя. И быть может, именно сейчас мерзкие отметины ползут по спине Аманды, невидимые никем, но такие неумолимые. Сколько ей осталось?..

— Сколько, вы говорили, они обычно живут?

Аманда нахмурилась, видимо, не сразу понимая мой вопрос. Потом отвернулась к окну.

— Около полугода.

— А когда начинают стареть?

— Спустя месяц, иногда два.

Я прикинул в уме. Месяц... Ритуал над Амандой провели пару недель назад. А над Аннабель?.. Выходит, уже почти три месяца...

— Ваша сестра...

— В её жилах, как и в моих, течёт чужая кровь. По-видимому, она немного замедляет процесс.

Аманде явно не хотелось говорить об этом. Она смотрела в окно, упрямо поджав губы, так, словно отрицание реальности могло бы уберечь её от всего.

А вот я, напротив, как никогда ясно ощущал: не могло. Ничто не могло остановить последствий ритуала, которому я столь легкомысленно позволил случиться; ничто не могло отвратить от Аманды меч, нависший над её головой.

Вопрос был лишь в том, сколько времени ещё оставалось у неё в запасе.

Судьба, казалось, решила сыграть с нами злую шутку: ведь почему-то именно тогда, когда я начал ощущать время так остро, нам пришлось ожидать на пересадке больше пяти часов. Аманда, всего немного подремавшая за ночь, устало клевала носом на вокзальной скамейке, и я, наконец не выдержав, поднялся.

— Пойдёмте, мисс Кейтон. Снимем комнату в привокзальной гостинице. Вам нужно отдохнуть перед тем, как мы очертя голову бросимся на поиски драгоценной рукописи.

— В поезде отдохну, — возразила Аманда, но я был непреклонен.

— Нам ждать пять часов. Будете всё это время сидеть на скамейке?

В конце концов, она сдалась.

Мы сняли одну комнатку на двоих — так было спокойнее. К тому же, глупо было разводить мнимые приличия после того, сколько времени мы проводили наедине в бесчисленных купе. Гостиница была дешёвой, и кроватей предсказуемо оказалось две, сдвинутых вместе: как раз для того, чтобы подобные нам путники всегда могли всунуть тумбочку между ними.

Я потратил ровно полминуты на то, чтобы исполнить сей незатейливый трюк, а обернувшись, увидел, как Аманда ослабляет корсет своего платья. Забыв обо всём — и в первую очередь о приличиях — я застыл в каком-то странном ступоре, наблюдая за ее действиями. О чём я думал? Не знаю. Я просто смотрел на неё и видел тонкие пальцы, изящные линии тела, длинные шёлковые завязки...

— Я не намерена раздеваться, если вы этого ждёте, — заметила Аманда.

Я вздрогнул. Она не смотрела в мою сторону, и оттого, наверное, мне казалось, будто она не видит меня, застывшего едва ли не с открытым ртом посреди комнаты.

— Я... простите, — пробормотал смущённо и отвёл глаза; потом, осмелев, вновь посмотрел на неё. — Мисс Кейтон, позвольте мне взглянуть на вашу спину.

Аманда замерла, словно сомневаясь, не подвёл ли её собственный слух; потом, видимо, так и не убедившись, обернулась ко мне и устремила на меня полный непонимания взор.

— Прошу прощения, что?

— Вы когда-нибудь видели их со спины? — тихо спросил я. — Я имею в виду, этих своих орденцев. Или Аннабель. Видели эти... отметины?

Аманда нахмурилась, давая понять, что ответом было "нет".

— Один человек поведал мне вчера вечером о важном наблюдении...

— Что? Какой человек? — она всплеснула руками. — Я ведь знала, что что-то произошло!..

— На их спинах появляются отметины. Чёрные разводы вдоль всего позвоночника, они начинаются снизу и постепенно поднимаются вверх...

Аманда, не дослушав меня, развернулась ко мне спиной и дёрнула шнуровку корсета.

— Смотрите.

Я, признаться, даже опешил от её неожиданного согласия и не сразу шагнул к ней.

— Ну же, мистер Сандерс. Если это происходит и со мной, то я хочу знать, насколько всё плохо. Зеркала здесь нет, так что...

Не знаю, почему меня так удивила её реакция. Наверное, от благородной девицы я ожидал кучи ханжеских упрёков и обвинений в покушении на её невинное тело; Аманда же, осознав ситуацию, отнеслась к ней настолько хладнокровно и рассудительно, что я и впрямь не знал, что сказать.

Хорошо, что говорить в тот миг мне было и не нужно. Я сделал шаг к девушке и коснулся шнуровки; спустя полминуты внешний корсет был побеждён, и я, затаив дыхание, отвернул плотную ткань наружу.

Тонкие линии шеи и плеч, выступающие над сорочкой крылья лопаток. Кожа была нежной и бархатистой, без следа какой-либо черноты.

— Что там? — тихо спросила Аманда, и я ощутил напряжение, сквозившее в её голосе. Не только в голосе, впрочем: всё тело её буквально натянулось струной.

— Пока ничего, — прошептал я и потянул шнуровку нижнего корсета. — Позвольте взглянуть дальше?

— Да, — натянуто выговорила она.

Я ощутил, как она дрожит, стараясь стоять недвижимо под моим прикосновением. Ещё один корсет, под ним — сорочка на совсем тоненьких завязках, в которых мои пальцы принялись путаться, будто у юнца в первый раз. Впрочем, стоит признаться, женщин я давненько не раздевал и по более подходящим поводам... Мысленно чертыхнувшись, я постарался отмести излишние сейчас фантазии, однако вопреки велениям разума, по телу принялась распространяться дурманяще горячая волна.

Аманда стояла, прижимая руки к груди и придерживая платье, которое теперь больше ничем не удерживалось сзади. Такая доверчивая и оттого ещё более незащищенная, она стояла передо мной, слегка повернув голову и ожидая моих слов, будто приговора, а я, наконец справившись с последней преградой, отделявшей меня от её обнажённой кожи, замер, не в силах выдавить из себя ни звука.

Такие маленькие, тонко очерченные лопатки. Такая притягательно красивая вогнутая линия позвоночника. Такая восхитительно нежная кожа, что нестерпимо хочется проверить, в самом ли деле она настолько мягкая, как кажется. Просто провести пальцами...

— Мистер Сандерс?..

Её шёпот кружит голову и заставляет дрожать, едва не теряя контроль.

— Сейчас.

Я опускаюсь на колени, чтобы лучше разглядеть поясницу, хотя мне и так уже ясно: её кожа чиста, словно первый снег. Не нужно было делать этого, понимаю спустя мгновение. Так близко хочется не просто дотронуться — хочется поцеловать её, ощутить её вкус...

Я прикасаюсь пальцем и легко провожу им вдоль позвоночника, сверху вниз. Аманда резко втягивает носом воздух.

— Мистер Сандерс?.. — её голос звучит напряжённо и немного напуганно. — Что там?..

— Ничего, — я убираю руку и резко поднимаюсь, наконец справляясь с наваждением. — Там нет ничего, Аманда. Вы чисты.

...В себя я приходил медленно, помогая Аманде зашнуровывать обратно все слои

укрывавшей её ткани. Хорошо, что в это время она не видела моего лица, отражавшего, не сомневаюсь, лишь откровенное и полное смятение, в котором я пребывал.

Такая чистая. Такая хрупкая. Такая невинная.

Я зашнуровал её платье и отступил на шаг, не говоря ни слова. Аманда обернулась ко мне и внимательно взгляделась в лицо.

— Вы ведь солгали мне, верно?..

— Что?.. — я постарался придать голосу беспечности, но вышло, кажется, неубедительно.

— Что вы увидели там? Насколько всё плохо? Скажите же мне.

— Аманда, там ничего нет. Ни пятнышка.

— Тогда почему же вы... — она нахмурилась и качнула головой, но, к моему сожалению, всё-таки осмелилась закончить: — Почему вели себя так странно?

Странно... разве это так странно — желать женщину, когда раздеваешь её?.. Когда в действительности видишь ещё совсем немного, но воображение уже рисует перед тобой её восхитительное полуобнаженное тело?..

— Не понимаю, о чём вы, — неуклюже бросил я единственное, что пришло на ум, и торопливо направился к выходу. — Отдыхайте, мисс Кейтон. Я вернусь через пару часов.

Я уже был у двери, когда она тихо окликнула меня:

— Мистер Сандерс.

Я вздрогнул. Обернулся.

— Да?..

— Поклянитесь, что не солгали мне.

Она смотрела на меня с недетской серьёзностью и ощутимым страхом. А я сознавал, что плавлюсь под этим её взглядом, будто свечка, брошенная в огонь. Ну не мог же я, в самом деле, признаться ей, что помешался рассудком от неожиданного осознания её женственной притягательности, при этом не узрев ничего откровеннее узкой полоски её шелковистой кожи?..

— Я клянусь, мисс Кейтон. Чем хотите клянусь. Своей дружбой с Акко. А теперь отдыхайте наконец. Не сомневаюсь, силы вскоре понадобятся нам обоим.

Я вернулся в номер спустя полтора часа, прикупив масляную лампу, десяток свечей, две фляги для воды и немного нескорпортящейся провизии для нашего путешествия. Разумеется, хотелось надеяться, что всё это нам не понадобится, и поиски займут несколько часов от силы, однако кто мог знать, как повернутся события. Если верить сказке, нам с Амандой предстояло спуститься под землю, а значит, лучше было быть готовым ко всему.

Аманда спала, укрывшись потёртым тонким одеялом на одной из узких кроватей, и какое-то время я, опустившись напротив, молчаливо разглядывал её. Слишком много времени, если быть честным, я в последние дни уделял этому занятию. Не нужно было быть провидцем, чтобы понимать, что с такой девушкой, как она, мне даже мимолётной интрижки не светило. Она принадлежала к другому миру, к той недосыгаемой касте, в которую мне путь был заказан навеки. И как бы я ни презирал этих самовлюблённых мерзавцев, как бы хорошо ни знал это прогнившее общество изнутри, сейчас, неожиданно, я был вынужден признаться самому себе, что где-то глубоко в корне моего презрения крылась низменная и совершенно банальная зависть. Что если бы я родился более удачливым?.. Что

если бы получил какое-нибудь, пусть даже скудное, папенькино наследство, какое-нибудь, пусть даже малоизвестное, но всё же благородное имя?.. Могла ли тогда такая девушка, как Аманда, посмотреть на меня другим взглядом?.. Могла ли улыбнуться мне так, как однажды, когда всего на миг ошибочно приняла меня за высокородного лорда Уимбли?..

Нет, дьявол меня побери, нет — гнать из головы эти странные, безумные мысли. Ведь ничего, абсолютно ничего из их мира мне не нужно. Ни их титулов, ни их поганой власти, ни уж тем более женщины такой, как она. Как будто я не знаю, где могу найти дам поговорчивей и уж точно не таких проблемных, как эта моя недоклиентка. Как будто если бы не Акко, я бы вообще торчал сейчас в этой замшелой гостинице, вынужденный проводить слишком много времени рядом с ней... Спящей. Нежной. Такой красивой.

Судорожная волна прокатилась по моему телу, сжимая сердце.

Судьба была так несправедлива к ней, бросив её, неподготовленную, в самую гущу жутких событий, утопив в страхе и предательстве, оставив одну посреди разворошённого осинового гнезда... Демонского гнезда.

Успеем ли мы разгадать загадку раньше Ордена?.. Найдём ли эту чёртову рукопись, отыщем ли лекарство, способное исцелить Аманду и Аннабель?.. Ответов на эти вопросы у меня не было, но теперь я окончательно сознавал, что они были мне небезразличны.

Я хотел бы спасти её.

Пусть даже она никогда не улыбнётся мне, как тому проклятому Уимбли, но, видят боги — я хотел бы её спасти.

Можешь не волноваться. Всё выходит из-под контроля самым лучшим образом.

Дуглас Адамс

— Вы основательно подготовились, — заметила Аманда, с одобрением разглядывая мой нехитрый арсенал.

Фляги я уже наполнил водой и теперь, сойдя с поезда на нужной нам станции, протянул одну Аманде.

— Возьмите. И ещё вот, — за флягой последовали несколько свечей. — Надеюсь, что вам не придётся воспользоваться ими самостоятельно, однако на случай, если мы разделимся...

Акко рядом недовольно забурчал, всем своим видом показывая своё отношение к подобному варианту. Я улыбнулся и потрепал его по голове.

— Это просто на крайний случай. Разумеется, мы постараемся такого не допустить.

— Мистер Сандерс... — Аманда запнулась, но почти тут же подняла на меня тревожные серые глаза: — Спасибо, что в самом деле помогаете мне. Стыдно признаваться в том, какая я трусиха, но здесь, в получасе от поместья... мне почему-то делается очень страшно.

— Всё будет хорошо, — постарался ободрить я её, хотя мне и самому было не по себе.

Предрассветные сумерки ползли по земле холодным, недружелюбным туманом, и могу поспорить, не одному мне в тот миг он казался живым. Живым и голодным, готовым поглотить незваных путников и никогда больше не вернуть их обратно... Я тряхнул головой, рассеивая наваждение.

Всего лишь туман.

Скоро будет рассвет.

Аманда в последний раз сверилась с картой, которую прихватила с собой из дома, и указала на одну из двух укутанных влажным белёсым покрывалом дорог.

— Нам сюда.

Идти пришлось и вправду не более получаса. Акко реял над нами где-то в вышине, и к концу пути уже рассвело достаточно, чтобы я мог разглядеть его силуэт в нескольких метрах над собой. Дорога шла через лес и казалась не слишком наезженной: то корень попадался под ноги, то колея терялась в увядшей от холода и сырости траве. Несмотря на то, что мы были на несколько сотен километров южнее Виндсхилла, здесь воздух казался холоднее — возможно, всё от той же сырости. Я отметил это вслух, и Аманда кивнула.

— Тут очень много болот, от них и влажность. Честно говоря, мне всегда казалось удивительным, что предки моей матери выбрали такое странное место для особняка. Впрочем, я слышала, что род Боуфордов обосновался в этих краях ещё со средних веков, и когда-то тут стоял даже настоящий рыцарский замок. Вот только не выдержал гуляющей под

ногами земли да и обвалился...

Слушая отвлечённый рассказ Аманды, я стал чувствовать себя немного лучше: не то от позабавивших меня мыслей о горе-архитекторах, выстроивших замок на болоте, не то просто от успокаивающего звука её голоса.

Поместье с трёх сторон было окружено неприступным еловым лесом и ещё более недружелюбным сплошным забором метра в два высотой. С четвёртой стороны от ельника дом отделялся той самой дорогой, по которой мы пришли, и небольшим прудом, уже почти превратившимся в очередное местное болото: поверхность его была почти сплошь затянута ряской, а берега облюбовали камыши. Всё это вкупе с белёсым туманом, застилавшим дорогу, создавало весьма унылое впечатление. Ближайшая деревня осталась в двадцати пеших минутах позади, и это место казалось даже не просто заброшенным, но каким-то... мёртвым. Будто призрачные развалины, темнели над забором острые крыши господского дома, вокруг было тихо, пусто и промозгло. Даже птиц не было слышно, хотя уже вступил в свои права тускло-серый рассвет.

— Слетаешь на разведку, Акко? — тихо предложил я, когда мы достаточно осмотрелись, прячась от возможных взглядов за густыми еловыми ветвями. — Нам нужно знать, сколько здесь выходов, видно ли кого-нибудь в доме, и если заметишь поблизости какие-нибудь строения, тоже запоминай.

— И как он расскажет нам о результатах? — с сомнением поглядела на меня Аманда.

— Как-нибудь справимся. Другого варианта у нас всё равно нет: оставить вас здесь одну я не могу и отправить вместе с Акко тоже — практики у вас маловато и в полётах, и в разведке.

Аманда нахмурилась, но возражать не стала: понимала, что я был прав. Этим она мне нравилась: никаких присущих женщинам капризов и обиженно надутых губок, только рассудительность и здравомыслие во всём. Ну и что, что чересчур доверчива и наивна?.. Это ведь поправимо. Повзрослеет — пройдёт.

Мы условились, что будем ждать Акко за прудом-болотом: так мы могли достаточно хорошо видеть главный вход в поместье и в то же время находились на безопасном расстоянии от него.

— Замёрзли? — спросил я, наблюдая, как Аманда плотнее кутается в тёплое пальто и прячет подбородок в воротник.

— Зябко, — ответила девушка. — Но не замёрзла.

— Акко быстро вернётся, — заверил я её. — Куда быстрее, чем если бы мы сами потащились сквозь эту чащу.

— Это несомненно, — Аманда улыбнулась уголками губ. — Мистер Сандерс... спасибо за вашу помощь.

— Вы уже говорили, — заметил я, искоса взглядывая на неё.

— Говорила. Но хочу сказать ещё раз. Я просто не представляю себе, что бы делала, окажись здесь совсем одна... да пусть даже с Акко. Мне страшно и сейчас; но всё же не настолько, как было бы, не будь никого рядом.

Я отвёл глаза, скрывая странную, невольную улыбку. А ведь говорила, что без Акко я ничего из себя не представляю. Не знаю, отчего эти слова так запали мне в душу, но я вспоминал о них по десятку раз на дню, и каждый раз они отзывались внутри досадой и обидой. Я ничего из себя не представляю... самым неприятным было размышлять над этим, искать опровержения и находить их недостаточно убедительными даже для самого себя. Я

ничего из себя не представляю... Вот, скажите, кто она такая, чтобы выносить мне столь безжалостный и уничижительный вердикт?.. И отчего я не могу просто плюнуть на её слова, отчего хочу непременно доказать ей обратное?..

Какой-то шорох раздался позади, и мы оба резко обернулись, вздрагивая, как от выстрела.

Аманда тихо вскрикнула, но тут же оборвала сама себя, зажимая рот ладонью, я же натянулся струной, но не произнёс ни звука. Горло сдавило так, что я просто не смог бы ничего произнести.

В десятке шагов от нас за поваленным наискосок сухим стволом стояло существо в сером балахоне. Именно существо — потому что ни один человек на свете не мог бы выглядеть *так*. Окровавленные ладони. С них медленно, извилисто сползают густые тёмные капли и срываются с кончиков пальцев в мёртвую траву. Пропитанный багровым балахон, отвратительное густо-влажное пятно на груди, покрытое ошмётками чего-то, ещё недавно живого. И — перемазанная кровью челюсть; окровавленные зубы медленно, будто во сне, оголяются в хищном оскале...

Всё это я успел увидеть за какое-то мгновение. Демон разглядывал нас лишь секунду, только чтобы осознать, что мы были здесь чужими. А потом — перемахнув через поваленное бревно, будто через крохотный порожек, он кинулся на меня страшным, неудержимым зверем.

Я не удержался от вскрика, рука легла на револьвер — поздно. Удар чудовищной силы, и я на лопатках, в спину вонзается что-то острое — корень, сухая ветка... Искажённое окровавленное лицо прямо надо мной, зияющие провалы чёрных глаз, оскаленные зубы... о боги, боги — не звериные, человеческие зубы...

А потом что-то отрывает его от меня, моментально освобождая меня от его веса, и я вижу, как тонкие руки в кружевных перчатках одним уверенным движением обхватывают его голову — и - хруст...

Тело хищного безумца повалилось на землю, будто мешок. Я медленно поднял голову, всё ещё мало что соображая, и встретил взор точно таких же чёрных глаз. Страшные, нечеловеческие, они смотрели на меня с лица Аманды.

А в следующий миг из её груди вырвался полный ужаса стон. Ресницы распахнулись, и глаза уже были серыми — вот так, просто, будто в один миг сузились донельзя расширенные зрачки.

— Нет... — простонала она и, прижав к губам ладони, принялась отчаянно качать головой, будто это могло изменить что-то. Медленно она отступила на шаг от безжизненного тела, не сводя с него взора, потом ещё и ещё, и, казалось, была готова сорваться на неконтролируемый бег — или упасть без сознания.

Я резко поднялся, забывая о боли в ушибленной спине, и подался к ней. Аманда вздрогнула, испуганно ловя мой взор, но я не остановился и, сделав ещё шаг, сжал её в своих объятиях.

— Тише, — прошептал, оглаживая ладонью её дрожавшие плечи, ловя пальцами растрепавшиеся волосы. — Тише, Аманда. Всё хорошо.

Она дрожала и сжималась, как от боли, в моих руках; не отстранялась, но и не прикасалась ко мне в ответ. Её горячее неровное дыхание согревало мой подбородок.

— Аманда... всё хорошо, — прошептал я в десятый раз, и она вдруг отпрянула, ища моего взора.

— Всё хорошо?.. Я у... убила его... он когда-то был человеком...

— Сейчас он точно им не был, — безапелляционно отрезал я. — Аманда, он уже сожрал кого-то и собирался растерзать меня... Честно говоря, я и не представлял себе, что они питаются таким образом.

Аманда нервно качнула головой.

— Нет, обычно они едят нормальную пищу. В разы больше, чем люди, но нормальную. А это... просто иногда случается с некоторыми.

Просто случается. Вот так легко: проклятый Орден выпускает в ничего не подозревающий мир чужеродных ублюдков, которые, просто случается, начинают пожирать людей.

— Вы убили демона, Аманда, — с холодной убеждённой проговорил я и чуть тише добавил: — Вы спасли мне жизнь.

Я, кажется, только теперь осознал это. Аманда, эта хрупкая девушка, свернула шею изошрённой потусторонней твари, вот-вот собиравшейся разорвать мне горло. Она спасла меня. Вот только... как?..

— Это опять были не вы? — спросил я, мрачняя, но тут же постарался стереть тревогу с лица. Она и так достаточно напугана.

Аманда неуверенно кивнула.

— Я всё помню, но, как и в тот раз... не знаю, как это произошло. Я понятия не имею, как можно сломать шею человеку, что нужно для этого сделать... и тем не менее... я это сделала.

Она вновь напуганно скосилась в сторону неподвижного тела, бесформенной окровавленной грудой покоившегося среди сухих еловых игл, но я поймал её лицо в ладони и заставил смотреть только на меня.

— Не оборачивайтесь. Не нужно.

Аманда робко застыла, ловя мой взор, и я осознал, что, наверное, позволяю себе больше, чем было положено. Всего пару дней назад она требовала, чтобы я вообще к ней не прикасался...

Я убрал руки и осторожно взял её под локоть.

— Пойдёмте. Нам лучше убраться подальше отсюда.

— А Акко? — беспокожно возразила Аманда.

Я улыбнулся.

— Не сомневайтесь. Он нас найдёт.

И, разумеется, он нашёл. Опустился чуть поодаль, там, где ему позволяло приземлиться небольшое пространство между деревьями, и тотчас ринулся к нам, перемахивая через препятствия с кошачьей грацией и кшахаровой быстротой. Остановился в полуметре, пригнувшись и переводя тревожный взгляд слепых жёлтых глаз с меня на Аманду и обратно.

— Мы в порядке, — заверил я успокаивающе и потрепал его по холке. — Был небольшой инцидент... но обошлось без увечий и без свидетелей, к счастью, тоже.

Акко раздражённо зарычал, по-видимому, злясь на самого себя, что оставил нас в опасности.

— Всё хорошо, — повторил я, начиная ощущать себя заезженной грампластинкой. — Рассказывай, что нашёл.

Акко сосредоточенно замер, ожидая моих вопросов.

— Сколько выходов, помимо главного? Один? Два? — получив утвердительный ответ, я удовлетворённо кивнул. — Хорошо. Видел кого-то на территории? Нет? А в доме? Тоже? Ладно. Сейчас ещё совсем рано, наверняка все ещё спят. Тем лучше для нас, несомненно.

Аманда следила за нашим разговором со всем вниманием, но не вмешивалась.

— Есть предположения, с какого выхода нам лучше начать? Где-то видел что-нибудь похожее на кузницу? Да??. Что ж, превосходно!.. Мисс Кейтон, — обратился я к Аманде, и она вздрогнула. — Думаю, нам лучше перейти дорогу вон там, чуть поодаль, а потом следовать за мудрым проводником.

Что мы и сделали.

Лес вблизи забора был не таким густым и непроходимым, но слишком приближаться к возможному обиталищу Ордена мы не решались, и потому двигались шагах в двадцати от него. Акко шёл впереди, выбирая наиболее удобный и чистый путь, периодически отшвыривая крупный мусор или приподнимая ветви крылом, чтобы мы могли пробраться под ними.

— Осторожнее, малыш, не поцарапайся, — заботливо нахмурилась Аманда, когда в очередной раз кшхар раскрыл одно крыло, освобождая нам лазейку, и еловые иглы отчётливо зашуршали по его грубой коже.

Акко фыркнул, да и я не сдержал усмешки, но всё же поспешил разуверить её:

— Не волнуйтесь, мисс Кейтон. Чтобы поцарапать кшхара, иногда даже ножа недостаточно. У них хоть и мелкая, но очень крепкая чешуя.

— На крыльях чешуи нет, — резонно возразила Аманда.

— Верно. И потому крылья самое уязвимое место, но всё же не для еловых иголок, поверьте.

Меня её тревога за Акко искренне позабавила, а вот самому кшхару, кажется, было приятно. Что ж, пусть тешится, подумалось мне. От меня-то таких нежностей не дождётся... да и не потерпит, если быть честным.

До нужной калитки мы добрались минут за двадцать. Правда, вплотную подходить всё же не стали: рассвело уже окончательно, и даже сквозь еловые заросли света пробивалось вполне достаточно, чтобы видеть так далеко вокруг, как позволяли деревья. Потому просто прикинули расстояние на глазок и принялись отсчитывать шаги.

Двадцать, тридцать, пятьдесят. Лес немного поредел, идти и видеть стало легче.

И, не досчитав даже до восьмидесяти, я уже понял, что за серый камень имела в виду наша сказка.

Я ничего не боюсь, кроме опасностей.

Франсуа Рабле

— Смотрите, мисс Кейтон. Вон там.

Аманда нахмурилась, глядя в указанном мной направлении.

— Что это? Похоже на...

— Кладбище, — закончил за неё я и процитировал: — "И там, за серым камнем, найти грехи волхвов..." Что ж, кажется, грехи тут сокрыты весьма тяжкие.

— О, боги, — прошептала Аманда, пробираясь ближе следом за Акко.

Лес окончательно расступился, оставаясь по левую руку и позади. Несмотря на то, что мы отошли от поместья всего на сотню шагов, казалось, что оно осталось где-то очень далеко, практически в другом мире. Там хранили молчание вековые ели и стелился по болоту туман; здесь же получивший раздолье ветер перекатывался по полю и с остервенением трепал высокую траву и ржаво-серый сухостой. Немного поодаль, в низине, виднелась маленькая церквушка, а от неё, взбираясь на покатый холм, вилась дорожка к совершенно обыкновенной человеческой деревне. Там, если присмотреться, уже можно было заметить первое движение просыпавшихся жителей.

— Не так уж и страшно, а? — попытался я ободрить Аманду, тревожно шагавшую рядом.

Она скосила на меня непонимающий взгляд.

— Грехи, сокрытые на кладбище — по-вашему, не так уж страшно?

— Нет, я не об этом. В целом, обстановка здесь лучше, чем у поместья. Как будто вырвались из какого-то... не знаю, проклятого места.

Аманда поёжилась, и я сжал губы, недовольный собой. Молодец, успокоил.

Мы добрались до кладбища и остановились, осматриваясь вокруг. Серого камня тут было действительно предостаточно: из него были высечены и старые, местами покосившиеся надгробные плиты, и сложен невысокий, кое-где осыпавшийся забор. Каменная же арка обозначала вход, сплошь захваченный в своё владение травой и сухостоем.

— По-видимому, заброшено достаточно давно, — выдал я нехитрое заключение. — Пойдём насквозь?

— Я не знаю, — неуверенно отозвалась Аманда. — Нужно? Мы могли бы просто его обойти.

— Какая разница? Не бойтесь, мисс Кейтон. Не думаю, что если мы ступим на эту землю, мертвецы повстанут из могил.

Аманду заметно передёрнуло.

— Простите, — усмехнулся я, но она уже взяла себя в руки.

— Вы правы, мистер Сандерс. Не будем впустую тратить время. Пойдёмте.

И первой ступила под каменный свод.

На какой-то миг мне показалось, что в ответ на мою насмешку что-то просто обязательно должно случиться. Очередной демон должен был поджидать нас за этим низеньким забором или, на худой конец, дряхлый полуосыпавшийся мертвец... Я натянулся струной, когда Аманда сделала шаг, и ещё один, и, видимо, не почувствовав моего присутствия, обернулась.

— Вы идёте?..

— Да, — встрепенулся я. — Да.

В конце концов, это всего лишь старое кладбище, заверил я самого себя и недовольно хмыкнул. Похоже, успокаивать тут нужно было не Аманду.

Мы пересекли всю его территорию целиком за пару минут, и уже у выхода что-то привлекло моё внимание. Что-то странное, почти незаметное на первый взгляд, и только ещё раз осмотревшись вокруг, я понял.

— Вот, они, Аманда, грехи волхвов.

Она вздрогнула и обернулась, прослеживая мой взгляд.

У самого выхода, вдоль обвалившегося забора, тянулся странно неровный участок земли. Несколько десятков продолговатых кочек, расположившихся вплотную, поросших травой и бурьяном, на первый взгляд не казались чем-то жутким — до тех пор, пока до сознания не доходило: эти почти сровнявшиеся с землёй возвышенности тоже были могилами. Непомеченными, безымянными. Принадлежавшими кому-то, чьих имён никто не знал... или не захотел вспоминать.

Я поднял глаза на Аманду. Она, побледневшая, стояла, напряжённо вытянувшись и сжимая губы с неясной для меня смесью чувств. Отчаяние и страх?.. Или злоба и ненависть к собственному предку?

— Кем был ваш дед? — спросил я, вдруг осознавая, что не знаю совершенно ничего об этом. — Ещё одним приспешником Ордена? Что за жуткие вещи они здесь творили?..

Аманда лишь медленно качнула головой.

— Я не знаю. По официальной семейной версии он был учёным. Натуралистом. Изучал редкую фауну, даже публиковал научные труды... та книга о кшахарах, которую вы читали в библиотеке, если не ошибаюсь, вышла как раз из-под его пера.

— Серьёзно?.. — удивился я и чуть нахмурился, припоминая имя на обложке: — Дж. Дж. Боуфорд?..

А ведь точно: Аманда упоминала эту фамилию, когда рассказывала мне о средневековом замке. Но мне даже в голову не пришло...

— Совершенно верно, — печально подтвердила Аманда и, взглядываясь куда-то вдаль, тихо добавила: — Джонатан Джеймс.

В неожиданном приливе сочувствия я нашёл её руку и бережно сжал ладонь. Аманда искоса взглянула на меня. Её выбившиеся из заколок светлые пряди трепались на ветру, а серые глаза смотрели грустно и почти виновато.

— Вам нечего стыдиться, мисс Кейтон, — произнёс я. — Вы не несёте ответственности за грехи своих предков.

Неожиданно вспомнился Питер — в шёлковом халате, размалёванный, трусливо взирающий на меня... чёрт возьми, да почему у такого восхитительного создания, как она, все прародители должны были оказываться совершенными уродами??..

— Может быть, ответственности я не несу, — тихо ответила мне Аманда. — Но нестерпимо стыдно сознавать, что я произошла от кого-то, чьими руками здесь низложены

все эти могилы.

На это я не знал, что ответить, но Аманда и не позволила мне слишком долго размышлять.

— Нам не стоит задерживаться здесь, мистер Сандерс. Если я правильно понимаю, то упоминание о кузнице — очередное иносказание, и упущенное время грозит обернуться наплывом совсем не нужных нам гостей.

Встретив мой непонимающий взгляд, она улыбнулась уголками губ и указала в сторону приютившейся у кромки леса церквушки.

— Прямо по курсу, мистер Сандерс. Что-то подсказывает мне, что здесь наберётся как раз две сотни шагов.

Мы насчитали сто семьдесят, но сомнений и впрямь не оставалось.

— "Дальнейший путь лежит в остывших недрах", — немного перефразировал я. — Очевидно, нам нужно внутрь и... вниз.

Аманда поднялась на две выщербленные ступени и подёргала ручку.

— Заперто, — констатировала она. — Даже не знаю, хорошо это или плохо.

— Замечательно, — убеждённо ответил я. — Это значит, что внутри никого нет. А запертая дверь... поверьте, не проблема.

Аманда усмехнулась.

— Одолжить вам шпильку? — предложила она.

— О, нет, благодарю, — я скользнул рукой в карман плаща и широко улыбнулся: — У меня есть.

На лице Аманды отразилось искреннее ошеломление.

— Вы, что, в самом деле умеете вскрывать замки?..

— Вас это удивляет? — изогнул бровь я, подступая к высоким дверям и склоняясь к замочной скважине.

— Вы воровали?..

— Нет, не воровал. А вот добывать ценные данные из весьма надёжных источников приходилось.

Я услышал, как Аманда усмехнулась за спиной.

— Всё ясно, — проговорила она, но, как мне показалось, уже почти без осуждения.

С замком я справился меньше чем за минуту: он был самым простым, какой я только мог себе представить. Впрочем, когда мы вошли внутрь, стало ясно, что запертые двери здесь, в общем-то, были и вовсе не нужны: обстановка церкви была невыразимо бедной даже для захолустной деревни.

— Спуск обычно находится вон там, — указал я в противоположный угол, где сбоку от алтаря и донельзя потёртого изображения божественной звезды виднелись две крохотные дверцы.

Аманда удивлённо взглянула на меня.

— В церквях вы тоже часто добываете ценные данные?

— Нет, мисс Кейтон, — улыбнулся я. — Просто я полдетства пел в церковном хоре. Я, кажется, уже упоминал.

— Упоминали, — согласилась Аманда, косясь на меня теперь явно оценивающе. — Просто в это действительно трудно поверить.

— Значит, в первый раз вы мне не поверили?

— Подумала, что вы просто от обиды это выдумали, — пожалала плечами она и добавила спустя пару мгновений: — Простите за откровенность.

Я усмехнулся.

— О, прошу вас, не стесняйтесь.

Дверца на лестницу оказалась настолько узкой, что мне пришлось протискиваться в неё полубоком. Стало любопытно, какой комплекцией обладал здешний священник. Спускался ли он вниз вообще когда-нибудь?..

Дневной свет, лившийся через окна в самой церкви, на лестницу уже не проникал, и нам пришлось зажечь припасённую лампу. Потемневшие от времени стены выхватывались фрагментами в колеблющемся свете, спуск уводил вниз и вправо, в крошечную тьму.

— Не люблю подземелья, — прошептала Аманда, медленно, явно нехотя делая шаг на ступени.

Я полностью разделял её чувства, однако промолчал, не желая признаваться в собственной слабости.

Акко видел в темноте лучше нас, и потому снова двигался первым, опустив голову и прижав крылья к бокам. Даже на полутёмной лестнице он умудрялся оставаться грациозным и бесшумным, словно охотившаяся кошка. Нам с Амандой этого таланта явно не хватало.

— Держитесь за меня, — предложил я, когда Аманда в очередной раз оступилась на неровных, слишком высоких для неё ступенях. Она с готовностью сжала мои пальцы.

Ещё совсем немного, и мы оказались в подземелье. Абсолютно непримечательном и типичном: статуя двух богов, возвышавшаяся в дальнем конце зала, причудливыми формами вырисовывалась во мраке, несколько более мелких каменных святых таились в сводчатых нишах по бокам. Почти всё совершенно обычно — если бы не развороченный в гигантские осколки каменный пол по самому центру подземного святилища. Огромная воронка, окружённая останками каменных плит, была кое-как прикрыта несколькими досками, перекинутыми через необъятное чёрное жерло, вот только это совсем не избавляло от неожиданного ощущения неустойчивости и зыбкости окружавших нас стен. Всё громадное сооружение над нами словно принялось в один миг давить сверху своей каменной мощью.

— Это не дно, — прошептал я. — Мы стоим над чем-то... там есть что-то глубже...

Может быть, это был всего лишь ещё один подземный этаж. А может, вся эта махина сверху, с толстыми стенами, витражами и острым шпилем, стояла на хрупкой скорлупе, скрывавшей под собой пропасть...

Аманда чуть сильнее сжала мою руку.

— Разумеется, там что-то есть. Если верить сказке, нам с вами предстоит спуститься в бездну.

Её тихий, чуть дрожащий голос неожиданно привёл меня в чувство. Жуткое ощущение наваливающих сверху стен немного отступило. Что ж, в бездну — но не в преисподнюю же. И у этой бездны, простите за каламбур, должно быть хоть какое-то дно.

Я подступил ближе и с оглушительным грохотом оттащил в сторону укрывавшие воронку доски. Посветил лампой — ничего. Нашёл на полу подходящий осколок и сбросил его вниз. Всего секунда — и новый раскат эха оглушил нас.

— Неглубоко, — заключил я с некоторым облегчением и, подняв лампу, снова осторожно заглянул в провал.

Из черноты на меня взирали десятки жутких невидимых глаз.

Дьявол!..

Я невольно отпрянул, хотя знал, что всё это было лишь игрой моего не в меру напряжённого воображения.

Аманда тихо вскрикнула позади.

— Ничего, — поспешил успокоить я её, оборачиваясь и свободной рукой касаясь её плеча. — Простите. Там ничего нет, я просто...

— Я тоже не хочу *туда*, — прошептала Аманда, и в тусклом свете моей лампы её глаза вновь казались огромными; а может, сейчас они и впрямь были такими. — Меньше всего на свете я хочу спускаться в эту дыру, но, мистер Сандерс... прошу вас, — она нашла мою ладонь и сжала её крепко, до боли. — Прошу, только не оставляйте меня здесь одну.

— Разумеется, не оставлю, — прошептал я в ответ и понял, что это было чистой правдой.

Аманда будет сходить с ума от страха, но не отступится, не отвернётся от единственной возможности найти исцеление для себя и Аннабель. А я... я не упущу шанса доказать ей, что я вовсе не тот трус и предатель, которым она навсегда заклеила меня.

— Не бойтесь, мисс Кейтон, — сказал я, стараясь придать своему голосу как можно больше уверенности. — Вы не останетесь одна. Мы с Акко всё время будем рядом.

Аманда улыбнулась. Робко, неуверенно, но... почти по-настоящему. Я низко опустил голову, выживая из внутреннего кармана одну из запасённых мной свечей, а мои собственные губы против воли расплзлись в ответной полуулыбке. Свечу я зажёл и отдал Аманде.

— Возьмите. Это чтобы вам не пришлось оставаться в темноте. Акко спустит меня вниз, и если всё будет в порядке, сразу же вернётся за вами. Мы постараемся не скрываться из виду, и я буду всё время держать лампу так, чтобы вы видели меня.

— Хорошо, — тихо проговорила Аманда, принимая свечу из моих рук и коротко кивая.

— Не тревожьтесь, — постарался ободрить её я. — Акко спокоен, значит, и нам нечего бояться. В конце концов, это всего лишь старый, заброшенный подвал.

Наверное.

Не тратя больше времени впустую, я взобрался в седло и отсалютовал стоявшей почти у самого обрыва Аманде.

— Полетели!

Акко раскрыл крылья и нырнул в бездну.

Плавный, кружащий спуск; я смотрю вверх, чтобы ни на миг не терять из виду крошечный огонёк, обозначающий присутствие Аманды.

И — толчок. Пара шагов по инерции, и Акко складывает крылья.

— Мы приземлились, — немного удивлённо сообщил я вверх, и Аманда откликнулась тихо и с облегчением:

— Уже? Что там?

Я поводил лампой в стороны, чтобы осмотреться, и не увидел почти ничего нового. Каменный пол. Каменные стены, разве что вовсе неоштукатуренные.

— Кажется, и впрямь всего лишь ещё один этаж. Во всяком случае, здесь есть пол и стены. Акко, чувствуешь что-нибудь необычное?

Его отрицательный ответ окончательно успокоил меня.

— Всё хорошо, Аманда. Сейчас пришло за вами эскорт. Погасите свечу и спускайтесь.

Пока Акко поднимался за нею, я сделал несколько шагов туда и обратно, пытаюсь

понять, куда мы попали. Две стены по обе стороны от себя я разглядел, а вот оставшиеся пока так и не увидел. Казалось, будто стою в широком и совершенно пустом коридоре.

Шорох крыльев и клацанье когтей о камни возвестили о воссоединении нашей дружной компании. Я обернулся и, поставив лампу на пол, помог Аманде спуститься, потом взглянул на Акко.

— Есть мысли, куда идти?

Кшахар уверенно сделал несколько шагов вправо и призывающе взглянул на нас.

— А почему не туда? — нахмурился я, указывая в противоположную сторону. На мой взгляд, обе они выглядели одинаково, скрываясь во тьме.

Акко фыркнул и передёрнул крыльями, словно говоря: "иди проверь, почему". Что, собственно, я и не замедлил сделать.

Разумеется, кшахар оказался прав: наверняка видел всё и без помощи нашей скудно чадившей лампы. Выбранное мной направление оказалось тупиком — точнее, началом широченной лестницы, уходившей вверх и заканчивавшейся где-то комьями земли, опутанными свисавшими корнями, а где-то проступавшими чёткими линиями каменных плит — очевидно, фундамента церкви.

— Чокнутые строители в этих местах, — вынес вердикт я. — Что это за лестница в никуда? И зачем вообще им понадобился ещё один подземный этаж, если на него нет даже нормального входа?..

— Это не её этаж, — тихо ответила Аманда. — Не церкви.

Почему-то меня вновь пробрало морозом по коже от этого, логичного, в общем-то, вывода.

— А чей?..

— Замка. Того самого, средневекового. Я слышала упоминания о том, что он не сразу обвалился, а вначале просел, ушёл под землю по меньшей мере на пол-этажа. Когда на его месте начинали возводить новые постройки, часть развалин разбирали, пока закладывали фундамент, но, разумеется, только до нужной глубины. А ведь под тем видимым этажом, что провалился в землю, были ещё и подвалы...

— И сейчас, по-вашему, мы в одном из них.

Аманда повела плечами.

— Других предположений у меня нет.

— Пожалуй, у меня тоже. Но вот странно... если замок ушёл под землю, то почему другие постройки — нет?

— Какие постройки?

— Эта же церковь, что наверху. Или деревня, например.

— Так они же новые, — искренне удивилась Аманда. — Им лет сто пятьдесят, не больше. А замок канул в лету уже четыре века назад. За такое время даже почвы могли поменяться, стать суше и устойчивей, а значит, способней выдерживать вес всех этих домов.

— Да, вероятно, — мне подумалось, что мы не вовремя увлеклись лекцией по почвоведению, и я кивнул в сторону, изначально предложенную нам Акко. — Что ж, не будем задерживаться, мисс Кейтон. Вперёд, в мрачные подземелья?

Аманда лишь невесело усмехнулась. Я ободряюще улыбнулся в ответ.

По мне, так оставалось только надеяться, что архитекторы этого болотного чуда не устроили в провалившихся в бездну подвалах какой-нибудь непроходимый лабиринт.

Дела шли хорошо, но неизвестно куда.

Чарльз Буковски

Подземный коридор уходил немного вниз и спустя пару минут привёл нас в полуобвалившийся зал с высоченными терявшимися в темноте сводами. Дверей не было — видимо, давно сгнили и осыпались в труху. Стены тоже кое-где отсутствовали, обнажая неровные пласты твёрдой слежавшейся глины. Местами она осыпалась, образуя рывтины, а кое-где и углубления побольше, напоминая гrotты. Во мраке сложно было получить цельное представление о том, где мы находились — то тут, то там тусклый свет выхватывал древнюю каменную кладку, просевший и исчезнувший под слоем глиняной пыли пол, но ничего примечательного в зале не было. Всё, что когда-то здесь находилось, вероятно, давно и безвозвратно кануло в вечность.

Обойдя помещение кругом, мы убедились, что выход был только один, не считая того, через который мы сюда попали. За каменной аркой обнаружился ещё один коридор, уже ощутимее уходивший вниз.

— Похоже, развалины просели неравномерно, — поделился своими соображениями я, и Аманда согласно кивнула. — А ещё, на мой взгляд, здесь очень странные коридоры. Ни одного ответвления, ни одной комнаты вокруг... Больше похоже не на подвалы, а на какой-то тайный ход, только очень уж широкий.

— Вполне возможно, это так и есть, — задумчиво согласилась Аманда. — Насколько мне помнится, замок стоял чуть выше на холме, ближе к поместью.

Из-за крошечной тьмы мы продвигались не очень быстро, и сложно было сказать, какое расстояние уже осталось позади. Звук наших шагов отдавался едва слышным эхом, и в какой-то миг мне начало казаться, будто я слышу ещё что-то, какое-то непрерывное шуршание или шелест. Я уже хотел было поделиться впечатлением с Аmandой и Акко, когда другая странность привлекла моё внимание.

— Что это?.. — я остановился и поднял лампу, стараясь лучше осветить заинтересовавший меня фрагмент стены. Здесь кладка сохранилась вполне неплохо, и в сводчатом проёме, сквозь который на нас угрожающе давила неизменная земляная толща, легко можно было узнать...

— Окно, — ошарашенно проговорила Аманда.

Я устремился вперёд, освещая ту же стену, и всего через несколько метров нашёл второе. Частично обрушившееся, немного заваленное землёй, но всё же узнаваемое.

— Зачем в подземелье окна? — невольно вырвался у меня глупый вопрос.

— Это не тайный ход, — сделала предсказуемый вывод Аманда. — Это галерея. Наземный этаж.

— Невероятно. Насколько же глубоко ухнул этот ваш замок?..

— Похоже, что достаточно глубоко.

Акко пробурчал что-то и заёрзал на месте.

— Да, дружок, — тотчас отозвалась Аманда. — Ты прав. Идём.

Ещё два десятка шагов, и мы наконец достигли края казавшегося бесконечным коридора. Здесь, на удивление, даже одна створка высоких дверей неплохо сохранилась: возможно, потому, что с обеих сторон была затянута в прочные кованые решётки. Из любопытства ткнув пальцем в деревяшку внутри, я убедился, что она насквозь оказалась влажной трухой.

Металлический остов второй створки, сорванной с петель, лежал прямо перед нами. Не решаясь ворочать ту, что ещё кое-как держалась на своём месте, я помог Аманде перебраться через изогнутые металлические прутья на полу, одновременно освещая нам путь.

— О-ох, — Аманда, первой получив возможность оглядеться, застыла на пороге, заставляя меня вытягивать шею в стремлении взглянуть ей через плечо.

— Что там?

Опомнившись, она посторонилась, уступая мне дорогу. И, шагнув внутрь, я тотчас замер в таком же неожиданном ошеломлении.

Перед нами простирался громадный колонный зал. Часть сводов и колонн, разумеется, была обрушена, кое-где сквозь проломы в стенах внушительными насыпями врывалась внутрь неудержимая земля. Пол разломами просел к центру, и посередине зал пересекала самая настоящая подземная река. Она вырывалась откуда-то из-под осколков каменных плит у одной стены и исчезала в глубокой вымоине под противоположной. Течение было не слишком быстрым, звук — почти неразличимым, однако я облегчённо вздохнул, сознавая, откуда слышался тот неясный шёпот, что я уловил в галерее.

— Смотрите, — прошептала Аманда, поводя рукой куда-то кверху и по сторонам.

И, оглядевшись, я только теперь осознал то, что должен был заметить в первую очередь. Я мог видеть на десятки метров впереди. Зал не был погружён в кромешную тьму, всё вокруг казалось лазурно-сизым, будто окружённым призрачным сиянием. Нет, даже не окружённым — источавшим его.

— Что это?.. — прошептала Аманда.

Я сделал несколько шагов к ближайшей стене и провёл по ней пальцем. Что-то тонкое и липкое осталось на коже, тускло мерцая.

— Похоже на паутину.

— Нет, — улыбнулась Аманда, уже оказавшаяся рядом, и осторожно подцепила ногтем крохотный шарик, цеплявшийся за светящиеся нити. — Это грибы.

Мы вновь огляделись, не в силах оторвать глаз от потрясающей картины. Ровное слабое сияние исходило отовсюду — со стен, обрушенных каменных плит, потолка. Впервые за последние несколько часов горло сжимало не от страха, но от непередаваемого восхищения. Будто в один миг мы оказались в сказке, в волшебной пещере, в таинственном обиталище каких-нибудь гномов или неведомых магических существ. Несмотря на покоившиеся повсюду обломки, зал не казался разрушенным: фантастическое сияние, сталагмиты осыпавшихся колонн, разломы каменных плит, текущая внизу река — всё это выглядело невероятно гармоничным.

— Здесь так красиво, — прошептала Аманда. — Если бы только этот зал сегодня был нашей целью.

Но, к сожалению, он не был.

Пока мы с Амандой осторожно продвигались вдоль мерцающих стен, Акко оставил нас и сделал круг по залу, издав четыре коротких клича, отмечая положение выходов. Все они находились за рекой. На этот раз Акко перенёс Аманду первой и, оставив её на противоположном берегу, вернулся за мной. К этому моменту я успел пополнить фляги свежей водой из реки — она оказалась прозрачной и чистой.

— Четыре выхода, — констатировал я, спешившись рядом с Амандой. — И как мы поймём, куда нам нужно? Кажется, в сказке уже не было никаких указаний на этот счёт.

— Раз не было, значит, должно быть однозначное решение, — не слишком уверенно проговорила Аманда. — В любом случае, нам придётся проверить все.

На наше счастье, вариантов почти сразу же стало вдвое меньше: два огромных сводчатых прохода, находившихся по разные стороны от нас, снаружи были напрочь задавлены тяжёлой, плотной землёй: по-видимому, когда-то давно они вели из парадного зала прямо на улицу. Оставшиеся два, существенно меньшие, находились прямо, по обе руки от широкой ниши, в которой прежде наверняка стояла скульптура или, может быть, фонтан. Сейчас же здесь осталось только небольшое каменное возвышение цилиндрической формы со слегка осыпавшимися краями.

Как только мы миновали одну из дверей, стало понятно, что путь и впрямь был вполне однозначным. Обе двери вели в один и тот же широкий холл. Волшебных светившихся грибов здесь уже не было, и единственным источником тусклого колеблющегося света вновь была наша лампа. В нескольких метрах перед нами угрожающим силуэтом во тьме вздымалась широкая, изогнутая полукругом парная лестница. Она хорошо сохранилась: ровные ступени, резная мраморная балюстрада, нетрудно было представить себе и устилавший её когда-то алый бархатный ковёр... Лестница вела в никуда.

Зато прямо за ней оказались ещё двери; пройдя сквозь одну из них и миновав недлинный коридор, мы попали в просторное помещение, очевидно, когда-то служившее кухней: здесь ещё сохранились каменные выступы под столешницы, полуосыпавшиеся печи и даже несколько прохудившихся, изъеденных ржавчиной кастрюль. С кухни, кажется, тоже был выход на улицу — узкий заваленный землёй проход. Ещё одну дверь мы нашли в противоположном углу, за ней оказалось несколько кладовок и, в самом конце — неровные ступени, резко уводившие вниз.

— Спускаемся?.. — неуверенно предложил я.

— Там, наверное, только погреба, — так же нерешительно ответила Аманда.

В одном слаженном порыве мы развернулись и направились обратно. Ни одному из нас не хотелось идти туда, ещё глубже.

Последний обнаружившийся в самом дальнем конце кухни проход вёл в очередной коридор, но в паре метров от выхода тот оказался намертво завален обрушившимися сводами пополам с землёю. Обвал казался весьма старым, и я, как мог, постарался успокоить побледневшую Аманду, глядевшую на каменные обломки с почти суеверным ужасом.

— Что если пока мы здесь ходим, где-нибудь там, у выхода, стены тоже не выдержат? — одеревеневшими губами прошептала она. — Нас ведь просто заживо погребёт здесь...

— Не бойтесь, мисс Кейтон, — мягко остановил её я, хотя, признаться, сам полностью разделял её ощущения. — Этот обвал выглядит очень древним. Наверняка он случился, когда замок ещё проседал. Поверьте, раз руины не обрушились за целых четыре века, они продержатся и ещё один день. В любом случае, выбора у нас немного... вы ведь хотите

спасти себя и сестру.

Аманда взглянула на меня, пронзительно и в то же время испуганно, как искавший защиты ребёнок.

— Хочу.

— Тогда идёмте, — ободряюще улыбнулся я и ненадолго коснулся её локтя, увлекая за собой. — Здесь нам точно нечего делать.

Не считая спуска в погреб, оставался только ещё один проход, который мы должны были проверить: он находился по другую сторону от парадной мраморной лестницы. Нам пришлось вновь обойти её кругом, и я ещё раз невольно поразился её мрачному, холодному исполинскому величию. Долгими веками она возвышалась в этом пустынном и давно мёртвом зале среди безмолвной, ничем не нарушаемой тьмы. Недвижимая, хранящая в себе воспоминания о сотнях, тысячах касавшихся её ног, таких же, как она, забытых и давно ушедших...

Когда мы добрались до последней неисследованной двери, нас поджидал весьма нерадостный сюрприз. Коротенький коридор за ней венчался единственной лестницей, тоже уводившей вниз. Ещё глубже, под землю.

Похоже, никакого выбора руины нам всё же не оставляли.

Обречённо переглянувшись с Амандой, я первым начал медленно спускаться в крошечную тьму. Сердце невольно наполнилось ледяным страхом неизвестности, хотя вокруг всё оставалось неизменным: тихим, давно мёртвым, пустым. Спуск уходил довольно глубоко и привёл нас в узкий и очень длинный зал: конца его даже спустя пару десятков шагов не было видно. Вдоль боковых стен тянулись ряды следовавших одна за другой каменных ям.

— Погреб?.. — робко предположила Аманда.

Вначале я с ней согласился, но отсутствие ступеней и обнаружившиеся кое-где металлические решётки навели на другую мысль.

— Темницы, — словно прочитала мои мысли шедшая рядом девушка, и голос её звучал теперь отчаяннее и жёстче.

Я хмуро кивнул. Склонившись над одной из них, я даже смог разглядеть на дне древние скованные цепью кандалы.

Аманда невольно подалась чуть ближе ко мне и теперь шагала, едва не касаясь пальцами моей руки. Я нашёл и осторожно сжал её ладонь, почему-то стараясь при этом не встретиться с ней взглядом.

— Не бойтесь, — мой голос отдался эхом в пустых стенах.

Аманда не ответила, но и не отняла руки. В крошечной тьме, неподвластной отсветам тусклой лампы, под сводами мёртвой, столетия назад заброшенной тюрьмы, под весом давившей сверху земной толщи — ей было слишком страшно. Ладно, пусть не так: мне было слишком страшно, и, будь моя воля, я сейчас же развернулся бы и со всех ног бросился прочь отсюда, назад, наверх, туда, где было небо, и воздух, и люди... но я не мог — не хотел — выказывать свой страх перед ней.

Расположение выхода нам вновь подсказал Акко. Неприметный проход приютился сбоку, между двух отстоявших чуть поодаль и укрытых решётками ям. Снова коридор, несколько комнат по обе стороны от прохода, но, лишь заглянув в одну из них, я торопливо подался назад, опуская вниз лампу и лишая Аманду возможности разглядеть подробности леденившей душу обстановки.

Это была пыточная.

И не одна. Каждая из пяти или шести комнат, находившихся здесь, предназначалась для долгого и мучительного истязания человеческих тел.

— Акко? — вдруг тревожно позвала Аманда, и я вздрогнул. — Эй, дружок, что с тобой?..

Я обернулся и пристально взглянул на кшахара. Тот, казалось, нервничал, но, упрямо передёрнув крыльями, подтолкнул меня вперёд.

— Что не так?.. Чувствуешь что-то опасное?

Ответ был невнятным, и это заставило насторожиться, натянуться холодеющей от страха струной. Взгляд невольно устремился вперёд, во мрак коридора, по которому мы шли.

— Там... кто-то есть?

Твёрдое "нет".

— Что-то?..

И снова сумятица.

Аманда вдруг опустилась напротив кшахара и поймала в ладони его плоскую морду.

— Ты боишься того, что впереди? — спросила она.

Акко утвердительно уркнул.

— Там опасно? — продолжила Аманда, и, вновь не получив внятного ответа, погладила пальцами чешуйчатые скулы. — Опасно для тебя?..

"Да".

Я нахмурился.

— Но не для нас, верно?

Снова положительный ответ. Аманда посмотрела на меня тревожно и мрачно.

— Значит, идём одни?..

Акко тут же запротестовал и, высвободившись из её рук, заковылял вперёд.

— Малыш, тебе не нужно... — начала Аманда, поднимаясь, но Акко решительно передёрнул крыльями. Она обречённо вздохнула. — Вот упрямый храбрец.

Внутри у меня неожиданно защемило. Акко, мой родной Акко сейчас и впрямь был безрассуден; он, похоже, отважился бы на что угодно ради неё. И Аманда знала об этом, и чем дальше, тем прочнее она убеждалась в его преданности, тем безоговорочнее верила ему и... и — да, чёрт возьми, любила его всё сильнее.

А я, глядя ему вслед, вдруг отчётливо сознавал, что завидовал крылатому чешуйчатому другу. Вот почему — почему он был лучше меня, почему знал, как сделать всё верно, почему оказался способен завоевать её доверие, в то время как я — не смог?..

Кшахар тем временем добрёл до очередного прохода и там остановился, ожидая нас и понуро опустив голову.

— Всё?.. — спросила Аманда, подходя ближе и вновь ласково касаясь его. — Это здесь?..

Мы оба огляделись. Невысокая арка, свод разделён надвое узкой длинной щелью, из которой, едва высовываясь, торчат кончики острых шипов.

— Решётка? — неуверенно спросила Аманда, и я кивнул.

— Похоже на то.

Она вновь обернулась к кшахару.

— Останешься здесь?..

Акко протестующе дёрнулся, но, подавшись слишком близко к арке, резко отпрянул

обратно. Аманда нахмурилась.

— Ты боишься?.. Или просто... не можешь туда пройти?

Акко вскинул плоскую голову, глядя на неё широко раскрытыми, исполненными благодарности жёлтыми глазами, потом ткнулся носом ей в живот и издал короткий виноватый вой. Аманда мягко обхватила его шею и взглянула на меня.

— Он не может.

— Это я уже понял.

Потом что-то словно щёлкнуло у меня в голове, вспыхнувшее воспоминание сложило мозаику.

— Там то же самое, что было на озере, да? Эти странные кристаллы?..

При упоминании озера Аманда ощутимо напряглась, но согласное бормотание Акко в ответ на мой вопрос заставило отвести в сторону собственные эмоции. Аманда нахмурилась, бросила тревожный взгляд во тьму.

— Похоже, мы близко.

— Да, — согласно кивнул я и внимательно обернулся к кшахару. — Ты уверен, что там только кристаллы? И совершенно точно — никого?..

Акко ещё раз подтвердил, что совершенно точно.

— Что ж, думаю, это препятствие мы в силах устранить, — решительно заявил я и первым уверенно направился внутрь.

Шаг, ещё один — и внезапно большой камень провалился в бездну у меня под ногами. Я пошатнулся, теряя равновесие, потом уже падая, падая безвозвратно — и несколько слишком громких для пустого подземелья звуков слились воедино.

Тяжёлый, леденящий душу скрежет металла о камни.

Звон разбивающейся вдребезги лампы.

Пронзительный крик Аманды.

А затем вокруг воцарилась пугающая, непроглядная, безмолвная тьма.

— Аманда?.. — поторопился позвать я, и её голос раздался неожиданно издалека.

— Да. Я в порядке.

На миг ужас пробрал меня от мысли о том, что я провалился в яму, предназначенную для узников — иначе почему вдруг Аманда оказалась так далеко?.. Но рассудок подсказал мне, что глубоко я не падал — не было ни ощущения полёта, ни резкого удара. Нет, я был на полу, в той же комнате. Это умозаключение вызвало логичный вопрос:

— Где вы?

— Здесь, — чуть дрожащий голос Аманды раздался ближе, и я расслышал её шаги: по-видимому, она пробиралась по коридору наощупь. — Простите, кажется я снова... немного вышла из себя.

Я хмыкнул от неожиданности.

— Интересное определение этому вы подобрали, мисс Кейтон.

— Рада, что вы по-прежнему способны насмеяться надо мной. Это значит, вы в порядке.

По голосу я понял, что говорила она несерьёзно, но отчего-то не воспринял сказанное ей как шутку.

— Я вовсе не насмехаюсь над вами, мисс Кейтон...

— Не может быть!.. — так внезапно воскликнула Аманда, что я осёкся и выпрямился от напряжения.

— Что?..

Теперь её голос дрожал вполне ощутимо.

— Решётка. Она опустилась.

Мгновение мы оба молчали, осознавая случившееся. Решётка. Мы разделены.

— Акко с вами? — спросил я наконец.

— Да. Он здесь.

— Хорошо. Аманда, зажгите свечу.

Сам я, пошарив по карманам, достал одну из своих запасов. Крохотные огоньки в наших руках вспыхнули почти одновременно.

Я сделал пару шагов назад к древним и тяжёлым металлическим прутьям и встретил взор Аманды — тёмный, напуганный и тревожный.

— Не бойтесь, — постарался успокоить её я. — Посмотрим, что можно сделать. В крайнем случае, Акко всегда выведет вас обратно. Хорошо, что он остался на вашей стороне.

Лицо у Аманды вытянулось.

— Но вы...

— Здесь вполне может оказаться другой выход, — бодро заверил я, хотя сам, признаться, весьма сильно сомневался в вероятности этого. — А если и нет, вы можете выбраться наверх и привести помощь. Всё будет хорошо, Аманда. Главное, что мы не оказались заперты здесь все вместе. Или... что вы не вошли сюда первой.

При мысли об этом Аманду заметно передёрнуло. А я с удивлением обнаружил, что в самом деле был искренне рад. Оставить её блуждать одну по подземелью, где темницы сменялись пыточными и дьявол знает чем ещё... Нет уж, по ту сторону решётки, по крайней мере, нам уже всё было известно. И — Акко был с ней.

— Я подожду вас здесь, мистер Сандерс, — проговорила Аманда. — Осмотритесь, не возвращайтесь не позже, чем через четверть часа. Только, можно... — она запнулась на миг, — можно я не буду гасить свечу?..

Я кивнул и ободряюще улыбнулся ей.

— Разумеется. У нас ещё достаточно в запасе.

Думать о том, что без разбитой вдребезги лампы запасы неизбежно истлеют через несколько часов, я не стал. Просто обернулся и осторожно пошёл вперёд, оглядывая место своего заточения. Зал, в который я попал, оказался небольшим и круглым. Я обнаружил четыре выхода, три из которых, впрочем, сейчас были наглухо заперты тяжёлыми решётками. А вот последний ещё вселял надежду: им оказалась старая, массивная деревянная дверь. Я потянул за ручку и едва сумел сдержать ликующий возглас: не заперта.

— Аманда? — позвал я, и она тотчас откликнулась:

— Да?..

— Здесь есть дверь. Я проверю, что за ней, и вернусь к вам. Постараюсь не задерживаться.

— Хорошо, — тихо ответила она и, помедлив, неуверенно добавила: — Джер?..

Я вздрогнул. Джер. Не мистер Сандерс. Нет, конечно, она звала меня по имени и тогда, на озере, но сейчас... сейчас это почему-то звучало совсем иначе.

— Да?..

Мгновение.

— Будьте осторожны.

— Обещаю, — проговорил я.

И, не медля более, распахнул дверь, молясь обоим богам, чтобы за ней меня ожидало спасение.

Разум может подсказать, чего следует избегать, и только сердце говорит, что следует делать.

Жозеф Жубер

Дверь отворилась с тихим скрипом, и перед моим взором предстало тёмное помещение, но даже в свете единственной свечи я уже мог понять, что оно разительно отличалось от остальных.

Вокруг выросли силуэты мебели: длинный стол, пара стульев, высокие стеллажи по бокам. Всё было в неплохом состоянии и уж точно простояло здесь меньше четырёх веков. Что ж, если и не спасения, то, похоже, нашей заветной цели я всё-таки достиг. Это место почти наверняка принадлежало таинственному прадеду Аманды.

Я сделал несколько шагов вперёд. Стол был практически пуст, не считая нескольких невероятно пыльных колб и громоздкого, устрашающего сооружения, отдалённо напоминавшего самогонный аппарат. Вот только здешний щерился множеством трубочек, колбочек, полых сфер и прочей бутафории, навевавшей мысли о том, что я находился в лаборатории какого-то обезумевшего химика. Почему обезумевшего? Да потому что ни один нормальный человек не станет устраивать своё рабочее место в схлопнувшихся под землю развалинах древней тюрьмы.

Закончив с изучением стола, я обернулся к стеллажам и медленно повёл свечой, рассматривая содержимое полок. Пять длинных рядов были сплошь уставлены пыльными склянками, но не пустыми, как на столе, а мрачно отблёскивавшими чёрным — нет, тёмно-багровым, слоившимся на части содержимым. К горлу подступила тошнота.

Кровь. Несомненно, всё это была кровь.

Каждый пузырёк был скрупулёзно подписан, но надписи не говорили мне ни о чём. В основном это были цифры, понятные, вероятно, одному хозяину этого жуткого места, иногда встречались слова на неизвестном мне языке. Приглядевшись к нескольким, я подумал, что это мог быть илай — мёртвый язык, который в современном мире с пафосом использовали только врачи и юристы. Впрочем, с точностью я сказать не мог.

От изучения полок меня отвлекли две обнаружившиеся в противоположном углу двери. Стремление узнать, имелся ли отсюда выход, было слишком сильным, чтобы я мог ему противостоять. Обе двери были деревянными, но одна оказалась сплошной, в другой же имелось маленькое зарешечённое окошко на уровне глаз. Я наугад толкнул сплошную.

Она оказалась не заперта, но, заглянув внутрь, я тотчас понял, что выбор был неудачным. Не выход. Даже отдалённо нет. Меня передёрнуло от открывшейся взору картины, и я вознёс хвалу богам за то, что сейчас Аманды не было рядом.

Маленькая комната на первый взгляд напоминала операционную: металлические тележки для инструментов, несколько настенных светильников и две закопчённые лампы с

зеркальными отражателями, подвешенные на цепях над операционным столом. А вот стол этот как раз был тем, отчего кровь стыла в жилах.

С подлокотниками и чуть приподнятой верхней частью, он немного напоминал громоздкое и неудобное металлическое кресло — вот только креслом, к сожалению, не был. Подлокотники и подставка для ног были оборудованы тяжёлыми металлическими кандалами, явно позаимствованными из пыточных неподалёку, срединная часть перехватывалась толстыми кожаными ремнями (вполне вероятно, появившимися оттуда же), а под столом, свёрнутая неровным кольцом, покоилась тяжёлая металлическая цепь.

Я представил себе человека на этом столе: извивающегося, вопящего от ужаса, стиснутая ремнями грудь вздымается и опадает, от постоянного трения на коже отчётливо проступают алые следы. Руки в кандалах сжаты в кулаки до белых костяшек, распахнутые глаза, покрытые паутиной сосудов, нервно дергаются, когда безумный палач, мнящий себя учёным, подходит всё ближе, и страшные инструменты поблёскивают в его руках...

Резко тряхнув головой, я шагнул обратно и с силой захлопнул дверь в надежде избавиться от страшного видения. Быть может, мне показалось, но за миг до этого я успел рассмотреть на металлической поверхности тёмные кровавые следы.

Вторую дверь мне открывать уже не хотелось, однако я заставил себя сжать и дёрнуть шершавую ручку. Дверь не поддавалась. Я толкнул, потом ещё раз дёрнул, сильнее. Безрезультатно. Я склонился в поисках замочной скважины и действительно нашёл её, вот только запирающих штырей в просвете видно не было. А ведь зазор между ссохшейся дверью и косяком немаленький — почти в полпальца шириной... Нет, на ключ дверь заперта не была, в этом я не сомневался. Но что же тогда?.. Щёколда?.. Какая-нибудь баррикада снаружи? Что?.. Посветив вдоль почти сантиметровой щели кверху, я неожиданно обнаружил ответ. Небольшой тёмный силуэт вполне ясно вырисовывался даже в тусклом свете. Навесной замок. Там, с другой стороны.

Снова выпрямившись, я поднёс свечу к зарешечённому окошку и взгляделся в помещение по другую сторону от двери — и, не удержавшись, обречённо застонал. Всего в шаге от порога начиналась крутая лестница, уводившая наверх.

Выход был, так близко — и одновременно так далеко. Выхода не было, я был заперт здесь, в кровавой лаборатории давно издохшего безумца, и компанию мне составляли лишь пыточный стол и сотни склянок, полных тёмной, почти чёрной крови...

Мне пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы заставить себя отойти от двери и вернуться к изучению полок.

Я был не один — пока ещё нет. Аманда и Акко были неподалёку, ждали моего возвращения, и я должен был вскоре вернуться; но прежде я хотел найти то, зачем мы пришли сюда. Проклятая рукопись была просто обязана отыскаться здесь.

Я вдруг представил себе, как появлюсь возле решётки с древним свитком, хранящим в себе бесценное тайное знание, как улыбнусь и протяну его Аманде со словами "всё закончилось, вы спасены"... Я представил себе её взгляд в этот миг — взгляд, обращённый ко мне и исполненный благодарности, веры и восхищения.

За поиски я взялся с удвоенным усердием.

Пузырьки, коробочки, банки — полные, пустые, закупоренные или открытые — и все до одной припорошенные вековым слоем подземной пыли. Какие-то инструменты, большинство из которых я видел в первый раз, а об их назначении не хотел даже и думать. Истлевшие серые стопки простыней и салфеток, от которых резко пахло плесенью, когда я

открыл облезлый покосившийся шкаф. И вот здесь, в небольшом свободном от ветоши углу, я наконец обнаружил их.

Шесть толстых пыльных журналов в обтянутых кожей обложках лежали аккуратно выровненной стопкой, и, смахнув пыль с верхнего, я сумел прочесть цифры, начертанные на нём. Две даты, разделённые дефисом. Короткий, полуторалетний отрезок времени из далёкого прошлого, отголосок событий почти столетней давности, увековеченный чьей-то рукой на пожелтевших листах.

Я осторожно вынул верхний журнал и заметил, что следующий, если верить дате, начинался сразу за предыдущим. Разложил на столе все шесть и убедился, что все они следовали один за другим. На последнем, правда, имелась только дата начала — видимо, он не был закончен. Я наугад распахнул страницы и нахмурился от разочарования. Кривоватый мелкий почерк был трудночитаем, но главная проблема состояла даже не в этом. Я не мог понять ни единого написанного здесь слова. А виной всему был всё тот же проклятый илай.

Я быстро пролистал все журналы и так же быстро захлопнул каждый — все они были одинаково непонятными для меня. Однако, по крайней мере, я сумел убедиться, что вся эта писанина действительно принадлежала чокнутому прадеду Аманды: на форзаце каждого из журналов стояла крупная, витиеватая на старый манер роспись, в которой я легко распознал знакомую фамилию и инициалы: Дж. Дж. Боуфорд.

Что ж, кажется, преподнести Аманде жемчужину на ладони не выйдет... вместо этого придётся, пыхтя, тащить с собой многотомный труд.

Когда я вышел из лаборатории обратно в круглый зал, то сразу услышал мягкий голос Аманды: она негромко говорила что-то Акко, однако слов разобрать я не мог. А спустя миг плавный говор оборвался, и я услышал чуть более громкое и настороженное:

— Джер?..

— Да, Аманда, — быстро отозвался я, чтобы не пугать её. — Всё в порядке. Это я.

Тусклый огонёк в нескольких метрах от меня дрогнул и подпрыгнул вверх, когда Аманда торопливо поднялась с пола.

— Как вы? — голос её звучал смесью тревоги и надежды. — Нашли что-нибудь? Выход?..

— Выход — пока нет, — ответил я, подходя вплотную к решётке и наконец получив возможность разглядеть лицо девушки, ждавшей с другой стороны. — Но нашёл кое-что другое.

С этим я протянул сквозь прутья тяжёлый журнал. Только один — ещё пять пока оставались спокойно лежать на своём месте в лаборатории. В конце концов, возможно, я вообще зря старался, и вся эта писанина окажется вовсе не той, что была нужна.

Аманда приняла журнал, но прежде чем рассмотреть его, внимательно взглянула на меня, одновременно с надеждой и неверием.

— Это то, что я думаю?..

— Не знаю. Не уверен, Аманда. Тут всё на илае, кажется. А может, и нет, но в любом случае, я не понимаю ни слова.

— Где вы нашли его? — спросила Аманда, опускаясь на колени, чтобы удобнее было листать тяжёлый том.

Я кивнул в сторону терявшейся во мраке двери.

— Рядом. В соседней комнате. Там что-то вроде лаборатории.

— Лаборатории?.. — переспросила Аманда и неожиданно вздохнула почти с завистью:

— Подумать только, так близко. Хотела бы я тоже взглянуть на всё, что вы там нашли...

— О, я думаю, не стоит.

Она поймала мой взор и подозрительно сощурилась.

— Почему?

— Там... весьма неприятно.

— Хуже, чем здесь? — усмехнулась Аманда, но я ответил ей лишь неопределённой улыбкой. Она нахмурилась, посерьезнела. — Что там, Джер?..

— Лаборатория, я ведь уже сказал.

Аманда поджала губы со смесью недовольства и тревоги:

— Мистер Сандерс!

Я вдруг коротко рассмеялся.

— О, нет, мисс Кейтон, — произнёс, обезоруженно поднимая ладони. — Прошу, только не снова этот ваш жуткий официальный тон.

— Что?.. — растерянно переспросила Аманда, а спустя миг на лице её отразилось явное смущение. Жаль, что света вокруг сейчас было недостаточно: мне так хотелось вновь понаблюдать знакомый румянец на её щеках.

Впрочем, Аманда быстро взяла себя в руки и теперь воззрилась на меня обвиняюще.

— Мистер Сандерс, не уходите от темы. Я хочу знать, что вы обнаружили там.

Тон её был серьёзным и немного тревожным. Понимая, что она не отступится, я нехотя сдался, однако всё же постарался ограничить сказанное так, чтобы оно звучало как можно менее жутко.

— Там две комнаты. Одна похожа на операционную. Вторая — лаборатория. Куча непонятных инструментов, шесть журналов с записями и несколько полок, сплошь уставленных склянками с кровью.

Аманда невольно дёрнулась.

— С кровью?.. Ч... чьей?

— Понятия не имею. Вот, — я достал из кармана прихваченный пузырьёк, но не успел толком продемонстрировать его поднявшейся с колен Аманде, как Акко, до того сидевший тихо, внезапно подскочил, ощерился, раскрыл крылья и яростно и нервно зарычал на меня.

От неожиданности я едва не выронил склянку на пол.

— Что?.. Что такое?

Акко продолжал ожесточённо рычать, скаля зубы, царапая когтями пол у самой решётки и явно пытаюсь сказать мне что-то очень важное.

— Уберите, — натянуто проговорила Аманда, чей взор был прикован к чёрной жидкости, плескавшейся под стеклом в моей ладони. — Это она его тревожит. Чужая кровь.

Я перевёл взгляд на склянку, потом на кшахара.

— Она опасна для тебя?..

Акко рявкнул на меня в исступлении и отчаянии и забил хвостом.

— Не бойся, малыш. Я отставлю её подальше, вот так, хорошо? — казалось, Акко сделался спокойнее в тот же миг, когда проклятый пузырьёк покинул мою руку. Я внимательно взгляделся во встревоженные жёлтые глаза и вдруг осознал: — Или — для меня?.. Для меня она опасна?..

Акко обречённо рыкнул и с невероятным облегчением осел на пол. Я опустил на

колени по другую сторону решётки и, протянув руку, успокаивающе огладил чешуйчатую морду.

— Ну?.. Ну, что ты?.. Всё хорошо...

— Чужая кровь убивает людей, мистер Сандерс, — раздался рядом натянутый, звенящий от напряжения голос Аманды. — Если бы вы только случайно раздавили флакон, если бы порезались хоть немного... О, боги, Джер, да о чём вообще вы думали?!..

Я взглянул на неё снизу вверх, и меня вдруг захлестнули странные, несовместимые чувства. Обида пополам с воодушевлением, неясная радость, смешанная с досадой. Аманда, вероятно, считала меня совершенным идиотом, раз думала, что я могу вот так просто — случайно — раздавить склянку с демонской кровью внутри; но, с другой стороны — эта тревога за меня, вспыхнувшая в её глазах, была непритворной. Её напугала перспектива наблюдать моё превращение в очередного фанатичного безумца, готового напялить на себя свеженький серый балахон.

— Аманда... мисс Кейтон, — я запнулся, не уверенный, что именно хотел сказать ей. На глаза мне удачно попался лежавший у её ног журнал. — Пожалуйста, посмотрите рукопись. Если это действительно то, что вам нужно, я принесу остальные.

Аманда ещё мгновение удерживала мой взор, затем без лишних возражений вновь опустилась на колени. Теперь мы сидели совсем рядом, разделённые только несколькими дюймами воздуха и прочными прутьями металлической решётки.

— Сколько их, вы сказали?

— Шесть. Они охватывают около одиннадцати лет, и последний, кажется, не закончен.

Аманда раскрыла журнал и пролистнула страницы.

— Это действительно илай.

— Знаете его?

— Учила когда-то. Но, признаться, тут я понимаю совсем немного. Сплошные медицинские термины, — она перелистнула страницу и нахмурилась, сосредотачиваясь. — Двадцать девятое июля... Экземпляр номер шесть без изменений. Температура... суб... суб... кажется, это значит слегка повышена. Что-то не отвечает... нет, не реагирует на свет...

— Зрачки, — подсказал я, и Аманда кивнула.

— Точно! Зрачки, — она перелистнула ещё страницу и вновь попыталась одолеть мутную писанину. — Второе августа. Состав номер пятьдесят восемь признать не... неспособным? Недействительным, возможно... Экземпляр номер шесть... — тут она вздрогнула и подняла на меня глаза. — Экземпляр номер шесть скончался.

Взор её был мрачным и тревожным, пальцы невольно сжались, сминая старые страницы.

— Их было много, Аманда, — как можно мягче заметил я. — Вы сами видели, там, на кладбище. И боюсь, написанного в этих журналах вам уже не изменить.

Несмотря ни на что, её лицо омрачилось болью.

— Чем он занимался здесь?.. — прошептала она. — Зачем... зачем делал всё это?..

Наверняка, ответ на этот вопрос журналы дадут, подумалось мне невесело. А вот помогут ли они в другом, откроют ли способ исцелить Аннабель и Аманду?..

— Попробуйте посмотреть первые страницы, — сказал я вслух. — Может быть, там есть какое-то пояснение или вступительное слово.

Аманда послушно перелистнула на начало.

— Вступления нет, но, кажется, описывается некий состав... ох. Состав номер пятьдесят восемь, тот самый. Подробностей не могу понять. Какой-то целебный бальзам... или зелье... *venenum kh-schahari*, — медленно прочла она с акцентом на непонятном мне языке, но последнее слово показалось вдруг слишком знакомым. Впрочем, Аманда тоже осознала и удивлённо подняла на меня глаза: — Зелье кшахара?..

Акко свирепо рыкнул, и я, просунув руку сквозь решётку, потрепал его по голове.

— Не тревожься, дружок. Что бы это ни значило, тот безумец, что написал эти строки, давно канул в лету.

"А ведь не просто так, похоже, гадёныш, кшахарами увлекался..." — мелькнула холодная, полная ненависти мысль, когда я вдруг вспомнил его книгу, ту, что читал в библиотеке в поместье графа Рейнервилль. Давно... казалось, целый десяток лет назад.

— Не зелье, — вдруг прошептала Аманда, осознав что-то. — *Venenum*... другое значение этого слова — яд.

— Яд кшахара?.. — опешил я. — Он травил ядом кшахара людей?..

— Людей ли... — очень странным голосом проговорила Аманда, глядя на меня широко раскрытыми глазами. — Или нелюдей?

Я нахмурился, не понимая, и Аманда вдруг заговорила быстро и сбивчиво, так, что я едва успевал улавливать суть:

— Моя кровь — чужая — передаётся по наследству по женской линии. Она текла в жилах моей матери, и бабушки, и... Что если Орден когда-то добрался до моей прабабки так же, как до нас с Аннабель? Что если прадед ставил эксперименты над... демонами, чтобы найти способ нивелировать чужую кровь?..

Перед моим внутренним взором вдруг отчетливо всплыл образ жуткой операционной: металлический стол, кандалы, ремни. Цепь. Предназначались ли они, чтобы удерживать людей — или кого-то куда более страшного и сильного?.. Ответ напрашивался сам собой.

Так был ли прадед Аманды таким уж безумцем?.. Или — лишь отчаявшимся учёным, стремившимся отыскать спасение для женщины, которую любил?..

Нашёл ли он это спасение?.. Могла ли Аманда рассчитывать на то...

Акко, так до конца и не успокоившийся даже от моих прикосновений, внезапно вновь вскочил и озлобленно зарычал, дёргая крыльями. Теперь мы с Амандой одинаково встревоженно посмотрели на него.

— Что такое, малыш?.. — спросила Аманда, а в следующий миг мы услышали.

ДЗАМММММ!!!

Аманда коротко вскрикнула, я же вздрогнул и обернулся в сторону лаборатории, откуда, как мне показалось, раздался жуткий раскатившийся эхом звук.

ДЗАММММММ!!!

Удар металла о металл. Звонкий, тяжёлый.

Повторявшийся.

ДЗАММММММ!!!!!!...

— Джер, что это??.. — голос Аманды дрожал так, что я едва разобрал её слова, слившиеся воедино.

Моя рука нащупала револьвер, и я поднялся с деланой невозмутимостью.

— Пойду посмотрю.

Ну не мертвые же демоны, в конце концов, притопали с кладбища, разгневанные тем, что кто-то потревожил священное место их массового убийства?.. Ну, конечно же, нет.

А если не они, то люди. Обыкновенные, живые люди.

Вопрос только — откуда они здесь?..

Я устремился к лаборатории, жалея, что не могу видеть в крошечной тьме и потому вынужден — в буквальном смысле — сиять свечкой в чёрной комнате. Звук повторился снова и снова, и я уже почти не сомневался, откуда он идёт.

Кто-то был там, снаружи лаборатории, на уведившей вверх лестнице. Кто-то пытался сбить замок.

Я едва успел показаться на пороге, когда за решётчатым окошком двери мелькнуло белое, как луна, лицо. Чёрные глаза блеснули в неровном свете, шедшем с той стороны.

— Там кто-то есть! — услышал я незнакомый голос, в котором отчётливо пробивались шипящие нечеловеческие нотки.

А вот ту, кому принадлежал следующий яростный возглас, я узнал без сомнений.

— Тогда, чтоб вас, шевелитесь побыстрее!! Не можете справиться с каким-то хлипким замком...

Это была Аннабель.

Орден. Рукописи... Аманда.

Меня обожгло.

Во мгновение ока я, почти не раздумывая над тем, что делаю, ринулся к столу и сгрёб в охапку оставшиеся журналы.

— Сандерс!!!.. — этот визгливый крик принёсся уже мне вдогонку, но всё же полоснул по натянутым нервам, как лезвие по тонкой струне.

"Что я делаю?.."

Вихрем вырвавшись из лаборатории, я захлопнул за собой дверь и ринулся к Аманде и Акко.

— Сумка!!.. — прокричал я на бегу. — Под седлом, быстрее...

Аманда повиновалась, замешкавшись лишь на мгновение. Но дрожавшие руки не слушались её, и Акко, извернувшись, ловким движением выбросил тряпичный мешок ей под ноги.

— Что происходит?!.. — панически спросила Аманда, протягивая мешок мне, но я отрицательно мотнул головой, вместо этого лихорадочно просовывая меж прутьев толстые журналы, один за другим.

— Не мне... Собирайте! Скорее... в сумку, Аманда, все их в сумку, скорее...

— Да что там, в конце концов!!.. — не выдержав, вскричала она, бросая на камни журнал, не желавший паковаться, и я, скользнув руками сквозь решётку, стремительно накрыл ладонью её губы.

— Там Орден, — ответил тихо и ровно, пока она, застыв, взирала на меня огромными от ужаса глазами. — Они ломают замок и с минуты на минуту будут здесь.

Отпустив её, я одним движением сгрёб в мешок все журналы и затянул горловину.

— Акко! Возьмёшь?..

Он проворно цапнул завязки, всего миг — и чёртовы рукописи были в совершенно надёжных... да, зубах.

— Аманда, в седло, — скомандовал я снова.

Она послушно сделала шаг, прежде чем осознала и обернулась ко мне с откровенным ужасом.

— Джер... а вы?..

Я скривил губы.

— Ну, мне бежать некуда.

Ужас на её лице смешался с болью, и она ступила обратно, ко мне.

— Джер...

Я вдруг бросился на решётку, сжимая прутья в неожиданном озлоблении.

— Чёрт вас поберит, Аманда, в седло — быстро!!.. Иначе, клянусь, я велю Акко снова тащить вас в когтях!!..

Вместо того, чтобы повиноваться, Аманда вдруг улыбнулась мне.

Той самой, настоящей, лучистой улыбкой; только вместо надежды и восхищения, о которых я наивно грезил всего четверть часа назад, эта улыбка оттенялась какой-то нежной горечью. Тонкая рука в кружевной перчатке скользнула сквозь решётку, тёплые пальцы коснулись моей щеки. Всего на миг, но этого было достаточно — если не для того, чтобы утолить жажду, внезапно пересушившую мои губы, то хотя бы для того, чтоб окончательно помутить мой несчастный рассудок.

— Уходите, Аманда, — хрипло прошептал я. — Они не должны увидеть вас в живых.

Её рука нашла мою, и я, наконец отпустив решётку, крепко сжал её пальцы.

Ещё один миг.

— Спасибо, Джер, — прошептала Аманда. — И... простите.

Её ладонь исчезла из моей. Аманда обернулась и вскочила в седло с изящной грацией, от которой сердце моё сжалось с внезапной тоской. Раскрылись крылья. Хлопая, исчезли в темноте.

Миг. Другой. Третий.

Вспомнив о прихваченной из лаборатории склянке, я спешно поднял её, всё ещё стоявшую на камнях чуть поодаль, и, просунув руку сквозь решётку, что есть силы хлопнул флакон об пол. Звеня, разлетелись осколки.

Дьявол их знает, этих проклятых демонов — умеют они читать запахи, подобно животным, или нет, но теперь я мог надеяться, что затхлый дух разложившейся крови перебьёт для них тот тонкий аромат, что оставила после себя находившаяся здесь женщина.

Секунда. Ещё одна. И ещё.

Удалявшееся хлопанье крыльев затихло для меня лишь мгновением раньше, чем сзади грохнула о камни тяжёлая дверь и неизбежно приближавшиеся шаги наполнили дробным эхом своды мрачного зала.

— Мистер Сандерс, — с ласковой угрозой в голосе протянула Аннабель.

Двое демонов в балахонах стояли позади неё, ещё два составляли теперь мой совсем не дружелюбный эскорт.

— Помилуйте, я предполагала, что могу встретить вас на своём пути в это поместье, но чтобы вы добрались сюда раньше нас? Как же вам это удалось? Что такое важное моя сестра поведала вашему пронырливому кшхару?

— Понятия не имею, — передёрнул плечами я. — Мой пронырливый кшхар, к

сожалению, не умеет внятно говорить, чтобы сообщить мне об этом.

— Грубите? Напрасно. Вы ведь понимаете, что рано или поздно вам придётся всё рассказать. Так что, быть может, признаетесь, куда дели рукопись? Пока я спрашиваю вежливо, мистер Сандерс.

— Какую рукопись? — невинно уставился на неё я.

На миг потеряв самообладание, Аннабель разъярённо подалась ко мне, но остановилась и неровно выдохнула сквозь алые губы, замершие в дюйме от моего лица. Острый, как бритва, ноготь полоснул по щеке — той самой, которой всего несколько минут назад так нежно коснулась Аманда. Недавнее, свежее ещё воспоминание вихрем обрушилось на меня.

Аманда.

Точная копия её серых глаз сейчас вновь предстала передо мною, вот только взор Аннабель был совсем иным. Яростным. Жестоким.

— Рукопись, которую вы смели со стола на наших глазах. Ту рукопись, что оставила очень приметный след на полке открытого вами шкафа. Не стройте из себя идиота, мистер Сандерс. Я хочу знать, где она.

Мои губы расплзлись в уже откровенно наглой улыбке.

— Поищите. Может, завалилась куда.

Я едва успел договорить — в ту же секунду резкая пощёчина обожгла мою щёку. Больно, чёрт...

— Вы пожалеете, мистер Сандерс. Уверяю вас, вы сильно пожалеете.

Не тратя на меня более ни капли своего драгоценного времени, Аннабель обернулась к своим марионеткам.

— Этого ублюдка увести. Забираем его с собой. Вы двое, общитесь здесь всё! Унюхаете кшахара — идите по его следу. Если кто и мог исчезнуть с нашей добычей за считанные минуты, то это был только он.

— След кшахара есть, — шипяще отозвался один из демонов. — И, кажется, не только его... человеческий тоже имеется.

— Конечно, имеется, тупица! Эта сволочь Сандерс ведь как-то сюда пришёл!..

— Может, не один. Не могу понять. Тут кровью пахнет... тухлой. Нашей, — демон опустил на пол возле самой решётки и поднял крупный осколок разлетевшейся склянки. — Вот. Разбил.

Аннабель сощурилась и перевела взгляд на меня.

— Думал, обманешь нас, мерзавец?..

Ответа она, разумеется, не дожидалась. Властное, раздражённое движение рукой — эта вульгарная копия Аманды явно вошла во вкус в роли принцессы проклятых демонов.

— Разберитесь, как поднять решётки. Найдите мне кшахара. Ну, шевелитесь же!

И они зашевелились. Я с довольной ухмылкой наблюдал за тем, как они, превращаясь в полуразмытое марево, мечутся по пустынному залу в поисках рычага или колеса, приводившего в движение тяжёлые заслоны. Я-то знал: ни здесь, ни в лаборатории ничего подобного было не найти.

И вопреки недвусмысленной паршивости моего собственного положения, где-то внутри меня внезапной тёплой волной принялась подниматься сумасшедшая, совершенно неудержимая радость.

Они не преодолеют решётку. Они не смогут догнать моих беглецов.

— Как открыть её?! — набросилась на меня Аннабель, видимо, замечая на моих губах

нелепую улыбку, но я лишь равнодушно отмахнулся.

— Да откуда я знаю? Знал бы — думаешь, остался бы дожидаться вас здесь?

Вывод был вполне закономерным, и раздосадованная принцесса, капризно скривившись, вынуждена была оставить меня.

Ещё несколько минут бесплодных поисков, и Аннабель наконец сдалась, оставляя двух своих собачонок завершать уже не сулившее успеха дело. С каждой минутой вероятность наступить улепётывавшего во весь опор кшахара стремительно уменьшалась.

В моей душе цвело торжество.

Один из моих стражей молчаливо толкнул меня в спину, и я заметил, как Аннабель, подхватив юбки, принялась быстро подниматься по ступеням. Я последовал за ней, гадая, куда же выведет нас этот узкий, стремившийся вверх ход. Аннабель сказала, поместье... Так неужели мы действительно оказались прямо под ним?

Всего спустя пару минут мои предположения подтвердились. На мгновение мне даже стало обидно: какого дьявола эта дёрнутая сказка протащила нас сквозь все жуткие, путаные и казавшиеся нескончаемыми развалины, если в нашем распоряжении был короткий, прямой и совершенно безопасный спуск??..

Впрочем, ответ на этот вопрос появился почти сразу. Шагнув наружу сквозь ещё одну тяжёлую деревянную дверь, я оказался в светлом, жилом, человеческом коридоре. Простой пастельный шёлк, которым были затянуты стены, после бесконечного созерцания древних камней и слежавшейся глины показался мне самым ярким и восхитительным на свете. Вот только развороченная дыра в полстены тут смотрелась неуместно; могу поспорить на сотню норинов, что до недавнего времени даже следа её не было здесь.

Я оглянулся: старая деревянная дверь таилась чуть в глубине и наверняка на протяжении уже многих лет была укрыта надёжной каменной кладкой, парой слоёв штукатурки и нетронутым ровным шёлком в пастельных тонах. Обычная, ничем не примечательная стена в самом обыкновенном коридоре.

— Как же вы её отыскиали? — не удержавшись, полюбопытствовал я.

Аннабель надменно скосилась на меня и снисходительно бросила:

— Пришлось постараться.

Уверенным, слегка раздражённым шагом она направилась прочь по коридору, и мне безмолвно посоветовали не отставать. Что я и сделал — выбора теперь у меня оставалось немного. Ещё там, внизу, меня тщательно обыскали, изъяв револьвер, кинжал и даже оставшиеся в кармане свечи, а руки заковали в древние, одним своим видом наводившие ужас кандалы. Теперь тяжёлая цепь неприятно оттягивала вниз мои запястья, обещая спустя пару часов превратиться из маленького неудобства в весьма болезненную проблему.

Мне невольно вспомнилась жуткая картина, которую воображение нарисовало передо мной при взгляде на операционный стол в подземелье. Опыты. пытки. Ужас и безысходность, холодно поблескивавшие инструменты, кровь и ржавые кандалы... Что ждало меня самого впереди теперь?.. Не в воображении — в реальности?..

Думать об этом не хотелось.

И, отчаянно стараясь не смотреть в будущее, мрачной тенью маячившее на горизонте, я настойчиво обращал свой взор к прошлому, подводя черту, расставляя по местам все мысли, решения и ошибки, что в итоге привели меня к такому незавидному концу.

Я ведь всегда гордился тем, что не допускаю просчётов. Я знал, что нужно делать, чтобы оказаться на правильной стороне. Выгода и репутация, репутация и выгода... Не знать

лишнего о клиентах, не совать нос в опасные игры, беречь себя, не приближаться, не сопереживать... Что ж, похоже, собственные правила я нарушил все и сразу — целиком.

А ведь там, в подземелье, я превосходно понимал, как мог спасти себя сегодня. Всё, что было нужно — оставить рукописи лежать на своём месте, выказать содействие Ордену, проиграть чужую игру, но выиграть свою... встать на сторону сильнейшего, правильную и безопасную всегда.

Но вопреки инстинкту самосохранения, вопреки родным правилам, привычкам и непредвзятым доводам разума — вопреки всему надёжному, что когда-то существовало в моей жизни, теперь в моей смятённой душе всё сильнее крепла странная, безрассудная уверенность.

Улыбка на губах Аманды. Затянутые в кружево пальцы на моей щеке.

В окружении демонов, безмолвный и безоружный, я шёл по залитому беспечным солнечным светом коридору незнакомого поместья, ощущая в груди гулкие удары собственного сердца и отчаянно сознавая, как каждый шаг всё неизбежнее приближает меня к кровавому ужасу расплаты.

"Спасибо, Джер..."

Отбросив прошлое, не глядя в будущее, лишь одно я знал точно.

Я сделал всё верно на этот раз.

Больше книг на сайте - Knigolub.net